

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 1, 2011

Филология

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(*председатель*)
Д. И. Полювинный, д-р ист. наук
(*зам. председателя*)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
Л. В. Михеева (*ответственный секретарь*)

К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук

Над выпуском работали:

директор издательства **Л. В. Михеева**
редактор **О. А. Кручинина**
технический редактор **И. С. Сибирева**
компьютерная верстка **Т. Б. Земскова**

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Цветков Ю. Л. Природа экспрессионистической драмы Г. Кайзера **3**
Киселева И. С. Жанровые особенности пьесы Т. Дорн «Марлени. Прусские дивы, белокурые, как сталь» **9**
Трофименко Т. М. Роман О. Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» и французская научная фантастика **14**
Павлова М. Н. Интуиция-суждение и интуиция-догадка в космологическом трактате Э. По «Эврика» **21**
Тамаев П. М. Природный мир на страницах охотничьих книг С. Т. Аксакова **26**
Ермолаева Н. Л. «И блеск, и тень, и говор волн...» (Человек и море в очерках путешествия И. А. Гончарова на фрегате «Паллада») **37**

Языкознание

Денисов К. М. Некоторые гносеологические предпосылки неоднородности английской фонетической терминологии **48**
Миловская Н. Д., Москалева С. И. Семантический механизм создания юмористического эффекта в немецком языковом *бытовом анекдоте* **53**
Лутцева М. В. Новые тенденции в учебной лексикографии (На материале словаря *Longman Exams Dictionary*) **60**
Маник С. А. К вопросу о переводе новой общественно-политической лексики в двуязычном словаре **64**
Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Фразеологические единицы в лексиконе рядового носителя языка **69**
Рецензии **81**
Хроника **85**
Юбилей **99**

Вестник Ивановского государственного университета
Серия «Гуманитарные науки». 2008
Вып. 3, «Филология. История. Философия»

Аннотации **104**

Summaries **108**

Сведения об авторах **112**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **114**

ISSN 2219-5254

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 1, 2011

Philology

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyvyanny Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

E. V. Kromer, Candidate of Science,
Philology

Editorial Staff:

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*

Editor *O. A. Kruchinina*

Technical Editor *I. S. Sibireva*

Computer layout *T. B. Zemskova*

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2011

CONTENTS

Study of Literature

- Tsvetkov Yu. L.** The nature of G. Kaiser's expressionist drama 3
- Kiseleva I. S.** Genre-related peculiarity of T. Dorn's play «Marleni. Prussian diven blond like steel» 9
- Trofimenko T. M.** «Tomorrow's Eve» by O. Villiers de l'Isle-Adam and french science fiction 14
- Pavlova M. N.** Intuitive proposition and intuitive insight in E. Poe's cosmological treatise «Eureka» 21
- Tamaev P. M.** Natural world's vision in the hunter's books by S. Aksakov 26
- Ermolaeva N. L.** «And shine, and shadow, and sound of waves...» (Man and sea in the travel essays by I. A. Goncharov on the frigate «Pallada») 37

Linguistics

- Denisov K. M.** Some epistemological grounds for the heterogeneity of english phonetic terminology 48
- Milovskaya N. D., Moskaleva S. I.** Semantic way of creating comic effect in german linguistic everyday joke 53
- Luttseva M. V.** New trends in pedagogical lexicography (revising longman exam dictionary) 60
- Manik S. A.** On translation of new socio-political lexis in bilingual dictionary 64
- Khusnutdinov A. A., Khusnutdinova A. A.** Phraseological units in the lexicon of a privet native speaker 69
- Reviews** 81
- Chronicle** 85
- Jubilees* 99
- Summaries* 108
- Information about the authors* 112
- Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin"* 114

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2011. Вып. 1. Филология**

Подписано в печать 20.04.2011 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (0932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

АННОТАЦИИ

Ю. Л. Цветков

ПРИРОДА ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ ГЕОРГА КАЙЗЕРА

На примере ранней драмы Кайзера «Бубновый король» рассматриваются основные принципы создания драмы «духовного превращения» под влиянием философской книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: система образов-марионеток, развитие внутреннего конфликта, композиция и условность игрового действия. На протяжении двух десятилетий Кайзер искусно варьировал сходные композиционные построения в различных жанрах (от комедии до трагедии), сохранив архитектонику драмы и в период развития экспрессионизма, создав самые известные «драмы преображения» человека: трилогию «Коралл», «Газ» и «Газ. Вторая часть».

Ключевые слова: экспрессионизм, театр идей, драма духовного превращения, персонажи-марионетки, «новый человек», утопия, игровое начало, пафос, пародия, гротеск, тезисность монологов и диалогов.

И. С. Киселева

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЬЕСЫ Т. ДОРН «МАРЛЕНИ. ПРУССКИЕ ДИВЫ, БЕЛОКУРЫЕ, КАК СТАЛЬ»

Комедия «Марлени» создана молодой берлинской писательницей Т. Дорн в 1998 году. Автор четко определила жанр своего произведения, назвав пьесу «психологический гротеск». Комедия «Марлени» строится по принципу игры в допущения. В основе ее интриги лежит никогда не имевшая места в действительности встреча двух великих женщин Марлен Дитрих и Лени Рифеншталь.

Ключевые слова: психологический гротеск, «новая новая драма», система персонажей, хронотоп, комическое, игровое начало, буффонада, внутренний конфликт, пародия, фарс.

Т. М. Трофименко

РОМАН О. ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНА «БУДУЩАЯ ЕВА» И ФРАНЦУЗСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Рассматриваются особенности романа Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» (1886), в котором автор, опираясь на последние достижения науки и

техники, выдвигает свою версию создания искусственного человека: на фоне становления и эволюции научно-фантастической литературы во Франции XVII—XIX вв.

Ключевые слова: французская литература, фантастика, научная фантастика, социальная утопия, антиутопия.

М. Н. Павлова

ИНТУИЦИЯ-СУЖДЕНИЕ И ИНТУИЦИЯ-ДОГАДКА В КОСМОЛОГИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ ЭДГАРА ПО «ЭВРИКА»

Рассматривается проблема интуиции в научно-философском трактате Э. По «Эврика». На идейно-тематическом уровне интуиция позволяет Э. По сформулировать оригинальную космологическую теорию; обсуждение роли интуиции в познании обуславливает эстетическое своеобразие произведения.

Ключевые слова: Эдгар По, романтизм, «Эврика», космологический трактат, взаимодействие науки и литературы, интуиция, познание, индуктивизм Бэкона.

П. М. Тамаев

ПРИРОДНЫЙ МИР НА СТРАНИЦАХ ОХОТНИЧЬИХ КНИГ С.Т. АКСАКОВА

Статья посвящена 220-летию со дня рождения певца русской природы и детства Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859). В ней осмысливаются особенности художественного видения писателя, его метода и стиля.

Ключевые слова: природный мир, художественное видение, метод, жанр, стиль.

Н. Л. Ермолаева

«И БЛЕСК, И ТЕНЬ, И ГОВОР ВОЛН...» (Человек и море в очерках путешествия И. А. Гончарова на фрегате «Паллада»)

Анализируются способы изображения отношений человека и морской стихии в очерках Гончарова («Фрегат “Паллада”», «Два случая из морской жизни», «Через двадцать лет»). Осмысливается своеобразие миропонимания и дарования писателя на фоне творчества его современников.

Ключевые слова: «поэтический комплекс моря»; жизнь на берегу и «морская жизнь»; «всё так обыкновенно»; психологизм, живописание, философичность, «литературность», мифологизация, религиозность.

К. М. Денисов

НЕКОТОРЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НЕОДНОРОДНОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Анализируется специфика терминологической системы английского языка. Теоретически переосмысливаются терминологическая неоднородность входных единиц специальных словарей с точки зрения механизмов и этапов формирования основ лингвистического знания.

Ключевые слова: терминологическая неоднородность, упорядочение терминологии, логико-понятийная система, терминологическая система.

Н. Д. Миловская, С. И. Москалева

СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ БЫТОВОМ АНЕКДОТЕ

Семантический механизм создания юмористического эффекта в немецком языковом бытовом анекдоте Wortwitz предлагается интерпретировать как столкновение примарного и секундарного значений опорной лексемы «X». Одной из его реализаций является окказиональное варьирование значения опорной лексемы «X».

Ключевые слова: языковой бытовой анекдот, опорная лексема, семантический механизм, окказиональное значение, окказиональное варьирование.

М. В. Лутцева

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ LONGMAN EXAMS DICTIONARY)

Объектом исследования являются учебные словари современного английского языка. В связи с возрастанием интереса к английскому языку как средству международного общения появляется потребность в справочниках нового типа, включающих все составляющие английского языка: фонетику, лексику и грамматику. В ходе лексикографического анализа Longman Exam Dictionary определяются основные тенденции составления данных лексикографических трудов.

Ключевые слова: лексикография, учебный словарь, словник, входная единица, словарная статья, пример, помета, грамматический справочник.

С. А. Маник

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

Рассматриваются вопросы перевода новой общественно-политической лексики, выполняемого в духе «репрезентативного перевода» (способность перевода представлять, замещать собой оригинал в языке и культуре перевода). Описывается довольно широкий спектр инструментов современной лексикографии для регистрирования перевода с одного языка на другой, в частности для успешного замещения / перевода в двуязычном словаре ОПЛ необходимы лингвистические и культурно-прагматический данные. Изложенные тезисы иллюстрируются многочисленными примерами.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, двуязычный словарь, перевод, репрезентативный перевод.

А. А. Хуснутдинов, А. А. Хуснутдинова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЛЕКСИКОНЕ РЯДОВОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Описывается фразеологическая часть лексикона рядового носителя языка. Анализируется состав идиоматических выражений и особенности их стандартного и трансформированного использования в речи информанта. Определяются параметры, которые важны для характеристики фразеологии языковой личности.

Ключевые слова: фразеология, языковая личность, фразеологический лексикон, трансформация фразеологизма.

SUMMARIES

Y. L. Tsvetkov

THE NATURE OF GEORG KAISERS EXPRESSIONIST DRAMA

The article is aimed at analyzing the basic principles of «spiritual transformation» drama including imagery, conflict development, composition and action conventionality as exemplified in «The King of Diamonds», G. Kaiser's early drama, which was created under the influence of F. Nietzsche's «Thus Spoke Zarathustra». For two decades Kaiser skillfully modified similar compositional structures to various genres (ranging from comedy to tragedy) preserving drama architectonics in the age of expressionism and creating the most famous «spiritual transformation» dramas: «The Coral» trilogy, «Gas» and «Gas II».

Key words: theatre of ideas, spiritual transformation drama, parody, grotesque, play element, utopia, expressionism, urbanism, «new human».

I. S. Kiseleva

GENRE-RELATED PECULIARITY OF T. DORN'S PLAY «MARLENI, PRUSSIAN DIVEN BLOND LIKE STEEL»

The comedy «Marleni» was written in 1998 by T. Dorn, a young writer from Berlin. The author has clearly defined the genre of her play by calling it «a psychological grotesque». The principle underlying «Marleni», in particular, is that of playing with assumptions. Its intrigue is based on a meeting of Marlene Dietrich and Leni Riefenstahl, two great women, who never met each other in reality.

Key words: psychological grotesque, «New New Drama», system of characters, chronotope, comic element, play element, buffoonery, internal conflict, parody, farce.

T. M. Трофименко

«TOMORROW'S EVE» BY O. VILLIERS DE L'ISLE-ADAM AND FRENCH SCIENCE FICTION

The article is aimed at tracing the peculiarities of «Tomorrow's Eve» (1886), a novel by A. Villiers de l'Isle-Adam in which the author speculates on a new mode of creating an artificial human being based on the latest discoveries in science and technology in the context of formation and development of science fiction in 17—19th cs in France.

Key words: French literature, fantasy fiction, science fiction, social utopia, antiutopia

M. N. Pavlova

INTUITIVE PROPOSITION AND INTUITIVE INSIGHT IN «EUREKA», A COSMOLOGICAL TREATISE BY EDGAR POE

The article explores the problem of intuition in E. Poe's «Eureka», a philosophical and scientific treatise. In terms of content intuition enables Poe to formulate an original cosmological theory whereas the discussion of the role of intuition in cognition adds to the aesthetic peculiarity of the work.

Key words: Edgar Poe, romanticism, «Eureka», cosmological treatise, interaction of science and literature, intuition, cognition, Bacon's inductivism.

P. M. Tamaev

NATURAL WORLD'S VISION IN THE HANTER'S BOOKS OF S. AKSAKOV

The present article is dedicated to the 220th anniversary of the Russian nature and childhood singer Sergei Aksakov (1791—1859). It observes characteristics of the writer's artistic vision, method and style.

Key words: natural world, artistic vision, method, genre, style.

Н. Л. Ермолаева

«И БЛЕСК, И ТЕНЬ, И ГОВОР ВОЛН...» (Человек и море в очерках путешествия И. А. Гончарова на фрегате «Паллада»)

The article analyses the ways of depicting man and sea in the essays «Frigate "Pallada"» «Two cases from sea-life», «Twenty years after», the author dwells on the specificity of the writer's view on the world and his creative gift on the background of his contemporaries

Key words: poetic complex of sea; «on-land life» and «sea-life»; «everything is so ordinary»; psychological manner of the writer; painting with the word, philosophical colouring of literary work, mythological, literary and religious associations in I. A. Goncharov's prose.

K. M. Denisov

SOME EPISTEMOLOGICAL GROUNDS FOR THE HETEROGENEITY OF ENGLISH PHONETIC TERMINOLOGY

The article discloses some specific aspects of the terminological system of the English language. The core objective of the article is the theoretical revision of the terminological heterogeneity of the respective LSP dictionaries entry items from the perspective of the linguistic knowledge basics formation.

Key words: terminological heterogeneity, terminological unification, logical & conceptual system, terminological system.

N. D. Milovskaya, S. I. Moskaleva

SEMANTIC WAY OF CREATING COMIC EFFECT IN GERMAN LINGUISTIC EVERYDAY JOKE

Semantic way of creating comic effect in German linguistic everyday joke Wortwitz is interpreted as a collision of primary and secondary meanings of the basic lexeme «X». One of its realizations is the occasional change of the meaning of the basic lexeme «X».

Key words: linguistic everyday joke, the basic lexeme, semantic way, occasional meaning, occasional change.

M. Luttseva

NEW TRENDS IN PEDAGOGICAL LEXICOGRAPHY (REVISING LONGMAN EXAM DICTIONARY)

Pedagogical dictionaries of the current English are the subject of the research. As English has become the language of international communication users require new types of reference books that describe not only vocabulary of the English language, but also phonetics and grammar. Lexicographic analysis of Longman Exam Dictionary helps us to identify recent trends of dictionary-making.

Key words: lexicography, pedagogical dictionary, middle matter, entry, dictionary article, illustration, label, dictionary grammar.

S. A. Manik

ON TRANSLATION OF NEW SOCIO-POLITICAL LEXIS IN BILINGUAL DICTIONARY

The work is devoted to translation of new socio-political lexis made in the spirit of «representative translation» (ability to represent, substitute, replace the original by the translation in the language and culture). A pretty wide range of modern lexicographic techniques of translation registration is described, in particular linguistic and cultural pragmatic data are essential for a successful replace-

ment/translation in bilingual dictionary of socio-political vocabulary. The given ideas are illustrated by numerous examples.

Key words: Socio-political vocabulary, bilingual dictionary, translation, representative translation.

А. А. Хуснутдинов, А. А. Хуснутдинова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЛЕКСИКОНЕ РЯДОВОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

The phraseological part of the lexicon of a private native speaker is described in the article. The list of idioms and their standard and transformed usage in discourse of an informant is analyzed. The parameters which are important to characterize phraseology of linguistic identity are defined.

Key words: phraseology, linguistic identity, phraseological part of the lexicon, transformation of an idiom.

ББК 83.3(4)01

Ю. Л. Цветков

ПРИРОДА ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ Г. КАЙЗЕРА

В творческой судьбе немецкого драматурга, поэта и прозаика Георга Кайзера (1878—1945) были периоды бурного признания — в 20-е годы XX века и время забвения — в длительный период «внутренней эмиграции» и жизни в Швейцарии конца 30-х — начала 40-х годов. На театральных подмостках ФРГ и ГДР Кайзер уже не был тем блестящим драматургом, каким его знали зрители Германии во времена экспрессионизма или «новой деловитости». Его первые произведения были напечатаны у частных издателей в 1911 году: комедия «Иудейская вдова» («Die jüdische Witwe», 1904) и одноактная пьеса «Клаудиус» (Claudius, 1911), когда писателю исполнилось тридцать три года, а в его драматургическом багаже уже был не один десяток неопубликованных пьес. Прорывом в сценической биографии стали комедии «Случай с учеником Вегезаком» («Der Fall des Schülers Vehgesack», 1902) и «Давид и Голиаф» («David und Goliath», 1906). Их премьеры состоялись в 1915 году в театрах Вены и Дюссельдорфа. Однако настоящий успех принесли драматургу экспрессионистические пьесы, поставленные в театрах Германии с 1917 по 1920 год: трилогия «Коралл» («Die Koralle», 1917), «Газ» («Gas», 1918), «Газ. Вторая часть» («Gas, Zweiter Teil», 1920) и пьеса «Ад. Путь. Земля» («Hölle, Weg, Erde», 1919). С этого времени Кайзер становится одним из успешных немецких драматургов. Наряду с Г. Гауптманом и Б. Брехтом он был самым репертуарным писателем Германии. Его пьесы переводились на многие языки мира, в том числе и на русский. Изданные в Петрограде сборники пьес Кайзера были актуальны в ситуации общемировой идеи перестройки современного театра и вызвали интересную полемику в молодой республике Советов [1].

В 1895 году Георг Кайзер вместе с друзьями-одноклассниками основал литературный кружок «Сафо», в котором не только читали Платона, Ф. Ницше, классическую и современную литературу, но писали и инсценировали свои пьесы. Первый «кровавый гротеск в стихах» «Бубновый король» («Schellenkönig, eine blutige groteske», 1895) семнадцатилетнего автора несет отпечаток чтения произведений Ф. Ницше, Ф. Геббеля, ранних драм Г. фон Гофманшталя, поэзии С. Георге и обнаруживает искусную смену настроения в поисках главной идеи человека в «жизни». Драма была подра-

© Цветков Ю. Л., 2011

жанием неоромантическим устремлениям современных писателей Германии и Австро-Венгрии, а в замысле и композиции «Бубнового короля» Кайзера можно уловить будущие экспрессионистические черты: идейное преображение героя-марионетки, стремление к идеалу, полярность тезисов, этический пафос и эмоциональный накал высказываний персонажей.

Замысел драмы заключался в трехкратном преображении духовного облика главного героя пьесы — Короля неназванного государства. Первоначально он представлял собой человека, который в делах этикета полностью подчинялся указаниям французского церемониймейстера. Неожиданная насмешка слуги над Королем привела к всеобщему замешательству и первому преображению Короля: смех слуги показался ему естественным и необходимым, поскольку искусственный мир церемоний предстал в разоблачительном свете. Королю, наконец-то, открылся мир «братства и человеческой любви». Этому миру не нужны ни придворные костюмы, ни церемонии. Однако Король серьезно задумался над тем, могут ли «одежды действительно создавать людей»? Чтобы проверить этот тезис, он переоделся в костюм горожанина и, оказавшись в многоликой толпе, с ужасом наблюдал мир жестоких и коварных людей, которые не признали в нем человека, снявшего корону. Он обратился к слуге и потребовал от него подтверждения силы ниспровергающего смеха. Слуга вынул меч и защитил Короля. Тогда Король вновь преобразился: он стал ярым защитником «бубнового королевства», а одежда и регалии демонстрировали его верховную силу. Сомневающегося в этом слугу Король заколол кинжалом.

Смех слуги в начале драмы разрушил соблюдаемый этикет, привел к некоей иллюзии гармонии человеческих отношений, которые, в свою очередь, сменились апологией марионеточной власти. Серьезность социальной коллизии или конфликта поколений ушла на второй план в силу конструктивных особенностей развития сюжета, заимствованного из романа Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1885), — «трех превращений духа» под влиянием сатанинского характера «Заратустрова смеха», посредством которого в мир «вползает» зло. Первая пьеса молодого Кайзера убедительно представила игровую (в духе Ф. Шиллера) основу интеллектуальной драматургии как ряд антитетических превращений, экзистенциальных и этических прорывов персонажа-маски, характеристика которого каждый раз контрастна по отношению к предыдущей. Основной конфликт пьесы полностью сосредоточен внутри самого человека, и необходим случай, чтобы освободить энергию вечного противостояния «нового человека» и «старого мира» в форме бунта. При этом очертания этики «нового мира» как недостижимой гармонии межчеловеческих отношений вполне определены.

С момента написания первой законченной драмы отчетливо проявились черты театра Кайзера, близкие драматургическим основам будущего экспрессионистического театра, прежде всего пьесам К. Штернгейма и Э. Толлера. Поэтому можно утверждать, что Кайзер одним из первых драматургов Германии ощутил продуктивность игрового театра идеи под влиянием произведений Ф. Ницше и естественным образом предвосхитил театральные искания драматургов-экспрессионистов, которые позднее, в конце 10-х годов XX века, «во всей полноте попали под магическое влияние Ницше» [2, с. 25]. Первые драмы Кайзера не нашли какого-либо резонанса не только в силу необычной конструктивности или марионеточности, они попросту не были напечатаны или поставлены на профессиональной сцене.

1900-е годы — время активной работы Кайзера над собственным словом в драматургии под влиянием современных литературных течений натурализма, символизма и неоромантики, которые Кайзер принимал, отвергал или пародировал. Двадцать пять написанных в это время драм: «Ректор Клейст» («Rektor Kleist», 1903), «Дух античности» («Der Geist der Antike», 1905), «Маргарин» («Margarine», 1906), «Зорина» («Die Sorina», 1909), «Король-рогоносец» («König Hahnrei», 1910), «Смелый мореплаватель» («Der mutige Seefahrer», 1910), «Искушение» («Die Versuchung», 1910), «Фридрих и Анна» («Friedrich und Anna», 1911) и др. — имеют разнообразную жанровую природу. Кайзер создает одно-, двух-, трех-, четырех- и пятиактные комедии, трагедии и трагикомедии. Доминирующим жанром является комедия. Во многих драмах чувствуется непосредственное влияние или имеются элементы пародирования самых талантливых пьес драматургов той поры — Ф. Ведекинда, К. Штернгейма, Б. Шоу, Х. Ибсена, Г. Гауптмана, А. Хольца и А. Шницлера. В этот период формируются темы, значимые для всего дальнейшего творчества: «обновление» человека, противопоставление духа и «жизни», высокий этический пафос и мастерство монологической и диалогической речи.

Близким ранним драмам Кайзера был театр Ф. Ведекинда, известные постановки которого: «Пробуждение весны» (1891), «Дух земли» (1895) и «Ящик Пандоры» (1904) — свидетельствовали о разрушении цельности мира и иллюстрировали не столько ход событий, сколько развитие авторской идеи, противопоставлявшей мертвый дух и силу инстинктов тела. В коротких, быстро меняющихся эпизодах, заменивших логические переходы от события к событию, складывался «остраненный» взгляд автора на происходящее на сцене, что создавало «очуждающий эффект» в его брехтовском понимании. Нередко в прологе Ведекинд открывал зрителям замысел своего произведения, а вся пьеса демонстрировала этапы развития «идеи». Для Кайзера открытость авторского замысла не характерна: зритель в игровом действии призван самостоятельно рационально, подобно «эпическому театру» Б. Брехта, постигнуть идейный смысл драмы и измениться внутренне, став ближе идеалу «нового человека». Момент отсутствия традиционного для драматургии «новой драмы» жизненного правдоподобия позволяет говорить о становлении в Германии в предэкспрессионистский период модернистского театра с элементами «остранения». У Кайзера внутреннее «преображение» зрителя происходит путем воздействия на его интеллект «идеи о новом человеке и мире» в ходе духовного преобразования героя при воспроизведении антуража любых времен и любых как общественно значимых, так и мелких бытовых коллизий.

Авторская установка на игру, иронию, парадокс и метаморфозы духа обнаруживает в авторе не только драматургическую изобретательность, но и становится широким полем для его экспериментов. Кайзер был убежден в продуктивности своей концепции драмы и прежде всего комедии: «Развитие было простым. Когда я еще был доволен собой, я хотел быть недовольным и столкнулся со всеми средствами эпох и традиций, которые были мне доступны... Значит, я был всегда недоволен даже своим недовольством. Странно, что из комедии при достаточной систематике может возникнуть реальность» [4, S. 561]. Кайзер открыт для осуществления своих игровых замыслов известным ему комическим и некомическим сюжетам мировой литературы, начиная с античных и средневековых, легендарных и исторических, американских, японских и русских до современных. Подобная всеядность в выборе материала для собственной «систематики», которая варьировалась в разные периоды творче-

ства, значительно усложняет исследования о творчестве Кайзера, поскольку контактная, типологическая и интертекстуальная (иногда и интермедийная) основа его наследия чрезвычайно широка и многослойна. Каждое из его произведений представляет собой своеобразный сплав (удачный, а иногда и неудачный) многочисленных заимствований на самых разных уровнях: от времени действия, идеи, сюжета до конкретных имен, названий, стиля и языка. Во многих своих аспектах цитатное сознание Кайзера предвосхищает постмодернистское состояние литературы второй половины XX века.

Следующий этап творчества Кайзера (1912—1922) приходится на время расцвета экспрессионизма в немецкоязычном культурном пространстве. Движение молодых реформаторов словесности в Германии Кайзер воспринял с большим интересом и внутренним расположением, хотя по возрасту он был значительно старше поколения экспрессионистов, родившихся в начале 90-х годов XIX века, — В. Газенклевера, Р. Зорге, Э. Толлера и других. Кроме того, за годы активного писательства Кайзер создал около трех десятков разных драм и не мог считаться «штюрмером» среди молодых драматургов, поэтому его отношение к новому движению в литературе и искусстве Германии было скорее аналитическим и практическим, если учесть особенности кризисного периода его личной жизни (недолгое заключение в тюрьме), трудного характера общения с издателями и режиссерами.

Кайзер не примкнул ни к одному из течений немецкого экспрессионизма, не принял участия в деятельности многочисленных журналов, не солидаризировался ни с одним программным заявлением. Без сомнения, он хорошо знал драматургию экспрессионизма, обсуждал в своих статьях произведения Р. Гёринга, К. Штернгейма и И. Голля, дружил с А. Вольфенштейном, Э. Толлером и Ф. Чокором. Экспрессионистические трагедии Кайзера не были каким-либо «прорывом» в творчестве Кайзера, а последовательно продолжили поиски «систематики» и жанровых форм пьес предшествующего периода и особенно не выделялись в новом литературном контексте. Экспрессионизм ощущался современниками прежде всего в избранной тематике драм: острая критика общественных отношений, противопоставление личности и массы, призыв к «обновлению человека» с целью изменения условий его жизни: «В раннем экспрессионизме преобладает форма индивидуального преобразования, в котором всему старому и отжившему отводится однозначно отрицательная роль, а любое движение рассматривается как этап развития и очищения, а затем и рождения “нового человека”. Центральным мотивом драм такого рода становится конфликтная ситуация между молодостью и старостью как аллегория жизни и окостенелости (драмы Ф. Ведекинда, Г. Йоста, А. Броннена, Г. Янна)» [2, с. 101]. Экспрессионизм провозгласил именно те основополагающие принципы своей доктрины, которые были характерны для творчества Кайзера в целом: иллюзорность всего действительного, поиски высшей реальности, тоска по высокому этическому началу и проблема волеизъявления отдельной личности. В пьесах К. Штернгейма, Р. Зорге, В. Хазенклевера, Р. Гёринга и других молодых драматургов также отчетливо звучит страстный порыв к некоей утопии, для достижения которой необходимо сформировать такого человека, который был бы способен к созданию «нового мира» без войн, угнетения и пороков современного общества.

Экспрессионистический театр Кайзера по праву считается вершиной его творчества. К сценическим удачам на многих подмостках театров Герма-

нии можно отнести трилогию «Коралл», «Газ» и «Газ. Вторая часть». Так, Миллиардер, герой пьесы «Коралл», один из многих марионеточных образов Кайзера. Он безжалостно эксплуатирует рабочих на фабриках, а по четвергам собирает вокруг себя людей обездоленных, чтобы помочь им, поскольку знает по опыту своего детства, что такое лишения и голод. Благотворительностью занимается и двойник Миллиардера — его Секретарь. Он как две капли воды похож на Миллиардера кроме одного отличительного факта — наличия красного коралла. Дочь и Сын Миллиардера неожиданно отказываются от богатства отца: Сын оказывается на стороне рабочих, а Дочь хочет стать сестрой милосердия. Отец до глубины души потрясен выбором своих детей. Как и в других пьесах Кайзера, герой преображается и видит себя «новым человеком». Для этого он хочет присвоить себе счастливое детство Секретаря, чтобы достичь внутренней гармонии. После его убийства Миллиардер похищает коралл и сдается властям, выдавая себя за Секретаря. Перед казнью в тюрьму к «Секретарю» приходит Господин в сером для того, чтобы посвятить его в план создания «гармонии мира». Является к «Секретарю» и Сын Миллиардера в надежде на признание его сыном, поскольку он сам изготовлял оружие против своего отца-миллиардера, протестуя против его несправедливости. Сын Миллиардера предлагает «Секретарю» спасение — побег, поскольку речь идет о «судьбе человечества». Однако «Секретарь» отказывается. Третьим посетителем становится Духовник. «Секретарь» объясняет ему: «Я вновь достиг рая, который располагается позади меня... Гонимые все мы — изгнанные из нашего спокойного рая. Отколовшиеся куски коралла от сумеречного его основания — с раной первого дня творения» [3, S. 356—357]. Твердой походкой Миллиардер идет на казнь.

Несмотря на наличие социальной проблематики и конфликта поколений, драма концентрирует внимание на конструктивном духовном преобразении героя, далекого от реальной действительности и примеряющего на себя разные маски. Разоблачительный пафос, осязаемый в драме, теряется в абстракциях, двойничестве и утопической концовке, а жертвенный трагизм воспринимается как завершение игрового действия.

Своеобразна мера постижения автором социальных и индустриальных противоречий времени в драме «Газ», главным действующим лицом которой становится Сын Миллиардера. Он пытается спасти человечество от техногенной катастрофы на огромном газовом предприятии. Его рабочие считают предприятие «своей» собственностью и трудятся не жалея сил. После внезапного взрыва на заводе вся вина возлагается на Инженера, но Сын Миллиардера защищает его и предлагает план создания прекрасного поселка-сада на месте руин, чтобы избежать последующих катастроф. Однако Господа в черном — представители высших кругов газовой индустрии — настаивают на возобновлении производства газа, угрожая мерами воздействия, поскольку газ крайне необходим для будущей войны. Сына Миллиардера лишают прав управления заводом. Во время штурма рабочими ворот предприятия Сын Миллиардера не допускает кровопролития и видит перед собой Дочь в траурном одеянии по поводу смерти мужа. Отец вопрошает в финале драмы: «Скажи мне: “Где Человек? Когда он выступит и назовет свое имя — Человек? Когда он постигнет себя и вытрясет из кучи хвороста самоё себя?”» Дочь, утешая Отца, преклоняет перед ним колени: «Я хочу, чтобы он родился у меня!»» [3, S. 416]. Так, протест масс против утопического города-сада сме-

няется авторской идеей рождения «нового человека», который в будущем будет жить по законам разума.

Таким примером «нового человека будущего» в драме «Газ. Вторая часть» является Сын Дочери Миллиардера — рабочий на том же газовом заводе, поставляющем горючее для военных действий. Предприятие становится государственным, управляется Персонажами в синем и не справляется с заказами, поскольку рабочие измождены непосильным трудом. Они организуют забастовку и останавливают предприятие. К этому времени закончилась война. Наконец-то возможна мирная жизнь без эксплуатации людей и производства газа. Но за пацифистскими призывами «всеобщего братства человечества» следует новое испытание — вступление в город врагов — Персонажей в желтом, требующих возобновить производство газа. Тогда Главный инженер объявляет забастовку и сообщает об изобретении им особо ядовитого газа, с помощью которого можно победить врагов. Внук Миллиардера выступает против. Он требует от рабочих не быть «мстителями», а стать «страдальцами», «поскольку не в этом мире Царство Божие!!!». Главный инженер предлагает вместо отказа от насилия установить «безграничную диктатуру» ради уничтожения врага. Внук Миллиардера берется выполнить задание: бросить отравляющую капсулу с ядовитым газом во врагов и взорвать весь мир. Однако он выполняет задание раньше и взрывает зал собраний, где ему поручили важную миссию. Так начинается всеобщее уничтожение человечества: видны «белые скелеты людей» в развалинах здания. Вражеский Солдат в желтом бежит и кричит по телефону: «Обратите орудия против себя и уничтожьте себя: мертвецы поднимаются из котлованов — день Страшного суда...». Солдат стреляет в себя, а «в угарно-серой дали свистят очереди перекрестных огненных шаров в отчетливом самоуничтожении» [3, S. 450]. Апокалипсический финал трилогии контрастно сменил картины земного «братства» человечества и привел к порогу Страшного суда, перенеся таким образом надежду на «всеобщую справедливость» в потусторонний мир. Заключительная драма наглядно демонстрирует основные композиционные принципы Кайзера-экспрессиониста, не изменившиеся со времени создания первой пьесы «Бубновый король». Доля условности в разработке антимилитаристского и патриотического сюжета возрастает и ощутимо контрастной становится система образов («синие» и «желтые»).

Если в трилогии решение вопроса о существовании «нового человека» переносится в иной мир, то в драме «Ад. Путь. Земля» создается некая иллюзия возможности его существования. Проповедником «нового человечества» становится Прохожий, стоящий вне какого-либо класса или организации. К его «пастырским» речам и жертвенному служению людям прислушиваются те, кто злоупотребляет богатством в мире бедности: Богатые дамы, Адвокат, Ювелир, Жандарм, Преступник и др. Они признают свою вину, задумывают всеобщее покаяние и организуют марш спасения ради обретения искомой «земли». Причем действующие лица не представляют собой, как ранее, однородную массу, а каждый из них «перерождается» индивидуально. Пьеса демонстрирует, с одной стороны, абстрактность социальной концепции Кайзера, не допуская какого-либо участия человека в конкретной социальной деятельности, а с другой, веру и готовность индивида к внутреннему «перерождению», исходя из высоких гуманистических и христианских идей.

Георга Кайзера можно отнести к числу драматургов-экспериментаторов в истории мирового театра. Последователь немецкой интеллектуальной тра-

диции, театра-идей и игровой разговорной драмы, он создал за свою жизнь более семидесяти произведений для сцены на разные темы: от мировых проблем до бытовых конфликтов. В многообразных жанровых вариациях драматург оставался приверженцем искусного конструирования современных и исторических коллизий, которые принимали пародийно-гротескный характер в вымышленных игровых ситуациях с персонажами-марионетками. Основные принципы театральной условности театра Кайзера сложились не в контексте экспрессионизма, а в его раннем экспериментальном творчестве 90-х годов XIX века.

Библиографический список

1. *Кайзер Г.* Драммы / вступ. ст. А. В. Луначарского. М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 298 с.
2. *Пестова Н. В.* Немецкий литературный экспрессионизм. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2004. 336 с.
3. *Kaiser G.* Dramen I. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1979. 722 S.
4. *Kaiser G.* Tagebücher, 1910—1923. N. Y. : Schochen Verlag, 1949. 618 S.

ББК 83.3(4)014.6

И. С. Киселева

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЬЕСЫ Т. ДОРН «МАРЛЕНИ. ПРУССКИЕ ДИВЫ, БЕЛОКУРЫЕ, КАК СТАЛЬ»

Имя молодой немецкой писательницы Кристианы Шерер, пишущей под псевдонимом Теа Дорн (р. 23 июля 1970), нельзя пока назвать известным широкому кругу российских читателей. Родившаяся в Оффенбахе на Майне, будущая писательница училась вокалу, затем изучала философию и театроведение во Франкфурте и Вене, а в Берлине впоследствии некоторое время преподавала философию. Уже в 24 года Т. Дорн опубликовала свой первый роман «Берлинское расследование» («*Berliner Aufklärung*») [5]. Теа Дорн работает преимущественно в жанре романа, среди ее произведений есть детективы, любовные романы, сценарии к фильмам.

Комедия «Марлени. Прусские дивы, белокурые, как сталь» стала театральным дебютом писательницы. Написанная в 1998 году, пьеса была поставлена в январе 2000 года в Гамбургском драматическом театре, где главные роли исполнили знаменитые Марлен Дикхоф и Ильзе Риттер. На русский язык пьесу перевел Владимир Колязин. Постановка Сергея Яшина в Москве в театре им. Гоголя превратилась в триумф блистательных Светланы Брагарник и Светланы Крючковой. Премьера состоялась в марте 2002 года.

Пьеса «Марлени» является комедией, автор определяет ее жанр как психологический гротеск. «Гротеск (фр. *grotesque*, итал. *grottesco* — причудливый) — это вид условной фантастической образности, демонстративно

© Киселёва И. С., 2011

нарушающий принципы правдоподобия, в котором причудливо и алогично сочетаются несочетаемые в реальности образные планы и художественные детали» [3, с. 190]. Гротеск как художественный прием довольно характерен для драматургии новой волны, называемой еще «новая новая драма». Основные черты данного направления весьма четко сформулированы в книге С. Я. Гончаровой-Грабовской.

Отличительными признаками такой драматургии являются, по мнению исследовательницы, «ярко выраженный “игровой”, обобщающий характер... условно-символическое и игровое начала, интертекстуальность, внимание к ранее табуированным сферам изображения жизни, использование нового художественного дискурса... действие в таких пьесах, как правило, размыто, им движет не поступок, а слово. В художественной парадигме новой драмы наблюдаются “неоисповедальность”, “неонатурализм”, сочетание натурализма с гротескными интеллектуальными метафорами, развенчание стереотипов, постмодернистская игра идеями» [1, с. 6]. Зрителя в таких пьесах нередко шокирует бытовой натурализм, поданный в гиперболизированной, а то и в гротескной форме.

Все элементы пьесы Теи Дорн указывают на то, что конфликт ее лежит в психологической сфере. Система персонажей состоит всего из двух героинь, в заглавие комедии вынесено комическое слияние их имен — Марлен Дитрих и Лени Рифеншталь. Сюжет в пьесе как таковой отсутствует, действие почти полностью заменено диалогом. Образы великих женщин, ставших легендами, подаются в неожиданном для зрителя ракурсе, их традиционный имидж нарушается автором. Так, Марлен напоминает не белокурого ангела, а старую ведьму. Ей 90 лет, и ее красоту сменили такие признаки, как «Wüst geschnittenes Stopprlhaar von undefinierbarem Rosa-Weis, schwarze Zähne ausgeleierte Ohrläppchen, hängende Trännensäcke, etc.» [4, S. 9]. Этот портрет дополняет одежда, представляющая собой замызганное, рваное неглиже. Марлен почти выжила из ума, она проводит остаток дней в одиночестве своей парижской квартиры, целыми днями не вылезает из постели и постоянно прикладывает к бутылке.

Лени Рифеншталь моложе ее всего на год, однако, выглядит гораздо лучше: «Äußerlich noch gut in Schuß. Blonde Dauerwelle. Gepflegte Freizeitkleidung» [4, S. 9]. Она влезает в спальню Дитрих через балкон и втаскивает все оборудование для съемок фильма.

Хронотоп тоже соответствует жанру. Квартира Марлен в Париже — это единственное место действия. Обстановка здесь подчеркивает условный, фарсовый характер происходящего: спальня «без реалистических примет» [2, с. 323], где основными составляющими интерьера служат кровать немислимых размеров и стена, увешанная фотографиями великих любовников Марлен. А внутреннее пространство, в котором существует Марлен, — «Niemandland zwischen Infantilität, Demenz und senilem Scharfsinn» [4, S. 9]. Время действия — ночь с 5 на 6 мая 1992 года (дата смерти М. Дитрих).

Важнейшим жанрообразующим элементом в данной пьесе становится игровое начало. В основе пьесы лежит никогда не имевшая место встреча двух выдающихся женщин — своего рода игра в допущения. В пьесе формируется игровое поле, в котором автор комбинирует реальные факты биографий двух великих женщин с вымышленными, включая элементы пародии, абсурда и фарса. Например, завязкой пьесы Дорн служит предложение Рифеншталь снять фильм «Пентесилея», где главную роль непременно должна

исполнить Марлен. Этот фильм о царице амазонок реальная Лени Рифеншталь действительно хотела снять, однако съемки прервались 1 сентября 1939 года из-за начала Второй мировой войны и фильм остался нереализованным проектом. В диалогах нередко упоминаются реальные исторические события и личности, не умалчивается даже о встрече Рифеншталь с Гитлером и о некогда строимых ею планах стать его женщиной, а потом «его режиссером». Обсуждение героинями событий далеких лет и их точка зрения на историю, людей, личную жизнь — все это создается автором с помощью игры в допущения и раскрывает пародийно-гротескный характер образов.

Крайне важны для раскрытия идейного содержания пьесы такие игровые элементы, как детское начало и мотив куклы. Когда разговор касается реальной поездки Рифеншталь в Африку (1956 г.), где она создала множество замечательных художественных фотографий, Марлен достает из постели куклу в виде негритенка: «Leni, sag mal. Stimmt es eigentlich, dass Neger die längeren ...Dinger haben?» [4, S. 32] Она признается: «Забавно, сотни мужчин лежали на мне и подо мной, но негров среди них не было ни одного. Кроме вот этого маленького дикаря» [2, с. 335]. Содержание данного мотива касается личной судьбы самой Марлен. Это она была игрушкой в мире мужчин. Неслучайно Лени презрительно отвечает ей: «Марлен, ты мне противна. Ты и твоя прогнившая цивилизация. Вы смеетесь над неграми потому, что они дикари. На самом деле дикари вы сами. Для вас невыносимо великое, чистое, прекрасное. Вы счастливы лишь когда вываливаете все в грязь, изгадите, измельчите, испортите, потому что вы сами такие» [2, с. 335].

Самым главным жанрообразующим признаком, несомненно, является комическое. Именно его характер, формы и способы построения позволяют судить о жанровых разновидностях комедий. Основной формой комического в данной пьесе является буффонада. Это «(от итал. buffonata, буквально — шутовство, паясничанье) прием актерской игры (обычно комедийный). Для буффонады характерно стремление исполнителя максимально подчеркнуть внешние характерные признаки персонажа, склонность к резким преувеличениям» [6]. Этот прием обычно служит для того, чтобы придать персонажам или явлениям пародийный, карикатурный характер. Буффонада даже в большей степени характерна для цирка, нежели для театра и строится с помощью ярких, шутовских действий, нередко имеющих грубоватый оттенок. Марлен выплескивает Лени в лицо содержимое ночного горшка, садится на нее верхом, при этом пьет виски прямо из бутылки, пытается танцевать африканский танец и неуклюже падает на спину, надевает заржавевшую каску и т. п.

Самые разные формы комического представлены в диалоге. Словесные пикировки героинь полны исповедальных моментов и в то же время яркого, нередко грубоватого комизма. Дряхлая Марлен — образ, строящийся на основе комического контраста немощности и харизматичности, цинизма и инфантильности. Некогда отличающаяся капризным, взбалмошным поведением актриса, доводившая режиссеров до белого каления своими экстравагантными выходками, издевается над Лени, насмехается над ее замыслами, упрекает гениального режиссера в связи с фашистами. Ее речь полна иронии, остроумных пассажей, прямых насмешек, не обходится без использования ненормативной и грубой лексики (scher dich zum Tüfel [4, S. 13], Nazinutte [4, S. 16], du und dein braunstichiger Sonntagskleckser usw. [4, S. 27]). В момент, когда Лени пытается начать съемки, Марлен делается плаксивой и театрально жалуется на переломанные ноги, поврежденный позвоночник, вывихнутый та-

зобедренный сустав, рак, размягчение костей и недержание мочи. Комизм ее образа усиливается фарсовыми приемами, включающими в себя замену натуралистических подробностей механическими, а признаков человеческого тела — признаками вещи. (Марлен снится сон, что ее ноги достаются музею в Токио, она рассказывает: «...когда директор музея хочет вспороть мои ноги, оказывается там не кожа, а экранное полотно, а вместо крови и мяса сыплется труха» [2, с. 338].) Содержание этого сна символично: указывает на пародийный характер образа, на нарочитое, игровое разрушение экранного имиджа Марлен, включает в себя намек на отношение к ценностям голливудской культуры (тут стоит указать еще на то, что престарелая Марлен часто называет все фильмы, в которых снималась, «дурачками» [2, с. 329]).

«Гротеск может быть и трагическим — в произведениях с трагическими ситуациями, когда в центр ставятся судьба и духовное смятение личности» [3, с. 190]. Поскольку проникновение в комедию элементов драматического и трагического является в XX веке уже вполне обычным явлением, именно такой смысл гротескной иносказательности мы наблюдаем в пьесе «Марлени». «За беспощадной решимостью Лени Рифеншталь угадывается жизненная катастрофа» [4, с. 323]. По своим повадкам она подобна карикатурной эмансипированной женщине. Этот образ тоже состоит из контрастов. Слезливо-капризному поведению Марлен Лени противопоставляет не менее театральный, почти истерический энтузиазм. Ее бьющая ключом энергия приходит в комическое противоречие с безумным замыслом сделать из уродливой беззубой старухи прежнюю Марлен и заставить ее сыграть Пентесилею. Для этого Лени показывает ей спортивные упражнения, стаскивает ее с кровати и начинает смехотворную репетицию. При этом за внешней комической стороной таится глубокий трагизм «непрощенного гения», как называли Рифеншталь. Она упрасивает Марлен помочь ей, так как фильм — последняя надежда привлечь к себе внимание в мире, где многие заклеили ее за приписанную ей пропаганду фашизма.

Совершенно особым образом строится в пьесе диалог. Каждая из героинь замкнута в своем собственном мире, в себе со своими проблемами. Когда они говорят, то совершенно не слушают и не слышат друг друга. Этот типичный прием драмы абсурда многофункционален. Он указывает на противопоставленность героинь, их нахождение в разных мирах. Комический контраст представляет собой содержание реплик, которые героини произносят в одно и то же время, не слушая друг друга. Так, Лени вдохновенно рассуждает про гордое и отважное племя амазонок, которое собирается показать в фильме, Марлен в это время рассматривает свою грудь: «*Hat nie jemand gemerkt, was ich für Hängetitten hatte. War mein bestgehütete Geheimnis*» [4, S. 19].

Не следует забывать, что разговор о серьезных и трагических коллизиях истории облечен в комическую форму досужей болтовни. Героини говорят о себе, они обсуждают личную жизнь, карьеру и главным образом мужчин. Коренным различием в реальной судьбе этих двух титанических женщин была их позиция во время фашистской диктатуры. Марлен Дитрих покинула Германию в 1930 году, уехав в Голливуд. В годы Второй мировой войны она принимала активное участие в антифашистской пропаганде, выступала как певица перед американскими солдатами. Однако престарелая Марлен Теи Дорн вспоминает про эти годы так: «Ах война, наша добрая старая мировая война! На фронте было замечательно. Мое лучшее время. Мне всегда было весело с этими парнями. А парочка вшей, которые у меня тогда завелись, так

без них не бывает настоящего солдата...» [2, с. 329—330]. Вся ее гражданская позиция характеризуется фразой: «Alles im Leben hängt davon ab, an welcher Front man die Beine breit gemacht hat» [4, S. 16]. Лени Рифеншталь выступает в пьесе как фигура более трагическая. Как известно, она была лично знакома с А. Гитлером, который высоко ценил ее талант режиссера. Фильмы о съездах НСДАП «Победа веры» и «Триумф воли», снятые ею по заказу Гитлера, стали поводом для того, чтобы после разгрома фашизма Рифеншталь часто обвиняли в сотрудничестве с нацистами и пропаганде их политики. Как в жизни, так и в комедии Дорн, Рифеншталь отвергает подобные обвинения, позиционируя себя как художник, желающий только реализации своего творческого потенциала и не разобравшийся в политической ситуации: «Да, я сняла этот треклятый фильм о партийном съезде. Но до и после этого я сняла два чисто игровых фильма. ...Черт побери, когда вы, наконец, вдолбите это в ваши тупые антифашистские мозги?! Я не мастер пропагандистского кино, каким вы меня считаете. Реальность меня не интересует. И никогда не интересовала» [2, с. 345]. Внутренний конфликт, раскрывающийся на уровне «автор — изображаемое», это конфликт художника и тоталитарного общества, предъявляющего к искусству собственные требования.

Другая сторона конфликта — это женщина в искусстве. Для того чтобы пробиться к славе, ей нужно приложить неизмеримо больше усилий, чем мужчине. Одного таланта тут недостаточно. Героини Дорн одинаково стоят перед этой проблемой, но идут разными путями: Марлен достигает многого с помощью любовников и расплачивается за свою известность тем, что становится для мужчин игрушкой. А Лени представляет собой образ сильной, волевой женщины, привыкшей всего в этой жизни добиваться самостоятельно, а не с помощью мужчин.

И в конце концов, художник и время — еще один уровень конфликта, и тут сходство между героинями неоспоримо. Мотивы старости и творческой истощенности привносят в комедию драматические и трагические элементы. Персонажи пьесы — женщины-легенды, два лица целой эпохи, которые, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, противопоставленность, во многом схожи. Их время прошло. Они и тут ведут себя по-разному. Марлен предпочитает доживать свои дни, не вставая с постели, а Лени действует и пытается предпринять отчаянный рывок, чтобы заявить миру, что ее рано списали. Ее отчаянные планы нарушает смерть Марлен. Последнее переодевание Марлен, когда она предстает в светлом парике, цилиндре и фраке возвращает зрителю ее былой образ, но это уже свидетельство финала ее творческой и личной судьбы. Будучи забытыми, никому не нужными и одинокими, великие женщины сливаются в единый символ.

Библиографический список

1. *Гончарова-Грабовская С. Я.* Комедия в русской драматургии конца XX — начала XXI века. М. : Флинта, 2008. 280 с.
2. Мюнхенская свобода и другие пьесы. Немецкоязычная драма 2-й половины XX столетия. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 365 с.
3. *Шапошникова О. В.* Гротеск // Литературная энциклопедия терминов и понятий М. : Интелвак, 2001. 1600 с.
4. *Dorn T.* Marleni. Präußische Diven blond wie Stahl. Frankfurt a. Main : Verlag der Autoren, 2000. 99 S.
5. URL: <http://www.bookreporter.de/autoren/2361-thea-dorn> (дата обращения: 7.02.2011).

6. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es10433/буффонада> (дата обращения: 7.02.2011).

ББК 83.3(4)-001

Т. М. Трофименко

РОМАН О. ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНА «БУДУЩАЯ ЕВА» И ФРАНЦУЗСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Творчество французского писателя О. Вилье де Лиль-Адана (1838—1889) во многом отражает переходный характер современной ему эпохи. Именно в этот период, 70—80-е годы XIX века, во французской литературе зарождается новое литературное течение «символизм» как реакция на господство натурализма. Произведения Вилье де Лиль-Адана, как одного из первых представителей этого направления, выделяются своими новаторскими чертами. В них мы находим элементы, приемы, а иногда и сюжеты, которые приобретут у писателей следующего поколения ясные и четкие очертания, тогда как у Вилье они даны лишь в набросках. В связи с этим у исследователей возникают большие затруднения при попытке классифицировать романы и новеллы этого писателя-предтечи. Именно «предтечей научной фантастики» и называет С. Лем в своей «Фантастике и футурологии» роман Вилье «Будущая Ева», повествующий о создании искусственного человека — электрической Андреиды.

Научная фантастика как вид фантастической литературы предполагает единую сюжетную посылку рационального характера, согласно которой необычное создается с помощью законов природы, научных открытий или технических изобретений, в принципе не противоречащих естественнонаучным воззрениям, существующим на момент создания того или иного художественного произведения.

Научная фантастика в ее современном понимании выделяется в отдельный вид искусства в 20-х годах XX века благодаря Хьюго Гернсбеку, создавшему в 1926 году специализированный журнал «Amazing Stories», где он публиковал фантастические произведения научно-популярного, прогнозистического характера. Х. Гернсбек предъявлял печатающимся у него авторам строгие требования, которые и легли в основу критериев, характеризующих этот вид фантастики.

В России авторство термина «научно-фантастический» приписывается известному популяризатору науки Я. Перельману, употребившему его применительно к произведениям Ж. Верна.

Корни научно-фантастической литературы уходят в эпоху Возрождения, в период развития науки и техники. Однако фантастические произведения этого времени вплоть до XIX века считались по преимуществу социальными утопиями, в которых авторы если и упоминали о чудесах техники, то делали это мимоходом, не останавливаясь на деталях устройства и принципах работы.

Первые элементы научной фантастики появляются во французской литературе в XVII веке в утопии Сирано де Бержерака «Иной свет, или Госу-

дарства и Империи Луны» (1647—1650 гг.). Герой Сирано, решившись отправиться на Луну, чтобы доказать множественность миров, начинает изобретать летательный аппарат. Удастся ему это не сразу, первые два устройства оказываются недостаточно эффективными, однако и эти неудачные попытки используются для подтверждения истинности гелиоцентрической системы Коперника. Так, поднявшись в воздух по вертикали при помощи многочисленных бутылочек, наполненных росой, герой также по вертикали опускается на землю, но уже в Канаде, чем подтверждает факт вращения Земли и т. д. К тому же в романе присутствуют подробные описания изобретенных героем аппаратов, а также описания различных устройств, обнаруженных им на Луне: солнечные лучи, заключенные в хрустальные бокалы, миниатюрные звукозаписывающие устройства и др. Таким образом писатель старается создать видимость правдоподобия и «научную» аргументацию фантастическим изобретениям.

Как отмечает А. А. Розанова в монографии, посвященной французской фантастической литературе, «Создатель “Иного света” несомненно является зачинателем жанра научно-фантастической литературы, но он остался одиноким: у него не было ни предшественников, ни соперников не только в XVII, но и, по сути, в XVIII веке» [4, с. 32]. Произведение Сирано было надолго забыто и только в XIX веке романтики воздали ему должное. Так, Т. Готье, отмечая большое влияние творчества Сирано на научную и культурную жизнь Франции, пишет: «И Мольер отнюдь не единственный, кто черпал из сочинений малоизвестного Сирано де Бержерака, — к ним обращались и другие весьма почтенные авторы. <...> Среди других способов полета на Луну и Солнце Сирано описывает следующий: нужно “наполнить сделанный из очень тонкой материи баллон летучим газом или дымом, который был бы значительно легче воздуха”. После такого описания уже не составляло большого труда соорудить воздушный шар, истинным изобретателем которого я считаю Сирано де Бержерака — и никого другого» (см.: [5, с. 208]).

Следующим произведением, содержащим элементы научной фантастики, стал роман Ретиф де Ла Бретона «Южное открытие, произведенное летающим человеком, или Французский Дедал. Весьма философская новелла с приложением “Письма обезьяны”», опубликованный в 1781 году. Очевидно, что на писателя повлияло всеобщее увлечение в XVIII веке авиацией, и он создает детальное и вполне правдоподобное описание летательного аппарата. Роман Ретифа отличается от своего предшественника большим правдоподобием. Так, полеты героя не выходят за пределы земной атмосферы, да и описание процесса создания летательного аппарата правдоподобнее. Первые две попытки взлететь окончились неудачно и даже трагично, и лишь третья модель после нескольких лет усовершенствования позволяет герою осуществить свой замысел.

Оба упомянутых произведения, как и другие социальные утопии XVII—XVIII веков и первой половины XIX века, в большинстве своем являясь сатирическими утопиями, ставили своей основной целью критику современного им общества и использовали научно-фантастический элемент лишь как вспомогательный. Первым писателем, создавшим совершенно новый «научный» роман, где основной целью становится популяризация науки, стал Ж. Верн.

Богатое творческое наследие писателя-фантаста (более 60 романов) не раз становилось объектом рассмотрения отечественных и зарубежных исследователей.

дователей. В связи с этим не будем подробно анализировать его произведения, а лишь попытаемся выделить основные тенденции.

После ряда неудачных попыток опубликовать свои «робинзонады» Ж. Верн вместе со своим постоянным издателем Этцелем, задумывает цикл романов, где в увлекательной, иногда фантастической, форме будут пропагандироваться новейшие открытия в области географии, естественной науки и техники. Это и стало истинным призванием писателя. Увлеченный, как и многие в этот период, революционными достижениями научно-технического прогресса, Ж. Верн создает произведения, полные оптимизма, веры в разум и науку. Его героями становятся отважные первооткрыватели и путешественники, честные и благородные ученые-изобретатели, посвятившие свою жизнь служению науке, способной изменить человеческое общество, сделать его свободным и гуманным. Как следствие этого, на его страницах мы находим и социальную утопию, основанную на достижениях научного прогресса. В своих романах Ж. Верн редко заглядывает в будущее.

Однако начиная с 80-х годов настроение писателя несколько меняется: отношение к всемогуществу науки и к ученым становится более пессимистичным, появляется тема ответственности ученого за свои изобретения, а также за использование передовых достижений науки с целью наживы или честолюбивых устремлений.

Тем не менее гений Ж. Верна и его полная уверенность во всемогуществе науки позволяют писателю на материалистической и рационалистической базе объяснить самые невероятные явления и события, полностью исключая мистику. Иллюстрацией этого может быть роман «Ледяной сфинкс», своеобразное продолжение романа Э. По «Приключения Артура Гордона Пима». Следуя по маршруту героя Э. По, герои Ж. Верна находят останки Артура Пима на ледяной скале, похожей на сфинкса.

Ж. Верн трепетно относился к возможности все объяснять с помощью разума, опираясь на материалистические взгляды, тем самым противопоставляя свое творчество, с одной стороны, мистике Э. По, с другой — фантастике Г. Уэллса.

Однако, несмотря на явное новаторство Ж. Верна в области научной фантастики, его имя очень часто занимает лишь вторую позицию, уступая Г. Уэллсу. Исследователи творчества французского писателя выдвигают различные гипотезы в поисках причин этого факта. Одним из ответов может быть то, что общее настроение романов британца оказалось в большем соответствии с «практичным» XX веком, чем во многом романтические фантазии Ж. Верна. С. Лем вслед за Ю. Кагарлицким отмечает: «У Верна <...> стоит только кому-либо захотеть построить лунную батарею или отправиться в путешествие над Африкой на воздушном шаре, как чуть ли не все человечество мчится к нему с материальной поддержкой. <...> У Уэллса же <...> если кто-то собирается лететь на Луну, то трудится с парой слуг в сарае; когда изобретает невидимость, то мир узнает об этом лишь после того, как из шкафов начинают исчезать деньги; когда первые марсианские снаряды уже летят к Земле, никто, кроме какого-то астронома, не обращает на это ни малейшего внимания. Именно в этом смысле Уэллс, а не Верн является отцом веристической конвекции в фантастике» [3, с. 509].

Вместе с развитием «научных» художественных произведений в литературе возникает и новый образ — образ ученого. С самого начала проявляется неоднозначное отношение писателей к этому «новому» герою.

А. В. Македонов в работе «Личность ученого в художественной литературе» (см.: [6, с. 352—353]) останавливается на четырех типологиях с точки зрения соотношения личности ученого с их научной деятельностью, замечая, что художественные типы всегда индивидуальны и что художественная литература представляет каждого ученого как неповторимую личность. Остановимся на двух типах, наиболее характерных для рассматриваемого периода. Первый — это тот, которого потом будет развивать в своих романах Ж. Верн, — бескорыстный и неутомимый исследователь, готовый на любые испытания ради воплощения в жизнь своего дерзновенного замысла, творящий во имя и на благо человечества. Таковы и Сайрос Смит из «Таинственного острова» (1874), и Фергюссон («Пять недель на воздушном шаре» (1863)), и капитан Немо («Двадцать тысяч лье под водой» (1869—1870)) и многие другие.

Однако помимо этих истинных «рыцарей науки» возникает и противоположный им тип — преступного ученого-одиночки. Таков герой раннего романа Бальзака «Столетний старик» (1822), живущий флюидами жизни, высосанными с помощью специального аппарата из юных жертв. Такова и целая галерея ученых-позитивистов в новеллах и романах Вилье де Лиль-Адана.

Своеобразие научной фантастики Вилье базируется на его общем отношении к научному прогрессу в целом. Будучи последователем романтиков, Вилье, с одной стороны, видит в ускоряющейся механизации общества угрозу для внутреннего мира человека и, с другой стороны, высказывает сомнения в возможности с помощью научных открытий раскрыть тайну бытия и решить глобальные проблемы человечества.

Уже в своем первом романе «Исида» (1857) Вилье выражает свой скептицизм, подчеркивая, что, несмотря на большие достижения в области медицины, физиологии и химии, человек так и не смог ответить на такие вопросы, как «что есть Жизнь» и «что есть Смерть».

В многочисленных новеллах писатель показывает, как использование различных технических новинок приводит к эмоциональной и духовной деградации человека.

Так, например, в «Машине славы» описано изобретение господином Гравом технической замены театральной клаки, которая с помощью хитроумных приспособлений «подсказывает» зрителю, когда нужно плакать, смеяться или аплодировать, обеспечивая тем самым успех самой заурядной пьесы. Другое произведение — «Аппарат для химического анализа последнего вздоха» показывает, как дети, используя инструкцию, учатся пользоваться прибором, привыкая постепенно к мысли об утрате близких, что впоследствии даст им возможность спокойно перенести их кончину, не тратя понапрасну время на слезы и сожаления. В новелле «Реклама на небесах» предлагается использовать ночное небо в качестве фона для яркой цветной рекламы.

Все эти новеллы представлены как рекламные проспекты, выставляющие напоказ «положительные» аспекты используемых устройств, тогда как ирония, переходящая в сарказм, не позволяет читателю усомниться в подлинном замысле автора.

Некоторые новеллы Вилье представляют собой настоящую антиутопию, примером может служить «Любовь к натуральному», в которой представлено общество, где всё — продукты, одежда и даже пейзаж — оказывается синтетическим.

Естественно, что при таких условиях и образ ученого у Вилье представлен нелицеприятно. В основном это позитивистски настроенный персо-

наж, отрицающий все, что нельзя потрогать, или все, что не приносит выгоды, не останавливающийся ни перед чем ради достижения своего открытия — даже перед убийством. Так возникает Трибюла Бономе, сквозной персонаж одноименного сборника и романа «Клер Ленуар».

Этот роман, первая версия которого выходит в 1865 году, уже содержит в себе отличительные черты фантастики Вилье: подробное описание научного эксперимента с легкой примесью мистики. При этом роль мистики заключается в том, чтобы в финале произведения разрушить иллюзию всемогущества Науки и Прогресса.

В романе «Клер Ленуар» описывается возможность рассмотреть на сетчатке умершего последнее, что он видел. Трибюла Бономе видит не реальные события, а сцену убийства Генри Клифтона Сезером Ленуаром, воплотившемся после смерти в дикаря.

Роман «Будущая Ева» стоит особняком в творчестве Вилье де Лиль-Адана. Здесь нет традиционного ученого-злодея, да и отношение к научным достижениям на первый взгляд изменяется.

Роман вырос из новеллы, задуманной сразу после Всемирной выставки в Париже (1876 г.), на которой американский ученый Эдисон продемонстрировал свой фонограф. Однако, как отмечает А. Рэйт, исследуя историю создания романа почти одновременно с Эдисоном, такой же аппарат был создан хорошим знакомым Вилье Ш. Кро, не запатентовавшим свое изобретение. Вполне возможно, что обида за друга сказалась на описании Эдисона в новелле, сохранившемся только в черновиках. Единственное, что объединяет роман с первоначальным замыслом, это схема (ученый — заказчик — идея) создания искусственного человека. В течение почти 10 лет Вилье не забывает об этом сюжете. Появляются новелла «Парадоксальная Андрида Эдисона», незаконченный роман «Новая Ева» и, наконец, в 1885 году на страницах периодического издания выходит последняя редакция — роман «Будущая Ева».

Значительная часть романа посвящена философским рассуждениям Эдисона о роли науки в истории человечества. Вилье обращается к различным временным пластам, не пренебрегая мифами разных времен и народов. Общей идеей сетований ученого является недоумение Эдисона, почему до сих пор не были изобретены фотография и фонограф. «...Просто невероятно, чтобы среди мастеров такой... закалки не нашлось ни одного, кому хотя бы в голову пришло записать собственный голос! А впрочем, может, он был изобретен, мой аппарат, только его сочли тогда не стоящим внимания и предали забвению? <...> К счастью, сегодня хотя бы поручиться можно, что изобретения человека окончательны, что они на долгие времена. Конечно, то же самое полагали и Набоносаре, то есть семь или пять тысяч лет назад...» [2, с. 33]. Здесь вновь слышны отголоски мыслей, высказанных еще в первом романе Вилье «Исида», об общей бесполезности и беспомощности человеческой научной мысли. В то же время Эдисон как истинный представитель Науки в свое время и в своем мире вновь пытается бросить вызов Природе и силой человеческого разума раскрыть ее тайны.

Вторая книга романа продолжает размышления Эдисона об истории и роли науки и научного прогресса, переходя непосредственно к созданию искусственного человека. Вилье вкладывает в уста Эдисона свои размышления об ответственности ученого за собственные изобретения. «Никто не может доподлинно определить природу того, что он создает, ибо любой нож может стать кинжалом; так и любая вещь *преображается и обретает свое*

новое название в зависимости от того, как она будет использована. Одна лишь неуверенность в конечном результате наших действий снимает с нас ответственность за них. Надо, следовательно, ни в чем не быть уверенным до конца, иначе у кого хватило бы смелости завершить свой труд!» [2, с. 71]. Сам Эдисон, опасаясь того, что его открытиями смогут воспользоваться в корыстных целях, тщательно скрывает свое главное творение — андреиду — от любопытных глаз.

Андреида Эдисона — уникальное, совершенное творение рук Человека. Подчеркивая эту мысль, ее творец начинает свой рассказ, обращенный к лорду Эвальду, с истории создания «имитации человека, искусственного человеческого существа», подвергая критике все «предшествующие попытки: «Сии горе-мастера, не располагая для этого ни умением, ни подходящим материалом, изготовляли лишь смехотворных уродов. <...> Грубые, аляповатые, эти творения являют собой пасквиль на Человека, и вместо того чтобы внушать ему чувство своего могущества, понуждают его лишь покорно склонять голову перед богом Хаосом. <...> Манекены эти не более как оскорбительная карикатура на нас, на все человечество. Да, таковы были черновые наброски андреидов, первые попытки создать искусственного человека» [2, с. 70].

Тем не менее Вилье не забывает отдать дань новым, более совершенным возможностям современной ему науки: «Отныне мы уже можем позволить себе с предельной достоверностью СОЗДАВАТЬ могучие фантомы, таинственные *гибриды*, о которых наши предшественники не могли бы даже помыслить и одно упоминание которых способно было бы вызвать у них лишь испуганную улыбку» [2, с. 70]. Так, постепенно, Вилье подводит читателей к непосредственному описанию изобретения. Для достижения эффекта правдоподобия изображения чудесного создания Вилье преподносит его в форме диалога ученого и его гостя, лорда Эвальда, который своими неискренними вопросами побуждает Эдисона давать подробные пояснения.

«Однако для суставов пришлось все же использовать железо.

— Вот как? — задумчиво произнес лорд Эвальд. — Для суставов вы пользовались железом?

— Разумеется, — ответил Эдисон, — разве не входит железо в состав нашей крови и нашего тела? Недаром же во многих случаях врачи прописывают нам его в качестве лекарства. Так что совершенно естественно, что без него невозможно было бы обойтись, не то Гадали могла бы получиться не совсем... человеком.

— Но почему именно в суставах? — спросил лорд Эвальд.

— Сустав состоит из двух элементов — охватывающего и охватываемого; так вот, наружным, охватывающим элементом в суставах Гадали служит магнит, возбуждаемый электричеством, и поскольку лучше всех металлов (лучше никеля и кобальта, во всяком случае) магнит притягивает именно железо, я вынужден был сделать внутренние элементы из стали, состоящей в основном из железа.

— В самом деле? — очень спокойно отозвался лорд Эвальд. — Но ведь сталь окисляется — выходит, суставы способны заржаветь?

— Такое скорее может случиться с нашими суставами, сказал Эдисон. — Вон на той этажерке — большая плотно закупоренная бутылка с розовым маслом, смешанным с амброй, — оно-то и послужит необходимой смазкой для Гадали.

— Розовое масло? — переспросил лорд Эвальд.

— Да, то единственное, которое, будучи приготовлено подобным образом, не выдыхается, — сказал Эдисон. — И к тому же ароматы — неотъемлемая часть женщины...» и т. д. [2, с. 88]. Как видно из приведенной цитаты, Вилье не ограничивается сухим описанием технического устройства и химического состава аппарата, не забывает он о некоторой доли романтического ореола.

Более подробному описанию посвящена пятая книга романа, которая названа по имени главной героини, — «Гадали». Характер и стиль повествования здесь меняются. Хотя внешне сохранена форма диалога, реплики лорда Эвальда, сведенные до минимума, в большинстве случаев ограничены междометиями, передающими эмоциональное состояние молодого человека, перед глазами которого открываются не только секреты автомата, но, в некоторой степени, секреты красоты «натуральных» земных женщин.

Названия глав говорят сами за себя — «Первое появление машины в истории человечества», «Походка и осанка», «Равновесие», «Телесная оболочка», «Глаза телесные», «Шевелюра» и т. д. Структура глав почти однотипна: Вилье описывает ту или иную часть автомата в соответствии с названием главы, сравнивая свое творение с человеком, и сравнение это чаще всего не в пользу последнего. О людях, прежде всего своих современниках, Вилье пишет с иронией, перерастающей порой в сарказм. Так, рассказывая о глазах Гадали и о средствах придания естественности ее взгляду, Эдисон заявляет: «В наши дни благовоспитанные женщины усвоили одну и ту же манеру глядеть — светскую, общепринятую и воистину чарующую (эпитет к месту); в таком взгляде всякий найдет то выражение, какое желает, а им эта манера глядеть позволяет думать о своем, притом что создает иллюзию полнейшего внимания. Такой взгляд можно клишировать, поскольку сам он — не что иное, как клише, не правда ли?» [2, с. 151].

Эдисон постоянно подчеркивает идеальность своего творения и его превосходство над творением Природы: «Природа меняется, но андреида неизменна. Мы, люди, живем, умираем, и все такое. Андреиде неведома жизнь, болезнь, смерть. Она выше всех несовершенств и тягот! Она сохраняет красоту, возможную лишь в мечтах. Это *вдохновительница*. Она говорит и поет, словно наделена гениальностью — и даже более того, ведь чудесные ее речи одушевлены мыслями не одного гения, а нескольких. Сердце ее не знает измены: сердца у нее нет...» [2, с. 146].

Таким образом, обращаясь к одному из принципов, выработанных Х. Гернсбеком для научно-фантастической литературы (75 % литературы и 25 % науки), мы видим, что по этому параметру роман Вилье вполне можно отнести к этому жанру. Что касается достоверности научной стороны изобретения, естественно, в наше время пояснения Эдисона выглядят достаточно наивными, однако подробные детальные описания и обилие терминов в конце концов позволяют автору достичь желаемого — эффекта правдоподобия.

И все-таки автор нарушает одно из условий: вводит в свое произведение мистику. В последних главах романа в происходящие события вмешивается сверхъестественное. Выясняется, что Гадали не просто робот, она таинственным образом связана со странной особой по имени Сованна, играющей роль своего рода души андреиды. К тому же, получив право на существование, Гадали освобождается от власти Эдисона и уж тем более своего нового хозяина, лорда Эвальда.

В таком финале романа многие видят слабость Вилье (например, С. Лем), его несостоятельность до конца объяснить с научной точки зрения

принцип действия андреиды. К слову сказать, андреида Вилье — это не искусственный разум, писатель вообще не обращает внимание на рассудочность своей машины, речь идет исключительно о душе нового создания.

Однако более глубокий анализ произведения и творчества писателя в целом позволяет нам высказать иное предположение. Обращение к мистике в конце столь удачного проекта необходимо Вилье для того, чтобы вновь подчеркнуть несовершенство человеческой мысли.

Особенностью научной фантастики Вилье является то, что писатель изначально протестует против всемогущества Науки и Прогресса (то к чему отчасти приходит и Ж. Верн)*.

Роман «Будущая Ева» может показаться современному образованному читателю устаревшим, а порой и смешным, с точки зрения устройства искусственного человека, но проблемы, которые затрагивает автор, не утратили свою актуальность и в наши дни (особенно это касается вопроса ответственности ученого за судьбу своего изобретения). «Показательна судьба хорошей научно-фантастической книги. Обветшала “научная” конструкция — развалилась, обратилась в прах. Не устаревают — мысль и художественный образ. То, ради чего и громоздилась в конечном счете вся эта “фантастика”» [3, с. 53].

Библиографический список

1. Верн Ж. Собрание сочинений : в 50 т. М. : Дайджест, 1992. Т. 1. 367 с.
2. Вилье де Лиль-Адан О. Избранное. Л. : Худ. лит., 1978. 368 с.
3. Лем С. Фантастика и футурология. М. : АСТ : Ермак, 2004. Кн. 2. 668 с.
4. Розанова А. А. Социальная и научная фантастика в классической французской литературе XVI—XIX вв. Киев : Выща шк., 1974. 150 с.
5. Сирано де Бержерак С. Иной свет, или Государства и Империи Луны. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 248 с.
6. Человек науки : сб. ст. М. : Наука, 1974. 392 с.

ББК 83.3(7)01

М. Н. Павлова

ИНТУИЦИЯ-СУЖДЕНИЕ И ИНТУИЦИЯ-ДОГАДКА В КОСМОЛОГИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ Э. ПО «ЭВРИКА»

На протяжении всей жизни Эдгару По была свойственна увлеченность астрономией и математикой. Плодом этого многолетнего интереса стал его философско-космологический трактат «Эврика» («Eureka», 1848), в котором писатель излагает свои воззрения на происхождение и развитие Вселенной.

Э. По следующим образом оценивает масштабность своего замысла в письме к другу Джорджу Эвелету от 29 февраля 1848 года: «Если Вы когда-

* Несмотря на то что Ж. Верн и О. Вилье де Лиль-Адан творили практически в один и тот же период, их пути никогда не пересекались. Может создаться впечатление, что они даже не слышали друг о друге. Тем не менее французский исследователь М. Море, сравнивая романы «Замок в Карпатах» с «Будущей Евой» и «Братья Кип» с «Клер Ленуар», находит много общего в их сюжетных линиях (см.: [1, с. 354]).

© Павлова М. Н., 2011

либо интересовались подобными темами, Вы поймете новизну и *значимость* моих взглядов. То, что я написал, со временем перевернет все представления в области физики и метафизики» [7, р. 362].

Ряд современников По высоко оценили «Эврику», но, тем не менее, изложенные в ней идеи остались практически не понятыми: они были слишком оригинальны для науки XIX столетия, и вскоре произведение было забыто. После смерти По «Эврику» долгое время игнорировали как продукт нездорового сознания, поскольку в 1848 году у По обнаружили симптомы церебральной гиперемии [8, р. 766].

Лишь в XX веке «Эврика» привлекла внимание исследователей, и в настоящее время ее признают одним из наиболее значительных произведений Э. По (см.: [1, 2]). В смелых научных гипотезах Э. По усматривают многочисленные сходства с астрономическими теориями XX века.

Так, Брюс Тварог, профессор физики и астрономии из Канзасского университета, ознакомившись в 2004 году с текстом «Эврики», утверждает, что По был чрезвычайно хорошо осведомлен о состоянии астрономического знания в 1848 году, был в курсе последних открытий, понимал сложные научные теории и умел грамотно их изложить (см.: [6, р. хxi]). Ряд фрагментов «Эврики» приобрели особенно широкую известность в качестве гениальных интуитивных прозрений По. Например, представление об исходной «первочастице», из которой путем иррадиации образовалась Вселенная, созвучно современной теории Большого Взрыва. Утверждение о том, что «материя существует только в форме Притяжения и Отталкивания — иными словами... Притяжение и Отталкивание — это и есть Материя» [6, р. 102], соответствует современному представлению о единстве материи и энергии, выражаемому уравнением Эйнштейна $E = mc^2$.

Однако интерес представляет не только непосредственное соотнесение космологических идей По с современными научными теориями, но и еще не предпринимавшееся сопоставление «Эврики» с современными представлениями о научном методе, существующими в философии науки.

Рассуждения о научном методе в «Эврике» сконцентрированы в начале произведения, содержащем своеобразный «текст в тексте». Это фрагменты из вымышленного послания, датированного 2848 годом и якобы найденного в вымышленном *Mare Tenebrarum* («Море Тьмы/Невежества»). Вымышленное послание написано в традициях просветительской сатиры: житель Земли из 2848 года отзывается об американских ученых XIX века как о «фанатиках», находящихся в состоянии «умственного рабства» и «невежественного извращения» [6, р. 14].

Критика По направлена прежде всего против господствующего в науке XIX века индуктивизма Ф. Бэкона — метода, вызывавшего резкое неприятие По. Приведем ряд примеров из «Эврики»: «На протяжении многих столетий так сильно было увлечение, особенно Бэконом (sic! — *М. П.*), что любому мышлению — законно так именуемому — был, по сути, положен конец. Ни один человек не смел высказать истину, которая зародилась лишь у него внутри, в душе» [6, р. 10]; «...коренной порок бэконизма — самый прискорбный источник ошибок — заключался в стремлении отдавать власть и право выносить суждения примитивным сенсуалистам, этим ничтожествам, микроскопическим ученым мужам, откапывающим мелкие *факты*, в основном из области естественной истории, — факты, которыми они мелочно торговали на большой дороге; их ценность зависела, как они полагали, лишь *от факта*

ради самого факта, вне зависимости от их пригодности или непригодности для открытия тех конечных и единственно имеющих право на существование фактов, которые именуются Законами» [6, р. 11]. Несмотря на обилие эмоционально-окрашенных уничижительных наименований ученых-последователей Бэкона, критика По справедлива по существу. Согласно теории Бэкона, научное познание начинается с тщательного сбора фактических данных. Затем производится их постепенное обобщение в виде «Таблиц Сущности и Присутствия», ведущее в конечном итоге, по замыслу философа, к открытию Высшего закона природы. Бэкон построил «пирамиду наук», которая имела следующие уровни: Данные естественной и опытной истории → Физика → Метафизика → Высший закон природы [3, с. 64]. Эмпиризм Бэкона как метод научного познания, даже при верной интерпретации его принципов, признается современными философами в корне несостоятельным, поскольку в его рамках «становится невозможным научное открытие в собственном смысле» [3, с. 79]. (Ср. у По: «Любому мышлению — законно так именуемому — был, по сути, положен конец» [6, р. 10].) Современный философ В. А. Светлов пишет: «Полное выполнение рецептов (Бэкона. — М. П.) означало бы полное исключение концептуальной и интерпретирующей активности ума, что сделало бы научный прогресс действительно невозможным» [3, с. 78]. Слова По удивительно созвучны выводу философа конца XX — начала XXI века: «Эти древние идеи обратили исследование в ползание; а мне вряд ли нужно сообщать Вам, что ползание, среди прочих способов передвижения — очень полезная вещь, в своем роде; но если черепаха твердо держится на ногах, стоит ли на этом основании подрезать крылья орлам?» [6, р. 10] В Америке XIX века метод Бэкона, несостоятельный сам по себе, был значительно искажен: «наукой» признавался лишь первый уровень бэконовской пирамиды, на котором производится сбор фактов естественной истории и «запрещается что-либо придумывать или измышлять» [3, с. 73]. Помимо этого, в Америке эмпиризм Бэкона в его приземленном понимании был сопряжен с культом «полезного знания» и философией утилитаризма и, как следствие, агрессивно навязывался американским научным сообществом. Все эти процессы были подмечены По с чрезвычайной пронизательностью: «На лице земном... не существовало более несносных фанатиков и тиранов, нежели эти личности, внезапно вознесенные бэконовской философией на ту должность, для которой они совершенно не годятся — эти персоны, перенесенные из судомоев в гостиные Науки, из чуланов — на кафедры. Их вера, их священное писание и их проповеди сводились к одному-единственному слову — “факт”» [6, р. 11].

Не приводя конкретных имен, По в «Эврике» сетует на участь тех мыслителей, которые пытались противостоять засилью бэконовской философии. «С теми же, кто смел тревожить их факты, упорядочить или применить их, ученики Бэкона (sic! — М. П.) обращались абсолютно безжалостно. Любые попытки обобщения немедленно встречали словами: “теоретический”, “теория”, “теоретик” — одним словом, любая мысль воспринималась ими как личное оскорбление. Развивая Естествознание и искореняя Метафизику, Математику и Логику, многие из этих философов бэконовской породы оказались односторонними, ограниченными инвалидами мысли...» [6, р. 11—12]. Иными словами, если чьи-либо научные рассуждения отходили от общепринятой методологии, «тогда ученые не рассматривали их далее, но, объявляя мыслителя глупцом и, словно клеймо, давая ему прозвище “теоретик”, впредь не желали иметь дела ни с ним, ни с его истинами» [6, р. 11].

Эти утверждения По не вымысел и не преувеличение. За эмоционально окрашенной критикой можно увидеть точно схваченную писателем картину американской науки, о чем свидетельствуют труды историков [5].

Э. По, для которого сфера абстрактно-интеллектуального, смелые теории и гипотезы сами по себе представляли объект эстетизации, в корне не приемлет плоский описательный эмпиризм Бэкона, что служит для романтика точкой полемического отталкивания в его дальнейших рассуждениях.

Идеалом ученого, в противоположность индуктивистам, для По выступает немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571—1630), который открыл законы небесной механики, сделав это, как известно, во многом *инт уит ивно*. Современный физик и философ Е. Л. Фейнберг оценивает открытие Кеплера следующим образом: «Фантазия и решительность подлинного гения побудили его в корне, в основе поменять модель, а не подправлять ее небольшими модификациями... Невозможно понять, как он все же решился совершить грандиозный психологический скачок...» [4, с. 258].

Единственным способом, с помощью которого можно совершить какое-либо открытие, Э. По, в полном соответствии с философией романтизма, провозглашает *интуицию*, или воображение. Однако существенно то, что в рассуждениях По присутствует не только творческая, или художественная, интуиция, но и научная. Не исключено, что эти идеи предвосхитили научно-философские теории XX века в большей степени, чем сама космология По.

Термин «интуиция» имеет множество определений. Е. Л. Фейнберг предлагает следующую классификацию интуиции: «*интуиция-суждение*» и «*интуиция-догадка*». Первую из них он определяет как «прямое усмотрение истины, не допускающее ни логического обоснования, ни логического опровержения» [4, с. 13]. «Интуиция-догадка», известная также как «эвристическая интуиция», — это «угадывание, предвосхищение истины, которое допускает последующее “опосредствование” — логическое или опытное установление (или опровержение) истинности этого интуитивистского высказывания» [4, с. 13]. Фундаментальную роль в научном открытии имеет «интуиция-суждение», не требующая обязательных доказательств, тогда как «интуиция-догадка», потенциально сводимая к дискурсии, выступает вспомогательным элементом. В процессе познания оба вида интуиции взаимодействуют.

В «Эврике» По использует оба вида интуиции. Следующее определение, схожее с формулировкой Е. Л. Фейнберга (которая соответствует «интуиции-догадке»), дважды встречается в тексте «Эврики» и выделено курсивом: интуиция — это «не что иное, как *убеждение, возникающее из тех индуктивных и дедуктивных суждений, ход которых настолько неуловим, что ускользает от нашего сознания и разума и не поддается нашей способности выражения*» [6, р. 22]. В таком понимании интуитивный процесс впоследствии сводится к дискурсии, «раскладываясь» на индукцию и дедукцию. Однако в действительности при построении своей космологической теории По прибегает не столько к догадке, сколько к «интуиции-суждению», поскольку писатель принимает за свои исходные посылки ряд недоказуемых положений, утверждая, что безгранично уверен в них, поскольку непосредственно постиг их душой в некоем озарении. При помощи двух неологизмов (*unthought-like thoughts, soul-reveries*) По описывает их как «мысли, не похожие на мысли; мечтания души, а не заключения или даже соображения разума» (*unthought-like thoughts — soul-reveries rather than conclusions or even considerations of the intellect*) [6, р. 33]. Так, на первой же странице «Эврики» По формулирует

положение, ставшее отправной точкой для его последующих рассуждений: «Вначале позвольте мне сформулировать не теорему, которую я надеюсь доказать... но ведущую мысль, которую на протяжении этого сочинения я буду постоянно пытаться внушить... Мое общее положение таково: *В Исходном Единстве Первого Существа заключается Вторичная Причина Всего Сущего, равно как и Зерно Невозможного Уничтожения*» [6, р. 7]). В этой «ведущей мысли», сформулированной при помощи «интуиции-суждения», прослеживается сходство с современными космологическими концепциями точки сингулярности, Большого взрыва, гравитационного коллапса и пульсирующей Вселенной.

Во вставном фрагменте (вымышленном послании), рассуждая об ограничениях науки, связанных с методом Бэкона, По утверждает следующее: «...вы можете легко понять, как столь нелепые ограничения... сдерживали развитие истинной Науки, которая делает свои наиболее значимые продвижения — как покажет весь ход Истории — *скачками*, с виду интуитивными» [6, р. 10]). Именно в этом месте По оказался как нигде более прав с точки зрения философии науки. Для подтверждения его точки зрения потребовалось столетие, а не тысячелетие, как предполагал писатель.

Романтики были одними из первых, кто еще в конце XVIII — начале XIX века подняли проблему антагонизма науки и искусства, интуиции и логики [4, с. 265]. В «Эврике» Э. По, по сути, подробно обсуждает проблему, которая со всей остротой встала перед профессиональными учеными лишь на рубеже XIX—XX веков. В это время в сфере *точных наук* развернулся спор между *логицистами*, во главе с немецким математиком Давидом Гильбертом (1862—1943), и *интуитивистами*, наиболее известный представитель которых — французский математик Анри Пуанкаре (1854—1912) [4, с. 56]. Суть спора состояла в следующем. В XIX и XX веках математиками-логицистами «были приложены героические усилия с целью очистить научную систему от излишних интуитивных элементов» [4, с. 61]. Логицистика господствовала в математике. Тем не менее сравнительно немногочисленные интуитивисты настаивали на том, что полное исключение интуитивных элементов из математики невозможно. Конец этому противостоянию был положен в 1934 году, когда австрийский математик Курт Гёдель (1906—1978) сформулировал и доказал две теоремы о неполноте формальных систем, известных под общим названием «теорема Гёделя о неполноте», что окончательно укрепило позиции так называемого математического интуиционизма: произошло сведение классической логики к интуиционистской. Теорема Гёделя гласит, что в любой непротиворечивой формальной системе, содержащей минимум арифметики, найдется формально неразрешимое суждение, в отношении которого нельзя утверждать ни что оно ложно, ни что оно истинно. Доказательство теоремы Гёделя породило своего рода «кризис» в математике, поскольку оказалось, что даже эта наиболее строгая наука неизбежно включает элементы интуиции. Итак, Э. По оказался полностью прав, утверждая в середине XIX века, что история покажет неизбежность использования интуиции в научном познании.

Обсуждение темы интуиции составляет наиболее экспрессивные, стилистически своеобразные фрагменты «Эврики»; это привносит в трактат По философский и художественно-эссеистический смыслы, которые дополняют его собственно научное содержание и делают его многослойным, синтетиче-

ским произведением, где научное познание и сама интеллектуальная сфера становятся предметом эмоциональной рефлексии и эстетизации.

Библиографический список

1. *Осипова Э. Ф.* Загадки Эдгара По : исследования и комментарии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. 171 с.
2. *Павлова М. Н.* Поэма-трактат «Эврика» Эдгара По как объект междисциплинарного изучения // Материалы XXXIII Междунар. конф. ОИКС. М. : Изд-во МГУ, 2008. С. 61—68.
3. *Светлов В. А.* История научного метода. М. : Академ. проект, 2008. 700 с.
4. *Фейнберг Е. Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино : Век-2, 2004. 288 с.
5. *Daniels G. H.* American Science in the Age of Jackson. N. Y. ; L. : Columbia University Press, 1968. 282 p.
6. *Poe E. A.* Eureka / eds S. Levine, S. F. Levine. Urbana ; Chicago : University of Illinois Press, 2004. 191 p.
7. The Letters of Edgar Allan Poe : in 2 vols / ed. by J. W. Ostrom. Cambridge : Harvard University Press, 1948. Vol. 2. 664 p.
8. *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log : a Documentary Life of Edgar Allan Poe, 1809—1849. Boston : Thorndike Press, 1987. 919 p.

ББК 83.3(2=Рус)5-01

П. М. Тамаев

ПРИРОДНЫЙ МИР НА СТРАНИЦАХ ОХОТНИЧЬИХ КНИГ С. Т. АКСАКОВА

И, кажется, опять я дома в Божьем мире,
Когда лишь заберусь на бережок ручья,
Закину удочки, сижу в траве высокой...

А. Н. Майков. Рыбная ловля

Художественный мир прозы С. Т. Аксакова представляется, на первый взгляд, простым, ясным, обыкновенным, доступным. Действительно, что может быть таинственного в ужении рыбы, охоте, в неторопливой жизни степных помещиков, обитателей обширных русских провинций, непонятной, иногда непостижимой здравому смыслу страсти к охоте? Духовно близкие писателю люди (Н. В. Гоголь, А. С. Хомяков, И. С. Тургенев, А. Н. Майков), конечно же, приветствовали появление охотничьих книг и в то же время пытались постигнуть тот переворот, который случился в его судьбе, в его творческой жизни. Современники стремились понять некоторую странность, загадку: как на шестом десятке лет Аксаков сделался великим художником? Они были убеждены, что уже первые опыты в форме записок охотника мгновенно изменили его художественную деятельность после «долгих и бесплод-

ных исканий» [10, с. 371]. Пристрастие к немудреному занятию; безыскусственность, непреднамеренность в изображении, проявившиеся в охотничьей трилогии в полной мере, стали откровением на фоне многочисленных физиологий. Реализм книг Аксакова предстал иным, нежели в дагеротипных изображениях. Н. В. Гоголь, почувствовавший ранее других феномен творческой натуры Аксакова, подвигал его на то, чтобы устные повествования, воспоминания легли на бумагу: «Мне кажется, что если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верным описанием характеров их, вы бы усладили много эти последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинные начала нашей природы» [4, с. 92] (курсив наш. — П. Т.). Это суждение Гоголя касается не только дилогии и мемуаров Аксакова, но и его охотничьих книг, также богатых человековедческими страницами.

А. С. Хомяков в некрологической статье «Сергей Тимофеевич Аксаков» (1859), постигая феномен творческой судьбы писателя, полагает, что все написанное до 1840-х годов Аксаковым было рядовым, не заслуживающим внимания. А вот творчество середины века (охотничья трилогия, автобиографическая дилогия и воспоминания о современниках) представляется критику русским свободным искусством, каким «оно приходило к древним векам, не искомое и неосознанное» [10, с. 372]. Разгадка такой метаморфозы, произошедшей в творческих исканиях Аксакова, по его мнению, заключена в «самой последовательности произведений, которыми Сергей Тимофеевич приобрел свое имя. Первое из них: “Записки об уженье рыбы”; второе: “Записки оренбургского охотника”; за ними идут другие по большей части автобиографические» [10, с. 370]. Хомяков верно подметил несуетность писательских занятий Аксакова, обозначил ступени созревания его как художника, а также подчеркнул органическую сцепленность, слитность книг Аксакова. Итак, книги об охоте — первое звено в цепи, многое объясняющее в природе творческой деятельности писателя, в его отношении к самому художеству: «...я решился написать и напечатать все, что знаю о других охотах, которыми я с горячностью занимался. Кроме удовлетворения собственной потребности есть что-то невыразимо утешительное и обольстительное в мысли, что, передавая свои впечатления, возбуждаешь сочувствие к ним в читателях» [2, т. 4, с. 465].

Охотничьи книги С. Т. Аксакова — это три части: «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852) и «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855). Каждая часть существовала отдельно и читалась своим читателем, однако, по существу, перед нами — своеобразная охотничья трилогия, которая складывалась в течение почти многих десятилетий, и хотя она представляет собой авторский труд, тем не менее, вобрала в себя человеческий, охотничий опыт нескольких поколений. Поэтому эти книги вполне можно считать коллективным созданием; такие явления словесной жизни соотносимы как с народным творчеством, так и с трудом древнерусских книжников. Неслучайно Аксаков часто включает в свои записки наблюдения других охотников, которые выделены автором в тексте записок в виде небольших историй, характерных слов, наименований существ животного мира, природных явлений. Писатель нередко обращается к книге царя Алексея Михайловича «Книга, глаголемая Урядник:

новое Уложение и устройство сокольничья пути», цитирует ее, поясняет непонятные для современного читателя страницы древнерусского сочинения, комментирует старинные явления, слова, рожденные средневековым бытом. Более того, дополняет, расширяет создание самодержца за счет собственного опыта, опыта своего отца и других охотников. Особое внимание автора охотничьей трилогии привлекает соколиная охота, ее поэзия, красота и строгость кречетов и соколов. Восторг писателя-охотника рождает поэтическое слово, изображающее высокий поднебесный полет, красоту соколиного полета и невероятную быстроту его падения из-под облаков, силу его удара. Однако повествователь поясняет читателю, что соколиная охота — лишь венец дела, что ей предшествует долгая, кропотливая, многодневная работа по отбору из множества особей птиц сокола сильного, но, главное, умного, так как «глупых бывает немало».

«Записки...», или охотничья трилогия, Аксакова вызывают немало сомнений и вопросов. Считать ли их произведениями словесности? Если да, то, к какому литературному течению, школе их отнести? В какой критической и литературоведческой традиции осмысливать? Сомнения и вопросы эти понятны: в названных книгах отсутствует общественная проблематика, на страницах не разворачиваются острые коллизии, не представлены типы времени. А между тем перед нами, читателями, истинное искусство. Русскому читателю была явлена литература, то есть сфера духовной жизни, где не может быть нейтрального, безоценочного поля смыслов и значений, которые открываются в соотношении с другими явлениями словесности.

В каком же литературном окружении, в каком контексте следует рассматривать «Записки...» Аксакова? Время их создания 1840 — 1850-е годы, предмет изображения — промыслы, ремесла, занятия, кажется, вполне соответствовали программе В. Г. Белинского, желавшего появления в отечественной литературе беллетристической продукции: «...произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили бы с различными частями беспредельной и разнообразной России» [3, с. 377]. Действительно, охотничья трилогия Аксакова написана в очерковой манере, художественное пространство их предельно очерчено, оно замкнуто, локализовано, что характерно для философии и поэтики «натуральной школы». Известный исследователь творчества Аксакова С. И. Машинский замечает, что не следует рассматривать охотничьи книги как физиологии и пытается доказать, что взгляд писателя на природу — это взгляд натуралиста и что воззрения Аксакова на мир смыкаются с философскими и художественными исканиями А. И. Герцена 1840-х годов как писателя натуральной школы [6].

Думается, определение такого контекста для «Записок...» Аксакова не вполне соответствует их художественному замыслу, художественной задаче и содержанию. К. Аксаков считал (не раскрывая, правда, своей мысли), что «сочинения С. Т. Аксакова стоят совершенным особняком в литературе нашей... <...> и требуют особого определения, особой оценки» [1, с. 207] (курсив наш. — П. Т.). В полной мере объясняет «особость» прозы Аксакова И. С. Тургенев в письме к издателю «Современника» Н. А. Некрасову. Заметки Тургенева — результат неспешного, внимательного, уединенного, несуетного, несиюминутного чтения, чтения, рожденного ссылкой-затворничеством Тургенева в родовом имении Спасское. Он читает записки Аксакова как охотник, то есть человек знакомый с предметом, темой, как русский человек, сроднившийся с природой, чувствующий ее органическую цельность, красо-

ту. В охотничьей трилогии Аксакова, по оценке Тургенева, воссоздан Универсум, все его основные части, все природное многообразие, красота и сила. В центре мироздания «стоит человек как звено живое, высшее, но тесно связанное с другими звеньями» [8, с. 500]. Охотничьи книги Аксакова соотносятся рецензентом с бытом русского средневековья и книгами авторов той же эпохи — с творениями Владимира Мономаха, царя Алексея Михайловича. Да и сам автор никак не подчеркивал «родство» своих созданий с русскими физиологиями. Основной корпус трилогии помещен в особое словесное пространство (эпиграфы, вступления, обращения и посвящения), которое несет на себе печать других литературных эпох. Охотничья трилогия открывается отрывком из послания-идиллии Аксакова к М. А. Дмитриеву. Первая книга «Записки об уженье рыбы» предваряется словесной формулой царя Алексея Михайловича («Делу время и потехе час»), которая поддержана рифмующимися с ней народными пословицами, Они задают особый домашний, интимный, доверительный характер всему повествованию.

Жанр записок, свободная, не определенная никакими правилами художественная форма, рождается как явление дворянского быта XVIII века. В творчестве Аксакова они возникают под влиянием его учителей, людей, которых он боготворил, — А. С. Шишкова и Г. Р. Державина, чьи рукописные книги или тетради и собственно записки производили на молодого Аксакова огромное впечатление. Но более всего ему запомнился совет Державина, сказавшего однажды: «...пишите свое, что в голову войдет» [2, т. 3, с. 335]. Знаком Аксаков был и с записками А. Т. Болотова («Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков»). Наверное, и не без участия пушкинского Белкина и его немудреных записок складывались непритязательные, на первый взгляд, охотничьи книги Аксакова. Попытки знаменитых литераторов в форме свободного повествования поддерживали Аксакова в работе над собственными «Записками...». К моменту создания охотничьих книг он сам накопил уже кое-какой опыт в ведении охотничьих тетрадей, которые не оставлял и продолжал в течение всей жизни, о чем свидетельствуют его письма к опальному И. С. Тургеневу (1852—1854 годы), в которых Аксаков подробно описывает свои охотничьи трофеи. Этот материал воспроизводится явно не по памяти, а по письменному источнику делового характера. Однако вряд ли Аксакову хотелось во всем походить на своих учителей. Например, у Шишкова, в «Домашних записках» (так они назывались первоначально) развернуты картины государственной жизни, военных столкновений. «Записки...» Болотова — скорее роман его жизни, знакомящий с нравами, обстоятельствами и обиходом XVIII века, да к тому же представлены они в форме писем к будущим поколениям своего, болотинского, рода. Авторы записок XVIII века (Державин, Шишков) — титаны, в их воспоминаниях предстают события эпохи и их видение этих событий и причастность к ним; они показывают государственных деятелей как вершителей людских судеб и государства, в то же время открывают тайны закулисной жизни великих мужей. Аксакова занимает иное; сам по себе он являет другой человеческий тип; он охотник, рыбак, обыкновенный житель земли, сын и певец своего края, созерцатель, пустынный. И «Записки...» ему виделись другого плана, нежели у его предшественников. Книги об уженье и охоте представлялись Аксакову душевными, сердечными, умными, полезными. В них уже в немалой степени проглядывает замысел писателя о книжке для детей, в которой он собирался и познакомить ребенка с миром живой приро-

ды, и ввести его в это многообразие, и дать первые уроки постижения законов бытования растений и животных. К. Д. Ушинский впоследствии учитывал опыт Аксакова: он выстраивал свои книги «Детский мир» и «Хрестоматия» по-особому: «Предметы из естественной истории представляются самыми удобными для того, чтобы приучить детский ум к логичности», так как «логика природы есть самая доступная и самая полезная логика для детей» [9, с. 13].

Одним словом, Аксаков вполне сознает, что создает не пособия по рыболовству и охоте, его занимает более всего человеческая натура, особые типы, в которых охота пробудила духовный инстинкт, открыла душу, сердце. Он пытается объяснить себе и читателю, что же влечет человека к охоте, какую загадку заключает в себе это «волшебное слово»? Автор наблюдал многожды и при этом радовался тому, как дети защищают животных от обид других, что они «чувствуют безотчетную радость», лаская щенка, собаку, разделяют с ними «скудный обед или ужин» [2, т. 4, с. 466—467]. Из таких натур, по его убеждению, и вырастают охотники.

Личностный, автобиографический и в то же время домашний характер книг Аксакова обнаруживается с начальных слов, с посвящения-эпиграфа, адресованного своим младшим братьям, которым он открывает первые две части трилогии. К тому же автор стремится не просто приблизить читателя к предмету изображения (крупный план и подробности в описании или в представлении «физиономии» и «характера» рыбы, птицы или зверя используются писателем постоянно), но ему важно, чтобы читатель почувствовал и его, авторское, участие в охоте, представил, как он ловит карася, налима. Он не упускает из виду не только технические особенности охоты, но и пережитые им неоднократно собственные охоты, например на бекаса (определение им «меры», расстояния «для успешного стреляния» этой птицы).

«Логика природы», действительно, определяет почти все содержание книг Аксакова об охоте. Их мир объединяет мысль, которую можно выразить в виде следующего речения: «Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля». Суть этого речения проста как азбука, но его простота кажущаяся. В нем в предельно сжатом виде представлено описание совершенного мироустройства. Авторская концепция «Записок...» вызывает определенные ассоциации. В данном случае, естественно, возникают в памяти картины и стихи Священного Писания: «День пятый — животный мир. И сотворил Бог рыб больших... и всякую пернатую птицу по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо» [Быт.1 : 21]. Однако вряд ли уместно устанавливать прямую зависимость аксаковской охотничьей трилогии от Книги Бытия. Как нам представляется, ведущая идея ее — идея мироустройства — навеяна «Поучением» Владимира Мономаха, где древнерусский автор выражает и поэтический восторг перед красотами сотворенной природы. Вслед за Псалтырью и Шестодневом он с умилением говорит о том, как дивно устроен мир: «Велик ты, господи, и чудны дела твои... <...> Звери различные, и птицы, и рыбы украшены твоим промыслом... <...> И этому чуду подивимся, как из праха создал человека... <...> И тому подивимся, птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки... <...> Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость» [7, с. 392]. В биографической части произведения автор раскрывает содержание того чувства, которое он именовал радостью. Ловы (охоты) русскому князю представляются проявлением не только силы и ловкости, но частью его, человека, совершенствования. Охота видится ему не праздностью

и потехой, а делом, трудом, в котором он, глава Дома, должен соответствовать своему званию. Особенный характер русских охотников воспевал в охотничьих книгах и Аксаков: «Настоящий охотник необходимо должен быть очень бодр и очень деятелен» [2, т. 4, с. 11]. Если в «Поучении» Владимира Мономаха идея мироустройства выражена в религиозно-символическом виде, то у Аксакова религиозно-символическое начало растворено в художественном мире всех трех книг, но наличие двух связанных пространств — небесного и земного — подразумевается и угадывается. Иногда автор не в силах сдержать себя: и тогда повествование становится эмоционально насыщенным не только по интонации, но и по словесному богатству. Такие пассажи более всего характерны для центральной части охотничьей трилогии, в которых автор подробно повествует о природных стихиях отчего края. Первенствует в Универсуме, конечно же, вода. О ее главенстве заявляется безо всяких предисловий: Вода — красота всей природы. «Вода жива; она бежит или волнуется ветром; она движется и дает жизнь и движение всему ее окружающему» [2, т. 4, с. 245]. Неслучайно глаголы-«олицетворения» доминируют в данной части текста; они подчеркивают не только постоянное движение этой стихии, но и некую завораживающую и зачаровывающую ее силу. Все, что связано с водой, вызывает у повествователя восторг, восхищение, которые расцвечивают документальное повествование живописными картинками ключей, родников, ручейков, речушек, рек, озер прудов, их окрестностей. Писатель стремится запечатлеть в слове богатство красок и буйство растительного мира, его многочисленных обитателей. Эти зарисовки подчас обретают форму идиллий, живописных этюдов или эпических картин. Последние связаны с описанием Камы и Волги во время бури.

Не менее величественно изображается Аксаковым Степь. До него это русское пространство в нашей словесности приобрело особый смысл. В народном эпосе — это чистое поле, место встреч героя или поединка. Как враждебная земля или сторона она изображается в памятниках древнерусской литературы; в произведениях Кольцова и Гоголя Степь — символ воли. Только здесь может проявить себя богатырская натура русского человека. У Аксакова художественный, эпический смысл несколько приглушен; степь приобретает у него конкретный облик заволжского пространства, и, естественно, писатель находит соответствующее слово для его обозначения: «Всякое пространство ковылистой нови, никогда не паханной земли, иногда на несколько сот верст в окружности, а иногда небольшое, зовут там степью» [2, т. 4, с. 306]. Вот эту, первозданную, не тронутую плугом землю открывает Аксаков. Зимняя степь во второй книге поражает читателя ужасом оренбургских буранов. Эти страницы представляются своеобразной автоцитатой, так как напоминают о первом значительном произведении писателя — его очерке «Буран» (1834), а также о соответствующих страницах пушкинской «Капитанской дочки».

Вода, Лес, Степь, Болота в охотничьей трилогии живут своей жизнью. Миросозерцание и слог Аксакова преобразили эти природные явления: он смотрит на них ясно, просто, с полным участием; изображает (выражает) увиденное и узнанное свободно и точно. Эти нерукотворные организмы вместе с их матерью, Землей, переживают рождение, расцвет, пору зрелости и умирания. Так, оренбургская степь поражает человека обилием трав и цветов, ароматов, которые наполняют пространство между небом и землей. После небольшой весенней увертюры, задающей соответствующее настроение,

следуют картины иного плана — контрастного. Вышедшая из-под снега степь мертва, безжизненность этого пространства усиливают степные пожары, или палы, после которых земля словно покрыта черным покрывалом. Две степные стихии поражают повествователя своей неукротимостью и губительностью — зимний буран и разлившийся широкой рекой огонь. «Печальный и траурный вид» [2, т. 4, с. 309] опаленной степи угнетает человека, но ненадолго. Животворящий союз неба и земли преобразует весь видимый и до поры скрытый и неслышимый мир, который украшается многоцветием и наполняется непередаваемой полифонией весенней степи. И тем не менее автор обладает удивительным слухом, что позволяет ему в этом многоголосье различить и словесно обозначить «чирикание стрепетов, заливные, звонкие трели кроншнепов, повсеместный горячий бой перепелов, трещанье кречеток» [2, т. 4, с. 309].

Речевое многообразие при описании воды, степи, леса и болота по особому обнажает общую идею «Записок...» — антропоцентричность мироздания: человек поставлен в центр природы, она создана для человека. Он не простой потребитель, человек употребляет данный ему Богом дар во благо природному миру — он его освящает словом, то есть именуется каждый предмет и существо Универсума. Основная мысль охотничьей трилогии зримо проступает уже в эпиграфе: «Есть, однако, примиритель, / Вечно юный и живой, / Чудотворец и целитель, / Ухожу к нему порой, / Ухожу я в мир природы... <...> / И — в свои молодые годы» [2, т. 4, с. 686]. Это поэтическое вступление продолжено и развито авторскими размышлениями на протяжении всей трилогии. Они соединяют страницы книг в единое целое, придают повествованию особую сердечную тональность. Охотник-писатель осознает, что изображает не романтическое бегство из «атмосферы душных городов» и не руссоистское подчинение природе, а приглашает читателя попробовать возвратиться к себе, вспомнить, что он дитя матери-природы, Божье создание, русский человек: «Туда бежать от праздности и суеты и недостатков интересов; туда бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот... <...> На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды... <...> ...Улягутся ваши мнимые страсти... <...> Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Непременно, мало-помалу, рассеется это недовольство собою... эта черная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...» [2, т. 3, с. 687].

Поэтический эпиграф представляет собой первые слова и звуки произведения и во многом задает идиллическую тональность многим страницам «Записок...». Начальные строки большого творения знакомят с еще одним действующим лицом охотничьей трилогии — автором-повествователем, охотником, русским человеком, чья любовь пронизывает все представленные картины жизни природы и ее многочисленных обитателей. Книги Аксакова — воспоминания пережитого, воспоминания пожилого человека, и он с готовностью отдается сердечному созерцанию сотворенного мира.

Особость человека в сотворенном мире естественно рождает основные идеи «Записок...» Аксакова — идеи мироведения и мирообъяснения. Весь Универсум создан, населен разнообразными тварями: рыбами, птицами, зверями, но тварный мир получает полное завершение и жизнь в соотношении с человеком, который преобразует собственное естество и естество окружающего мира. В книгах об охоте Аксакова преобразующее начало наглядно выражено в том, что всякое явление природы, особенно живое, должно иметь свое обозначение, словесное название, определяющее характерное, особенное и во внешнем виде, и в повадках. Эти названия представлены не в форме научных понятий и терминов, автор в каждом очерке, описании, картине, птичьей и звериной «физиологии» демонстрирует образцы объемной изобразительности. Через все три книги, от первых до последних страниц, протянута словесная цепь наименований природного мира. Таких слов несколько десятков и достигает сотни. Слово-наименование главы в ее составе не стоит особняком, а обрастает родственными ему лексемами, которые писатель-охотник услышал от других охотников, поэтому вполне можно говорить, что книги Аксакова заключают в себе словесное многообразие. «Портреты» рыб, птиц и зверей предваряют очерки о разнообразных охотничьих снастях, приспособлениях, ружьях, охотничьих собаках. Каждое имя дает название небольшому фрагменту, главке; все они представляются органичной частью целого. Из таких очерков складывается книга. По существу, писатель не только умно, добросовестно, тонко наблюдает и заглядывает в природу, но также в своих записках производит громадную работу лексикографа. Каждую главку книг автор открывает небольшим вступлением, напоминающим словарную статью: «Кроншнеп, или степной кулик. Русского имени объяснять не нужно, но почему немцы называют его коронным, или королевским, куликом, — я не знаю; на голове его ничего похожего на венец или корону неприметно; может быть, за величину, которою кроншнеп, бесспорно, превосходит всех других куликов. Французы называют его курли, русские охотники — кроншнепом, а народ — степняком, или степнягой, потому что степь по преимуществу служит ему постоянным жилищем; в степи он выводит детей, и в степи же достигают они полного возраста. Его звучный, колокольчиком заливающийся голос больше всех других птичьих голосов одушевляет однообразную равнину и тишину степи» [2, т. 4, с. 333—334]. Так рождается настоящая русская речь, словесная живопись, которая в книгах Аксакова нацелена на то, чтобы охватить весь предмет, описать его не только со всех сторон, но выразить словом, точнее словами, сущность явления. Автор находит точные, емкие слова, которые исчерпывающим образом представляют каждую частичку тварного мира. Все стадии жизни требуют исчерпывающего изображения, а вместе с тем чистейшей русскости художественного слова. Природу художественности аксаковского слога отметил Тургенев, подчеркнув, что в нем нет ничего вычурного и лишнего, зато есть «свобода и точность выражения» [8, с. 519]. Художественность слова Аксакова отличают мыслимость, точность и вещественность. Эта неразрывная триада подразумевает осязаемость, зримость, предметность, изобразительную наглядность, соответствие материальному, вещественному миру. Аксаков не стесняет себя какой-то схемой в подаче материала, его ведут воспоминание, пережитое им когда-то событие, сам предмет, ландшафт, случай на охоте (из происшествий, случившихся на охоте, сложилось несколько вполне самостоятельных очерков), птица, зверь. Автор-охотник может начать очередной фрагмент книги с заметок об имени обитателя степи, леса или болота, а может сразу приступить

к представлению птичьей физиологии, птичьего «портрета»: «Журавль. Объемом собственно тела он менее, хотя подлиннее дрофы и едва ли будет с большого старого гуся, но длинные перья на спине, боках и величина крыльев дают ему вид самой большой птицы. Журавль очень высок на ногах, шея его также длинна ...». Это, так сказать, общий вид полевой птицы, но «портрет» еще не готов. Необходимо расцветить графический набросок, и тогда птица если не оживет, то, по крайней мере, читатель будет приближен к ней максимально, что не всегда удается осуществить даже опытному охотнику, ибо журавль довольно осторожная птица. «Журавль весь светло-пепельного, сизого цвета; передняя часть его головы покрыта черными перышками, а задняя, совершенно голая, поросла темно-красными бородавочками и кажется пятном малинового цвета...». Когда «портрет» готов, тогда нужно представить птицу как живой организм, как часть большого мира, которая осмыслена по-особому и занимает свое место в языковой картине русского народа: «Журавль... самая видимая, всем известная, настоящая строевая, отлетная птица; он живет и в речи, и в пословицах, и в приметах народных. Длинношеего или длинноногого человека как раз назовут журавлем. Не желая менять верное малое на неверное большое, говорят: “Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки”; выражение в небе уже показывает высоту журавлиного полета. Кто не слышал их пронзительного курлыкканья... <...> ...Эти звуки издают самцы... <...> Весело слушает крестьянин весною эти звуки и верит им, хотя бы стояла холодная погода: эти звуки обещают близкое тепло; зато в жаркие дни, когда изредка бывают у нас в исходе августа и даже в начале сентября, крик высоко летящих журавлей наводит грусть на его сердце: “Быть рано зиме, — говорит он, — журавли пошли в поход”» [2, т. 4, с. 319—321]. Даже небольшие фрагменты, взятые из очерка, дают основание повторить суждение Тургенева об особенностях писательской манеры Аксакова: «Автор перенес в изображение этой птицы ту самую законченность, ту округленность каждой отдельной жизни... <...> Если б журавль (тетерев) мог рассказать о себе, он бы ... ни слова не прибавил к тому, что о нем поведал г. А - в» [8, с. 519].

Следует сказать, что все это многообразие материала, словесная громада должны были зажить как некое единое целое, их требовалось «уложить» в такую художественную форму, в которой бы каждая часть заняла свое место, при этом ощущалась бы ее близость, «родственность», с другими элементами. Сам автор поименовал эту значимую форму своих воспоминаний емким словом — записки. Данный жанр в отличие от других художественных форм слабо структурирован, более того, неопределен. Ни в теоретической, ни в справочной литературе мы не найдем описания, определения жанра «записки». Лишь в работах, посвященных творчеству писателей, в художественном наследии которых имеются опыты в виде записок, есть попытка обозначить их основные жанровые признаки.

Давно утвердилась мысль о том, что жанр — исторически складывающаяся форма. Поэтому естественно стремление доискаться до истоков, определить ту литературную эпоху, когда этот жанр был активен, когда данная художественная форма и близкие ей характеризовали своеобразие литературной жизни. Такой эпохой, на наш взгляд, можно считать русское средневековье. Конечно же, самого понятия «записки», их жанрового определения тогда не существовало, однако оно вполне соотносимо и с летописью, и с летописцем, и с хроникой, и со сказанием, и с хождением, и с повестью. Близость «Записок...» Аксакова и произведений древнерусской литературы обнаружи-

вается в способах создания. Литературные жанры Древней Руси возникают не только как разновидности словесного творчества, но и как определенные явления уклада, обихода, быта. Аксаков в течение долгих двенадцати лет вел свои охотничьи летописи о прилете дичи в Оренбургскую губернию. Охотничья трилогия Аксакова как художественное единство сложилось не сразу, рождалась в продолжение многих годов, материалы собирались исподволь. Судьба отдельных, может быть, уже законченных вещей, разных по объему, была неодинакова: какие-то из них предавались огласке, то есть печатались, какие-то оставались в составе тетрадей, например охотничьи летописи, и, наверное, не мыслились писателем в качестве литературы и бытовали как формы домашней словесности. Главное же соответствие между явлениями отечественной древней и новой словесности заключается в следующем: произведения русского средневековья представляют собой своеобразные ансамбли или сборники, то есть жанры объединяющие, которые включают в себя разнородные по объему произведения. Записки — также по своей природе жанр объединяющий. В этом сближении нет ничего субъективного. Сам автор дает нам основания для подобного сопоставления. Первая часть охотничьей трилогии, «Записки об уженье рыбы», открывается эпиграфом, взятым из памятника деловой письменности XVII века «Книга, глаголемая Урядник: новое Уложение и устройство сокольничья пути». Тургенев видел во второй охотничьей книге «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» нечто общее с «Поучением» Владимира Мономаха, находя в них один предмет изображения — охоту. С. И. Машинский добавляет к вышеупомянутым памятникам древнерусской литературы еще и сборник «Физиолог», где даны описания реальных и фантастических живых существ — птиц и зверей [6, с. 319].

Как видно из приведенных фактов, проблема преломления традиций древнерусской литературы в творчестве Аксакова ставилась в критике и науке. Однако вряд ли можно ограничивать ее решение лишь выявлением сходства в создании и тематике. Связи между этими явлениями русской литературы более сложные и обнаруживаются на разных уровнях. Один из них мы уже обозначили: «Записки...» Аксакова, как и произведения древнерусской литературы, — жанр объединяющий. Первичные жанры и материалы сводятся вместе в некое целое. Объединяются они, конечно же, не механическим присоединением, приращением: в объединяющем жанре все подчинено основным идеям, художественным задачам, авторской концепции, сцеплено единством самобытного нравственного отношения автора к предмету — воспоминанием.

Один из главных уроков, усвоенных Аксаковым у древнерусских книжников, — это внутреннее созревание, долгая подспудная подготовительная работа, после которых приходит решение к творению. Подобно Епифанию Премудрому, он делает записи «в свитцех и тетратех» «запаса ради, пользы ради» [5, с. 258]. У Владимира Мономаха Аксаков учится умению связать во едино разнообразный материал: высокое панегирическое слово, дневниковые походные записи, описание ловов (охоты), наставления детям, автобиографические заметки. В «Поучении» автор-князь так обозначил свой основной писательский принцип: «И потом собрах словца си любая, и складох по ряду, и написах» [7, с. 392]. Аксакову собственно предстояла такая же многотрудная работа. Из большого материала дневниковых, деловых записок, которые он начал вести еще с детства, из непосредственных наблюдений и зарисовок, за повадками и образом жизни многочисленных животных, птиц, рыб, из огром-

ного числа услышанных охотничьих и бытовых историй, случаев, из семейных преданий, оставив в стороне собственные произведения в форме идиллий, элегий, зарисовок и проч., следовало «складок по ряду, и написак», то есть выбрать полюбившееся и в то же время нужное, расположить, связать в одно целое, создав особую книгу, а затем и трилогию. Ясность видения громадного материала и его объединение «обеспечивала» авторская работа ума, а главное души и сердца, именуемая одним словом — воспоминания. Древнерусский книжник также долго готовился к исполнению своего труда, поскольку многотруден был процесс вынашивания идеи и образа.

Итак, повторим мысль о том, что «Записки...» Аксакова, подобно памятникам древнерусской литературы, представляют собой ансамбль. Объединяющие жанры включают в себя первичные формы, которые жили и могут жить своей собственной жизнью, вне подчиняющего жанра, могут занимать определенное автономное место в литературном наследии писателя, в литературной эпохе. Так, в творчестве Аксакова суверенно существовали очерк «Буран», очерки-«портреты» рыб, птиц, зверей. Писатель публиковал их в периодических изданиях: например, очерк «Буран» занял свое место в одном из альманахов; в «Московских ведомостях» был помещен небольшой законченный отрывок из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии». Жили независимой жизнью ведущиеся многие годы охотничьи летописи, выполняющие свои функции в бытовой и духовной атмосфере семьи Аксаковых.

До сих пор мы перечисляли произведения, принадлежавшие перу Аксакова, однако его книги об охоте включают в себя многие устные фольклорные малые формы: пословицы, пословичные изречения, присловья, приметы, «бытовые» рассказы. Но в «Записки...», жанр объединяющий, первичные жанры включаются в определенной пропорции. Первая часть трилогии, «Записки об уженье рыбы», написана в сдержанной манере, в документальном стиле. Вторая же и третья части созданы по-другому: охотник дал свободу своим воспоминаниям, и поэтому повествование разворачивается широко и вольно. Первичные жанры подчиняются главному замыслу писателя, который заставил его творить и искать для него точные слова, верные образы. Входя в новое художественное образование, первичные жанры, хотя и утрачивают свою самостоятельность, поступаются своей суверенностью, однако, остаются узнаваемыми и по содержанию, и по форме. В составе же книги они получают иное звучание, выполняя новые функции. Например, из довольно большого числа поэтических опытов Аксакова в его «Записки...» вошло лишь несколько стихотворений и то не в полном объеме, а в виде отдельных строк или упоминаний в связи с каким-то случаем, происшедшим с автором или с кем-то из его знакомых (это замечание касается идиллии «Рыбачье горе»). Послание к М. А. Дмитриеву, вернее, часть его, стало эпиграфом; оно открывает всю трилогию. Примечательно, что этот лирический фрагмент выполняет объединительную функцию. Из стихотворения взяты строки, в которых представлен весь русский Универсум, его основные стихии: «Ухожу я в мир природы, / В мир спокойствия свободы, / В царство рыб и куликов, / На свои родные воды, / На простор степных лугов, / В тень прохладную лесов» [2, т. 3, с. 686]. Здесь обозначено многое: и основная идея, идея гармонического мироустройства, и тема охотничьих книг, и русское историко-географическое и художественное пространство, и главный персонаж, и повествователь необычной русской книги. Страстный охотник «захотел вспомнить старые годы, прежние, тихие радости... <...> ...захотел передать

их, объяснить другим, — и написалась книга, книга, о которой автор и не мечтал, чтобы она доставила литературную известность» [10, с. 371].

Библиографический список

1. Аксаков К. С. Обзорение современной литературы // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М. : Современник, 1981. 383 с.
2. Аксаков С. Т. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 3. 810 с. ; Т. 4. 1956. 664 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием номера тома и страницы в скобках.
3. Белинский В. Г. Вступление к «Физиологии Петербурга» // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. 728 с.
4. Гоголь Н. В. Переписка : в 2 т. М. : Худ. лит., 1988. Т. 2. 526 с.
5. Житие Сергия Радонежского // ПЛДР, XIV—середина XV века. М. : Худ. лит., 1981. С. 256—429.
6. Машинский С. И. С. Т. Аксаков : жизнь и творчество. 2-е изд. М. : Худ. лит., 1973. Гл. 7. С. 304—351.
7. Поучение Владимира Мономаха // ПЛДР, XI—начало XII века. М. : Худ. лит., 1978. С. 393—413.
8. Тургенев И. С. О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова // Соч. : в 12 т. М. : Наука, 1980. Т. 4. 687 с. (Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1978—1983).
9. Ушинский К. Д. Предисловие к книге «Детский мир» и «Хрестоматия» // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. М. : Педагогика, 1989. Т. 3. 510 с.
10. Хомяков А. С. Сергей Тимофеевич Аксаков // Полн. собр. соч. : в 8 т. М. : Унив. тип., 1900—1909. Т. 3. 482 с.

ББК 83.3(2=Рус)5-01

Н. Л. Ермолаева

«И БЛЕСК, И ТЕНЬ, И ГОВОР ВОЛН...»

(Человек и море в очерках путешествия И. А. Гончарова на фрегате «Паллада»)

Мироощущение И. А. Гончарова-художника в полной мере раскрывается в очерках путешествия на фрегате «Паллада» («Фрегат “Паллада”», «Два случая из морской жизни», «Через двадцать лет»). Если в романах писателя природу потеснил быт [5, с. 19—27], то в очерках писатель дает простор своему поэтическому воображению, рисуя морскую стихию. Мастер сравнений, метафор, олицетворений, Гончаров описывает мир природы ожившим, очеловеченным, олицетворенным, наделенным нравственными качествами.

В очерках путешествия возникает ситуация, которую можно определить словами: «Текст творит автора» [11, с. 576]. Очевидно, что между Гончаровым и морем существовала тайная, непостижимая связь на психофизиологическом уровне. Мальчика с детства тянуло к морю. Рассказы его «крёстного» Н. Н. Трегубова и прочитанные книги о морских путешествиях, об историях кораблекрушений легли на «подготовленную почву», на то, что от природы было заложено в «психофизиологической структуре» этого домоседа, этого «принца де Лень», как он себя мыслил и называл: его организм ока-

© Ермолаева Н. Л., 2011

зался идеально приспособлен к морю. Неудивительно, что решение отправиться в длительное и дальнее путешествие созрело у Гончарова неожиданно для самого себя, «вдруг», как эмоциональная реакция на ситуацию, как бы поверх рационального. Но он никогда не пожалел о проделанном путешествии, а в 58 лет снова просил своего друга К. Н. Посьета взять его в длительное плавание.

В отличие от бывалых моряков, Гончаров не знал, что такое «морская болезнь»: «Во всё время плавания я ни разу не почувствовал ни малейшей дурноты и возбуждал зависть даже в моряках» [4, т. 2, с. 190]. Может быть, именно поэтому «поэтическое» в его «Фрегате...» оказалось во многом обусловлено психофизиологическим: в картинах природы особенно ясно просматривается память о «праистоках», об «архетипах», которые несет человеческое сознание. В книге присутствуют мотивы и образы «морского комплекса» («море, волны, берег, дно, небо» [11, с. 677]), характерного для произведений европейских и русских писателей. Гончаров воспроизводит архетипические признаки образа моря: представление о море как о неукротимой стихии, огромной и беспредельной, которой родственна сама тайная природа человека. В очерках не однажды появляются характерные для «морского комплекса» сравнения корабля — с тройкой («Да что такое шторм на океане? Если еще при попутном ветре, так это значит мчаться во весь дух на лихой тройке, не переменяя лошадей!» [4, т. 2, с. 71]), моря — с полем («Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сияние красок на необозримом окружающем нас поле вод» [4, т. 2, с. 105]).

Однако сразу же заметим, что к обязательному для «комплекса моря» образу дна моря Гончаров обращается очень редко. Сознание писателя светло и оптимистично. Только в начале книги «Фрегат “Паллада”», еще на «пороге» океана, писателя* посещают мысли о смерти. Чем дальше развивается повествование, тем больше у него уверенности в возможности преодоления огромных морских просторов даже и на старом парусном судне. Уверенность эта растет с ростом ощущения приобщенности к жизни русского мира на корабле, веры в окружающих людей. Помогает превозмочь страх смерти и усиливающаяся ностальгия по дому, по Петербургу, по спокойной, наполненной любимым делом размеренной жизни. Повествователь избавляется от чувства страха перед морскими просторами, в нем побеждает тяга к созерцательно-спокойному восприятию окружающего: «...я убедился, что читать и слушать рассказы об опасных странствиях гораздо страшнее, нежели испытывать последние» [4, т. 2, с. 28].

Не только мотив дна моря, но и другие признаки «морского комплекса» у Гончарова осмысливаются по-своему. Композиционно в книге на первый план выдвинут образ жизни на берегу, жизни вне условий морского плавания. На протяжении всей книги повествователь размышляет о ней, по ней скучает и к ней стремится. Всякая остановка и возможность ступить ногой на твердую землю для него радостны. Рассказ о начале путешествия — это рассказ не о море, а о жизни на корабле. Повествователь погружается в мир новых понятий и представлений, с ними знакомит читателя: «морская жизнь», «морская болезнь», «морские ноги», «морской язык», «авральная работа». Море в этом рассказе осмыслено как живое существо, великан, который смеется над

* Повествователь в книге осмыслен и как путешественник, и как автор, и как писатель, он назван «Гончаровым».

усилиями людей, создает невыносимые для их жизни условия: «Скучное дело качка; все недовольны; нельзя как следует читать, писать, спать; видны также бледные, страдальческие лица. <...> Просто нет житья!» [4, т. 2, с. 74].

Гончаров прослеживает, как у путешественника меняется отношение к морю от: «Боже мой! кто это выдумал путешествия? — невольно с горестью воскликнул я, — едешь четвертый месяц, только и видишь серое небо и качку!» [4, т. 2, с. 79], до: «Как прекрасна жизнь, между прочим и потому, что человек может путешествовать!» [4, т. 2, с. 84]. Диапазон колебаний ощущений героя — от горечи и уныния, обиды на море до восхищения и восторга, до обращенного к каждому читателю призыва отправиться в морское плавание. Постепенно привыкая к морю, герой научается жить не в одиночку, но среди людей, «на виду» русского мира на корабле, переживает духовное преобразование, своеобразное духовное взросление, о котором будет говорить как о главном преимуществе «морской жизни».

На первом плане образ моря оказывается только в главе «Плавание в Атлантических тропиках». О нем Гончаров пишет как первооткрыватель, оно ново и неожиданно: «Море... Здесь я в первый раз понял, что значит “синее” море, а до сих пор я знал об этом только от поэтов... <...> Вот наконец я вижу и синее море... Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнце и в тени» [4, т. 2, с. 105].

Открытия повествователя подчас неожиданны: описывая морскую стихию, он постоянно соотносит то, что приносит ему каждый день путешествия, с тем жизненным опытом, который приобрел, живя в Петербурге. В представлении писателя только северная природа может удивить человека разнообразием, в Петербурге бывает в год «четыре сезона, и то это положено по календарю, а в самом-то деле их семь или восемь... <...> Всё так обыкновенно, всё это так должно быть. Напротив, я уехал от чудес: в тропиках их нет. Там всё одинаково, всё просто. <...> В тропиках, напротив, страна вечного зефира, вечного зноя, покоя и синевы небес и моря. Всё однообразно!» [4, т. 2, с. 14—15].

Образ природы является в очерках живым, подвижным, сияющим многоцветными красками. В описаниях морской стихии в полной мере проявилось умение Гончарова рисовать словом, стремление запечатлеть прекрасное мгновение, остановить его. Писатель как бы соревнуется в мастерстве с уже признанным мастером прозаического пейзажа И. С. Тургеневым, «Записки охотника» которого ценил выше всех других его произведений, с поэтами-современниками: В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, В. Г. Бенедиктовым, А. А. Фетом, Ф. И. Тютчевым. Описания природы во «Фрегате...» — это часто своеобразные стихотворения в прозе со своими ритмом, напевом, композиционной оформленностью, внутренним локальным сюжетом, они подобны тем, что встречаем в «Бежином луге» или «Поездке в Полесье» Тургенева: «Пусть живописцы найдут у себя краски, пусть хоть назовут эти цвета, которыми угасающее солнце окрашивает небеса! Посмотрите: фиолетовая пелена покрыла небо и смешалась с пурпуром; прошло еще мгновение, и сквозь нее проступает темно-зеленый, яшмовый оттенок: он в свою очередь овладел небом. А замки, башни, леса, розовые, палевые, коричневые, сквозят от последних лучей быстро исчезающего солнца, как освещенный храм... <...> Солнце не успело еще догореть, вы не успели еще додумать вашей думы, а оглянитесь назад: на западе еще золото и пурпур, а на востоке сверкают и блещут уже миллионы глаз: звезды и звезды, и между ними скромно и ровно

сияет Южный Крест! Темнота, как шапка, накрыла вас: острова, башни, чудовища — всё пропало. Звезды искрятся сильно, дерзко и как будто спешат пользоваться промежутком от солнца до луны; их прибывает всё больше и больше, они проступают сквозь небо» [4, т. 2, с. 123].

Как у Тургенева и поэтов-современников, у Гончарова природа непосредственно связана с состоянием души человека, является его отражением: качка, бури, жестокий разгул морской стихии, однообразный и неприглядный вид местностей во время путешествия по суше — всё приводит к унынию и мрачным мыслям: «...дни тянулись так же однообразно, волнисто, бурно, холодно. Небо и море серые» [4, т. 2, с. 83]; «Госка сжимает сердце, когда проезжаешь эти немые пустыни» [4, т. 2, с. 645]. Природа у Гончарова неизменно очеловечена: «Тихо, нежно и лениво ползут эти тонкие и прозрачные узоры в золотой атмосфере, как мечты тянутся в дремлющей душе, слагаясь в пленительные образы и разлагаясь опять, чтоб слиться в фантастической игре... <...> Это не зрелая, увядшая красавица, а бодрая, полная сил, жизни и строгого целомудрия дева, как сама Диана. Хлынул по морю и по небу ее пронзительный свет; она усмирила дерзкое сверканье звезд и воцарилась кротко и величаво до утра» [4, т. 2, с. 123].

Гончаров живописует мир словом, находя множество определений для всевозможных оттенков цвета, он видит его как опытный художник, смешивающий краски на своей палитре. Каждый раз отыскивая для описания природы новые оттенки, он оказывается неизменным приверженцем тех, что отражены в словах, чаще других употребляемых в его книге («блеск», «огонь», «сияние»), и в глаголах, эпитетах, сравнениях, сочетающихся с ними («нестерпимый» [4, т. 2, с. 242, 283], «фосфорический» [4, т. 2, с. 326], «как пламя» [4, т. 2, с. 610], «почти кровавый» [4, т. 2, с. 383], «растопленное серебро» [4, т. 2, с. 240], «как брильянт» [4, т. 2, с. 524], «кипит золотом» [4, т. 2, с. 247]). В описаниях Гончарова «горят», «блестят» и «сияют» море, солнце, луна, звезды, молния, потоки дождя, пальмы, зелень, берег, цветы, рыбы, омары...

Мир природы в очерках необыкновенно светел и ярк. Небо и море сверкают, как драгоценные металлы и камни: изумруды, брильянты, кораллы, серебро, золото: «Вы не знаете тропических ночей, светлых без света, теплых, кротких и безмолвных. Ни ветерка, ни звука. Дрожат только звезды. Между Южным Крестом, Канопусом, нашей Медведицей и Орионом, точно золотая пуговица, желтым светом горит Юпитер. Канопус блестит, как брильянт, и в его блеске тонут другие бледные звезды корабля Арго, а всё вместе тонет в пучине Млечного Пути. Что это за роскошь!..» [4, т. 2, с. 524]. По многообразию красок при описании природы, по стремлению сблизить природу и человека очерки Гончарова можно сравнить только с поэзией Фета и Тютчева.

Взор писателя, подобно взору Тютчева, всегда обращен ввысь, к небесам, к Творцу, к той незримой, но всегда присутствующей здесь длани, которой в этом мире подвластно всё — и природа, и человек: «Изумленный глаз смотрит вокруг, не увидит ли руки, которая, играя, строит воздушные видения. <...> Та же невидимая рука, которая чертила воздушные картины, поспешно зажигает огни во всех углах тверди, и — засиял вечерний пир!» [4, т. 2, с. 122—123]; «Всё кажется, что среди тишины зреет в природе дума, огненные глаза сверкают сверху так выразительно и умно, внезапный, тихий всплеск воды как будто промолвился ответом на чей-то вопрос; всё кажется,

что среди тишины и живой, теплой мглы раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голос» [4, т. 2, с. 254]. Всё, что происходит на море, вокруг корабля и на нём, прежде всего свершается в небесах и нисходит с небес к человеку — вот в чем убежден писатель. И в этом смысле ближе других художников ему И. К. Айвазовский и А. И. Куинджи с их «небесными» пейзажами.

Близко живописцам-пейзажистам, а в поэзии — Тютчеву и стремление Гончарова запечатлеть увиденное как готовую и обрамленную картину: «Я вышел на палубу, и берег представился мне вдруг, как уже оконченная, полная картина, прихотливо изрезанный красивыми линиями, со всеми своими очаровательными подробностями, в красках, в блеске» [4, т. 2, с. 483]. Само слово «картина» в отношении к природе, пейзажу появляется во «Фрегате...» около 50 раз, не однажды употребляет писатель и слова «панорама» [4, т. 2, с. 85, 269, 533], «диорама» [4, т. 2, с. 86], больше десятка раз — слово «декорация». Описания морской стихии он сам будет сравнивать с полотнами Айвазовского, картины природы и мирной жизни обитателей дальних берегов — с картинами Ж. А. Ватто, П. Поттера, Ф. ван Мириса, Д. Теньера, А. и И. ван Остаде, других художников, с театральными декорациями: «Это природная декорация “Нормы”» [4, т. 2, с. 705]. В книге автор не раз говорит о том, что природа устраивает человеку представления, «спектакли» [там же].

Родственно Фету гончаровское служение красоте, убеждение, что невидимая творящая сила, разлившая красоту в природе, — это и источник поэтического вдохновения: «Новые силы, новые думы и новая нега проснулись в душе. Опять, как вчера, она ищет в огнях — разума, жадно читает огненные буквы и порывается туда...

Но вот луна: она не тускла, не бледна, не задумчива, не туманна, как у нас, а чиста, прозрачна, как хрусталь... <...> А океан, вы думаете, заснул? Нет; он кипит и сверкает пуще звезд. Под кораблем разверзается пучина пламени, с шумом вырываются потоки золота, серебра и раскаленных углей. Вы ослеплены, объаты сладкими творческими снами...» [4, т. 2, с. 123].

Другой источник вдохновения для Гончарова — мифология, литература, музыка. Самые поэтичные описания природы являются в его письме к поэту В. Г. Бенедиктову из атлантических тропиков: «Где вы, где вы, Владимир Григорьевич? Плывите скорей сюда и скажите, как назвать этот нежный воздух, который, как теплые волны, омывает, нежит и лелеет вас, этот блеск неба в его фантастическом неопisanном уборе, эти цвета, среди которых утопает вечернее солнце? Океан в золоте или золото в океане, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вечный, непрерывный пожар без дыма, без малейшей былинки, напоминающей землю» [4, т. 2, с. 121].

Картины природы, какими бы ни рисовал их автор, неизменно рождают в его воображении ассоциации с «чужим» творчеством, в очерках появляется «чужое слово», которое является то в форме прямой цитаты, то в ассоциации: «Прощайте, друзья мои! увижу ли я вас? Дойдут ли когда-нибудь до вас эти строки, которые пишу, точно под шум столетней дубравы, хотя под южным, но еще серым небом, пишу в теплом байковом пальто? Далеко, кажется, уехал я, но чую еще север смущенной душой; до меня еще доносится дыхание его зимы, вижу его колорит на воде и небе. Я как будто близко. Я не вижу ни голубого неба, ни синего моря. Шум, холод и соленые брызги — вот пока моя сфера!» [4, т. 2, с. 84] — вспоминает писатель пушкинские строки, посвященные переводу «Илиады» Н. И. Гнедичем, в очередной раз обращая взор чита-

теля к миру античной культуры, который для него так же современен, как и для Фета или А. Н. Майкова. «...Я не постиг уже поэзии моря, может быть, впрочем, и оттого, что я еще не видал ни “безмолвного”, ни “лазурного” моря и, кроме холода, бури и сырости, ничего не знаю» [4, т. 2, с. 35], — спорит автор с Жуковским. Во время качки повествователь сердится на океан, о котором при тихой погоде на время «забыли» мореплаватели, но он «не забыл» о них [4, т. 2, с. 72]: «В этом расположении я выбрался из каюты, в которой просидел полторы суток, неблагоприятно взглянул на океан и, пробираясь в общую каюту, мысленно поверял эпитеты, данные ему Байроном, Пушкиным, Бенедиктовым и другими — “угрюмый, мрачный, могучий”, и Фаддеевым — “сердитый”. “Соленый, скучный, безобразный и однообразный! — прибавил я к этому списку, сходя по трапу вниз, — заладил одно — и конца нет!”» [4, т. 2, с. 82]. Завораживающие картины любовных свиданий, воспетые в европейской лирике, возникают в воображении Гончарова, наблюдающего прекрасную южную ночь: «Наступает, за знойным днем, душно-сладкая, долгая ночь с мерцаньем в небесах, с огненным потоком под ногами, с трепетом неги в воздухе. Боже мой! Даром пропадают здесь эти ночи: ни серенад, ни вздохов, ни шепота любви, ни пеня соловьев!» [4, т. 2, с. 124].

Описывая природу, Гончаров раскрывается не только как художник, но и как философ. Он выражает всегда дорогую ему жизненную философию, философию покоя: «Очнувшись, со вздохом скажешь себе: ах, если б всегда и везде такова была природа, так же горяча и так величаво и глубоко покойна! Если б такова была и жизнь!.. Ведь бури, бешеные страсти не норма природы и жизни, а только переходный момент, беспорядок и зло, процесс творчества, черная работа — для выделки спокойствия и счастья в лаборатории природы...» [4, т. 2, с. 122]. Однако покой в природе не раз рождает в душе писателя тоскливое чувство сожаления о том, что ее красота и щедрые дары оказываются не востребованы человеком, что огромные пространства суши и моря не разбужены, не охвачены цивилизацией. Об острове Сант-Яго он скажет: «Как всё это, вместе взятое, печально, скудно, голо, опалено! Всё спит, всё немеет. <...> Ужасно это вечное безмолвие, вечное немение, вечный сон среди неизмеримой водяной пустыни. <...> А какие картины неба, моря! какие ночи! Пропадают эти втуне истраченные краски, это пролитое на голые скалы бесконечное тепло! Человек бежит из этого царства дремоты, которая сковывает энергию, ум, чувство и обращает всё живое в подобие камня. Я припоминал сказки об окаменелом царстве. Вот оно: придет богатырь, принесет труд, искусство, цивилизацию, разбудит и эту спящую от века красавицу-природу и даст ей жизнь. Время, кажется, недалеко. А теперь, глядя на эту безжизненность и безмолвие, ощущаешь что-то похожее на ужас или на тоску. Ничто не шевелится тут; всё молчит под блеском будто разгневанных небес» [4, т. 2, с. 107].

Мир окружающей природы писатель воспринимает как мир полуфантастический, живущий по своим, во многом мифологическим законам: «На этом пламенно-золотом, необозримом поле лежат целые миры волшебных городов, зданий, башен, чудовищ, зверей — всё из облаков» [4, т. 2, с. 123]. В соответствии с мифологическими представлениями [1, с. 401], отношения между небом и землей писателю представляются отношениями супружескими: «Покой неба и моря — не мертвый и сонный покой: это покой как будто удовлетворенной страсти, в котором небо и море, отдыхая от ее сладостных мучений, любят взаимно в объятиях друг друга. Солнце уходит, как

осчастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице» [4, т. 2, с. 121].

Оказывающиеся наедине с природой мореплаватели попадают под ее власть и живут по ее законам, которые непредсказуемы: то «небо и море спорят друг с другом, кто лучше, кто тише, кто синее, — словом, кто более понравится путешественнику» [4, т. 2, с. 313], то он ощущает себя будто во власти «титанов», вечно борющихся между собой, — «моря, ветров и гор» [4, т. 2, с. 126]. Перед «порогом в океан» мореплаватели, как витязь на распутье, выбирают, куда идти: вокруг мыса Горн или мыса Доброй Надежды. «Это напоминает немного сказку об Иване-царевиче, в которой на перекрестке стоит столб с надписью: “Если поедешь направо, волки коня съедят, налево — самого съедят, а прямо — дороги нет”», — пишет Гончаров [4, т. 2, с. 67].

Представление о силах добра, хранящих человека от опасностей, связано у Гончарова с образом неба, но рядом с благодатной и хранительной небесной силой художник видит в природе и силу губительную, страшную, угрожающую. Она приобретает в очерках облик бури, свистящего ветра, шквала, камня, волн, зверя, живущего в морской пучине, облик мифологической судьбы как олицетворения темно-иррационального начала бытия, противостоящей светлой силе Провидения. Развернутые рассуждения о судьбе появляются в очерке «Два случая из морской жизни». Слово «судьба» здесь оказывается в одном ряду со словами «случай», «участь», «несчастье» [4, т. 3, с. 12]. Автор уверен, что судьбу как злой рок можно накликасть, судьба сродни смерти, она уподобляется смертоносному камню: «Не надо ни на что полагаться слепо в жизни: судьба как будто подкарауливает человека, когда он перестанет оглядываться вокруг, не летит ли откуда-нибудь камень, и только забудется — она и отрезвит его от забвения» [4, т. 3, с. 18]. Гончаров убеждает: судьба дает уроки, к которым необходимо прислушиваться.

Как реальные, так и мифологические очертания принимает и образ корабля. Люди на корабле, как будто в ковчеге, живут одним миром, молятся одному Богу, осененные крестом церкви и созвездием Южного Креста [10, с. 116—120]. Жизнь мореплавателей зависит как от судьбы, так и от Провидения. «“Кто на море не бывал, тот Богу не маливался”, — говорит пословица: да, это правда; но не от страху молится на море человек, а оттого, что ближе чует Бога над собою и явственнее видит чудеса его руки. Как горячо вы будете там плакать и молиться, когда будете стоять лицом к лицу с этими роскошными чудесами мироздания!» [4, т. 3, с. 9], — скажет Гончаров.

Путешествие приобретает почти мифологическую окраску. Гончаров не скупится на ассоциации: в очерках не однажды появляются упоминания об аргонавтах, о Гомере и его героях, об историях Одиссея и Энея, других персонажей древнего эпоса. Некоторые из них становятся прямыми участниками жизни на корабле: «В первый день Пасхи, когда мы обедали у адмирала, вдруг с треском, звоном вылетела из полупортика рама, стекла разбились вдребезги, и кудрявый, седой вал, как сам Нептун, влетел в каюту и разлился по полу. Большая часть выскочила из-за стола, но нас трое усидели. Я одною рукою держал тарелку, а другою стакан с вином. Ноги мы поджали. Пришли матросы и вывели швабрами нежданного гостя вон» [4, т. 2, с. 243]. В письмах друзьям Гончаров признавался, что, оказавшись на Ликейских островах, вспоминал «не то Феокрита, не то Гомера, не то русскую сказку о стране, где текут реки меду и молока» [4, т. 2, с. 702].

Если во «Фрегате “Паллада”» мифологический сюжет несколько затемнен многочисленными реальными описаниями и подробностями плавания, то в очерке для детей «Два случая из мирской жизни», он обнажен и представлен наглядно и выпукло. Уже в первой части очерка показано противостояние в мире светлых и темных сил. Ночное море прекрасно и гармонично: «... в тихую погоду вы не сойдете с палубы вниз, не устанете смотреть на море, на небо, особенно на небо! <...> ...Светила разбросаны, как песок, и каждая звезда светит своим особенным блеском, ярким, нежным, разноцветным. Никакой хрусталь, никакие брильянты не сверкают такими огнями, ни на какой картине не увидите вы таких красок, какими горит небо, и днем, и ночью!» [4, т. 3, с. 8—9].

Образ мировой гармонии, дарующей человеку ощущение счастья, нарушается вторжением темных, губительных сил. Море — это обиталище зверя. С ним сравнивается волна, которая заманивает своей красотой и неизбежно губит: «Волна, как живой послушный зверь, так и вытягивает свой длинный хребет, свою изумрудную голову, так красиво играет жемчужной гривой, как будто говоря: “Пожалуйста ко мне, если угодно утонуть: я очень вежлива ... не сделаю никакой боли ... вы как будто заснете...”» [4, т. 3, с. 13]. Образ зверя, сравнение моря с ним не однажды появятся и во «Фрегате...»: «Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, встают, падают, опять встают, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей дерется в остервенении, только брызги, как дым, поднимаются да стон носится в воздухе» [4, т. 2, с. 75—76]. Матросы убеждены, что в море живут водяные и драконы [4, т. 2, с. 620, 586]. Море населено и реальными, живыми зверями. Во время купанья матросов в океане к ним подплывают акулы, и подробный рассказ о том, как выловили из вод огромного «зверя» — акулу, разделявали ее на палубе, является как бы достоверным подтверждением «сказочных» представлений.

Зверь, живущий в водах моря, подобен змею. Это уподобление рождает ассоциации с образом мирового змея, появляющегося в мифологии многих народов мира. В представлении современников Гончарова, святителя Игнатия Брянчанинова, например, змей, живущий в море, — это «падший ангел, низвергнутый с неба на землю» [10, с. 360]. Ф. И. Буслаев пишет об образах многоглавых змеев, огненных драконов как принадлежности «романского», «чудовищного», «звериного» стиля, черты которого особенно очевидны в «народной поэзии религиозного содержания». В древних народных представлениях сближены змей и аспид, а «самая сладкая смерть бывает от угрызания аспидова» [2, с. 314, 317]. Актуализируя в сознании юного читателя эти древние представления, Гончаров, видимо, опирается на собственные детские впечатления, знакомые ему по разным источникам, в том числе по знаменитой «Голубиной книге».

Путешественники оказываются в царстве зверя, принимающего часто образ камня: камни «или скрыты под водой, или показывают свои ослепительно белые, омываемые водой и обвеваемые ветром головы: точно зубцы гребня или крепости» [4, т. 3, с. 17]. Приводя такое сравнение, писатель рассчитывает на живое детское восприятие, на узнаваемость образа ребенком. Сравнение с крепостью сразу же заставляет одних читателей вспомнить о дворце Посейдона, находящемся в пучине моря, других — о подводной «палате белокаменной» в бытине о Садко, третьих — о медном доме змея огненного под морем Хвалынским [2, с. 438], четвертых — пушкинские строки: «И

всплыл Петрополь, как тритон» [8, с. 279], пятых — скандинавские сказания или сказания других народов мира.

В очерке для детей автор рассказывает о поединке человека с морем, с тем самым зверем, который живет в его глубинах. В основу сюжета центральной части очерка положена история о том, как фрегат едва не погиб у коралловых рифов вблизи Ликейских островов. Рассказ о путешествии к ним подобен повествованию о погружении человека в ад. И первыми признаками ада становится название острова: Сульфур — сера. Это остров с курящимся пиком, от которого «на нас... раза два пахнуло серой» [4, т. 3, с. 16]. Как известно, грешники в аду оказывались в озере, «горящем огнем и серою» (Апок., гл. XXI, 8). Ощущение близости преисподней подкрепляется образами огня и воды, их сцеплением: «Дождь хлестал с остервенением, в воздухе струи, ветер ревел, заглушая гром» [4, т. 3, с. 18]. На то, что место «не чисто», указывает и образ мельничного колеса: «Вы видали, как вода кипит и бурлит под мельничным колесом: представьте исполинское колесо, на версту или более роющее воду» [4, т. 3, с. 19]. Мельница, как известно, представлялась народу обиталищем нечистой силы. Здесь путешественники оказываются в царстве зверя: «Кругом острова и нашего фрегата беспрестанно играют киты мелкой породы; пускаемые ими фонтаны то и дело брызжут тонкой струей, и кое-где покажется хребет или голова зверя» [4, т. 3, с. 16]. Бездна привлекает, зачаровывает своей обманчивой, блестящей красотой: «...солнце ярко озлащало сверкавший в глазах наших поток жемчуга, алмазов и изумрудов, кипевших, крутившихся и исчезающих в белой пене бурунов... Вблизи зияющая могила... <...> Океан свободно катит волны и вдруг разбивается о каменную стену! Он как будто толкал нас туда, в клокочущую бездну, и мы упирались у порога ее, как упирается человек или конь над пропастью» [4, т. 3, с. 19].

Однако от стихий, от живущего в океане зверя людей хранит корабль. В христианской традиции он ассоциируется с Церковью Христовой [10, с. 360]. В очерке появляется сравнение корабля с тройкой: «Фрегат бежит, как добрая тройка лошадей...» [4, т. 3, с. 17], он превращается в образ морского коня, побеждающего зверя морского. Корабль — это и образ человека на коне, змееборца, Георгия Победоносца [3, с. 134]. Чем же разит он? У Гончарова ответ один: людей спасает вера. Заявляя в очерке проблему соотношения свободы воли человека и Промысла Божия, писатель высказывает идею сотрудничества человека и божественной энергии в деле спасения. Он убежден: божественная воля действует через человека, через соборную совокупность людей.

Блуждание людей по морю превращается в блуждание души. Перед лицом смерти люди готовы впасть в отчаяние, в грех: «...все носят в себе тупое чувство тоски, неизвестности, стараются не глядеть друг на друга, отворачиваются, но беспокойные взгляды падают всё на одну картину, всё на жемчужно-изумрудную длинную, теряющуюся вдали полосу белых волн — в свирепой игре с ветром: чу! как воеет: *memento mori* (помни смерть!) слышится в этом реве!» [4, т. 3, с. 12]. Но мореплаватели не поддаются искушению. Даже не вспоминая имени Бога, они верны завету: «Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каких бы то ни было», — поучал Серафим Саровский [7, с. 225]. Люди на корабле в большинстве своем ведут себя как истинные христиане, всеми силами способствуя тому, чтобы свершилась воля Провидения. Об их великих трудах говорит автор, показывая работу команды во время шторма. Спасительно для людей оказывается

их духовное единение перед темными силами: они молятся и молитва *миром* услышана Богом, на *мир* нисходит благодать. Люди на корабле оказываются спасены: «Утром солнце кротко сияло над укротившимся океаном, буруны с журчаньем тихо переливались через каменную гряду», мы залюбовались, глядя на нее» [4, т. 3, с. 13].

Завершая историю своего путешествия в очерке «Через двадцать лет», Гончаров восклицает: «Конец благополучно бегу, спускайте, други, паруса! <...> Какая огромная Итака и каково нашим Улиссам добираться до своих Пенелоп!» [4, т. 2, с. 633]. И вновь в ассоциативном ряду оказываются поэт-современник И. И. Дмитриев и античная культура. Казалось бы, живая и вымышленная реальность близки и измеримы одной меркой, равны для Гончарова. Однако эпилог книги, каким является этот очерк, — произведение о печальной судьбе фрегата «Паллада», оставленного погибать у дальневосточных берегов, о гибели фрегата «Диана» у японского берега в результате «великолепного спектакля», устроенного для русских моряков «самой природой» [4, т. 2, с. 731], — отменяет это равенство. «Так кончилась эта экспедиция, в которую укладывается вся “Одиссея” и “Энеида” — и ни Эней, с отцом на плечах, ни Одиссей не претерпели и десятой доли тех злоключений, какие претерпели наши аргонавты, из которых “иных уж нет, а те далече!”», — говорит писатель [4, т. 2, с. 738]. И в этих его словах в произведение вторгается сама жизнь с ее истинным, реальным трагизмом, значимость которого превосходит значимость любого, даже самого совершенного вымысла.

И всё-таки, как бы трагична ни была история путешествия, автор убежден: «Cogito ergo sum — путешествую, следовательно, наслаждаюсь...» [4, т. 2, с. 85]. Заключает очерки путешествия по-своему символический эпизод: «Русский священник в Лондоне посетил нас перед отходом из Портсмута и после обедни сказал речь... Он исчислил опасности, какие мы можем встретить на море, — и, напугав сначала порядком, заключил тем, что “и жизнь на берегу кишит страхами, опасностями, огорчениями и бедами, — следовательно, мы меняем только одни беды и страхи на другие”. <...> Да, тут есть правда, но человеку врожденна и мужественность; надо будить ее в себе и вызывать на помощь, чтобы побеждать робкие движения души...» [4, т. 2, с. 740]. В самом конце своей книги писатель обращается ко всем, кто способен отправиться в путешествие, сделать это. Он убежден, что в противостоянии природе, которая угрожает опасностью, в трудностях путешествия формируется и закаляется характер, вырабатываются необходимые человеку жизненная активность, любознательность, умение общаться с природой и людьми, «побеждать робкие движения души» [9, с. 60—64].

Постоянно обращаясь к духовному и художественному опыту мировой культуры, делая его «своим», Гончаров сближает времена и народы, эпоху Античности с современностью, Россию с Востоком и Западом. Православный человек, он живет «внутри» мировой культуры, каждое свое чувство и мысль соотнося с огромным культурным запасом, который хранит его память, приобщая к этому запасу и читателя, научая его жить теми же ценностями, пробуждая в нем веру в Бога и тягу к знанию. Неслучайно, что его книга до недавнего времени была востребована миллионами юных читателей, без нее не мыслилось формирование их духовного и познавательного опыта.

Библиографический список

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М. : Индрик, 1994. Т. 2. 787 с.
2. *Буслаев Ф. И.* Русские духовные стихи // *Буслаев Ф. И.* О литературе : исследования, статьи. М. : Худ. лит., 1990. 511 с.
3. *Гачев Г.* Национальные образы мира : космо-психо-логос. М. : Прогресс, 1995. 479 с.
4. *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 2. 781 с. ; Т. 3. 2000. 839 с.
5. *Евстратов Н. Г.* Соотношение природы и быта в романах И. А. Гончарова // Филол. науки. 1976. № 5. С. 126—150.
6. *Иванова Ю. А.* Отражение христианского мирозерцания И. А. Гончарова в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» // Филологические штудии : сб. науч. тр. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. Вып. 8. С. 116—120.
7. Поучения и беседы преподобного *Серафима Саровского*. М. : Правило веры, 1997. 383 с.
8. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука, 1977. Т. 4. 448 с.
9. *Сапченко Л. А.* Путешествие как идеальная форма человеческой активности в творчестве Карамзина и Гончарова // Человек в культуре России : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры. Ульяновск, 2000. С. 60—64.
10. Святитель *Игнатий Брянчанинов*. Аскетические опыты. М. : Правило веры, 2009. Т. 1. 542 с.
11. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное. М. : Прогресс — Культура, 1995. 624 с.

ББК 81.43-1

К. М. Денисов

НЕКОТОРЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НЕОДНОРОДНОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В своей книге «Терминоведение» известный отечественный терминолог С. В. Гринев-Гриневиц приводит перечень задач, стоящих перед исследователями [3, с. 10]. К теоретическим задачам терминоведения относятся:

- установление и описание основных типов специальных лексических единиц, анализ особенностей, отличающих их от общеупотребительной лексики и позволяющих безошибочно выделять и отбирать для упорядочения специальную лексику;
- выработка общих методов описания и анализа терминологий;
- определение общих свойств терминов и терминологий и особенностей их реализации в отдельных областях специальной лексики;
- исследование основных типов называемых терминами понятий и связей между ними, семантических особенностей и проблем терминов и терминологий;
- изучение структурного и словообразовательного состава терминов; способов, моделей и особенностей их образования; типов терминологических элементов и видов мотивированности терминов;
- исследование особенностей зарождения, образования и развития терминологий различных областей знания в различных языках;
- анализ особенностей функционирования терминов и терминологий в специальной речи и современных автоматизированных системах;
- определение роли терминов и терминологий в познании, мышлении и развитии знаний, а также в подготовке и общении специалистов;
- совершенствование теоретических основ создания различных типов словарей специальной лексики.

К практическим задачам относятся:

- разработка методики нормализации (рекомендации и стандартизации) и создание терминологий в разных областях знания;
- установление критериев и принципов отбора и обработки специальной лексики при создании различных специальных словарей;
- разработка методов терминологической работы при создании информационно-лингвистического обеспечения современных компьютеризирован-

ных систем — АСУ, баз и банков данных, баз знаний и интеллектуальных систем;

- разработка методов терминологического редактирования и терминологической экспертизы;

- разработка методов, приемов и рекомендаций по переводу терминов.

Упорядочение терминологии является здесь безусловным лейтмотивом.

С. В. Гринев-Гриневиц говорит об этом следующее: «В настоящее время специальная лексика русского, английского и других развитых языков в большинстве областей знания не представляет собой упорядоченной системы, которая соответствовала бы современному уровню науки и запросам практики. Распространены такие *негативные* (курсив мой. — К. Д.) явления, как омонимия, различное толкование терминов представителями разных научных школ и направлений, синонимия, достигающая в некоторых областях знания 50 % от общего числа терминов, произвольная вариантность форм терминов, нечеткое определение многих понятий, необоснованное введение иноязычных терминов, распространение немотивированных и ложноориентирующих терминов, отсутствие научно обоснованных общих принципов образования терминов и конкретных оптимальных моделей образования терминов подавляющего большинства областей знания» [3, с. 5—6].

С профессиональной и универсальной точек зрения С. В. Гринев-Гриневиц абсолютно прав, указывая на явные и подлежащие устранению недостатки многих терминологий. С другой стороны, он сам определяет терминологию как элемент культурной среды, как отражение связи языка с материальной и духовной культурой народа [3, с. 5]. Следовательно, в создании эффекта *терминологической неоднородности* могут участвовать специфические культурно-языковые компоненты, избавление от которых в процессе универсально-научной аккомодации терминосистем может нарушить культурно-историческую парадигму познавательного континуума. Следует заметить, что небывалый рост научных знаний по определению не может приводить к механической унификации соответствующих систем терминов. На наш взгляд, прежде чем препарировать ту или иную уже сложившуюся терминосистему, необходимо разобраться в причинах ее неоднородности. С особой осторожностью следует подходить к области так называемых гуманитарных дисциплин, где внешняя «размытость» терминологий таит в себе важные гносеологические и дидактико-культурные основания [4, с. 33].

Фонетика как самостоятельная дисциплина лингвистического цикла представляет собой, как известно, весьма сложное образование. Выделяют акустическую, артикуляторную, экспериментальную, перцептивную и ряд других фонетик. Она входит своими составными частями в ряд гибридных дисциплин, таких как фоносемантика, фонотактика, фоностилистика и т. п. Уже перечисленного достаточно, чтобы представить себе уровень *терминологической неоднородности* терминосистемы фонетики как таковой, прежде всего по *неоднородности понятий*, отраженных и транслируемых этой терминологической системой.

Термин является репрезентантом научного знания [2, с. 48]. Определенное количество терминов, собранных под эгидой фонетики, исконно являются представителями нелингвистического знания, поскольку означают не лингвистические, а скорее физические, анатомические, психологические и иные явления, признаки, свойства и законы. В этой связи следует упомянуть о принципиальном отличии термина как функционально-относительной еди-

ницы в отличие от субстанционально однозначного слова [1, с. 37]. Данный постулат очень важен, поскольку он вводит понятие межсистемной омонимии терминов, не нарушающей автономность каждой отдельной терминосистемы в определении однозначного референциального поля термина внутри самой себя. Вновь отметим ведущую роль терминосистемы в создании функциональной моносемичности термина. Неоднородность семантики фонетических терминов (*articulation, voice, fluency, etc.*) в этом случае связана с параллельным использованием их в различных отраслях знания (медицина, логопедия и психология), где они получают иные созначения [7, р. 20].

По какой же причине все эти «разнозначные» терминологические единицы объединяются под эгидой фонетики в специализированных LSP справочниках по лингвистике? Причин может быть несколько, но основной из них является представление о данной науке как о логико-понятийной системе знания, достигшей определенного уровня развития. Значение каждого термина определяется не источником его создания или заимствования, а прежде всего местом в инкорпорирующей его терминологической системе, представляющей собой план выражения логико-понятийной системы [2, с. 53].

Таким образом, логико-понятийная система производит упорядочивание и отбор входящих в нее элементов, а термины, означающие нелингвистические понятия, обитают в терминифонетике по праву, поскольку они репрезентируют механизмы и процедуры выявления, описания и осознания тех признаков и параметров фонетических явлений, которые невозможно познать лишь с помощью собственно фонетических (лингвистических) понятий. Объектом специального (терминологического) словаря может быть любой знак, встречающийся в связных текстах данной отрасли знания (в данном случае — фонетики) и занимающий свое позиционное место в модели терминосистемы [2, с. 117].

В результате анализа различных терминологий сложился перечень признаков идеального термина, который С. В. Гринев-Гриневиц представил в «системе основных требований к термину».

1. Требования к значению: непротиворечивость семантики; однозначность; полноточность; отсутствие синонимов.
2. Требования к форме: соответствие нормам языка; краткость (лексическая и формальная); деривационная способность; инвариантность; мотивированность (систематичность).
3. Прагматические (функциональные) требования: внедренность (общепринятость, употребительность); интернациональность; современность; благозвучность; эзотеричность [3, с. 36—37].

Терминологическая однородность / неоднородность терминосистемы является результатом того, насколько каждый элемент этой системы соответствует указанному признаковому набору свойств. Существенным фактором терминологической неоднородности является *степень терминологичности* каждого отдельного элемента терминосистемы. Термин — это единица, выражающая специальное понятие. Специальность понятия относительна и допускает бóльшую или мёньшую степень. А коль скоро это так, то традиционную понятийную дихотомию *термин — нетермин* естественно изменить и трансформировать в более гибкое и относительное понятие *терминологичность* [5, с. 12].

При составлении словаря лингвистической и фонетической терминологии английского языка Дэвид Кристал заметил, что в состав терминологии

входит достаточно большой перечень «обычных слов» (от 20 до 40 % в зависимости от литеры алфавита), которые приобретают специальный статус в лингвистической науке [7, p. 17]. Дело в том, что эти слова (*talking, reading, vowel, consonant, syllable, stress, rhythm, etc.*) сопровождают человека буквально всю его жизнь. Лингвистический метаязык усваивается ребенком с раннего детства и многократно усложняется на всех ступенях общего образования. Человек усваивает эти понятия постепенно, воспроизводя в сжатом виде динамическую модель гуманитарного общечеловеческого познания. Проблемы с этими понятиями начинаются на этапе специальной лингвистической подготовки, когда от общепринятых представлений и толкований, многочисленных разночтений и коннотаций, а зачастую и мифов студенту приходится переходить к точному, глубокому и полному, словом, строго научному их осмыслению.

«Тривиальность» и привычность общих или базовых терминов порождают целый ряд существенных проблем для терминологов и лексикографов. Во-первых, значение этих слов неточно, если они рассматриваются вне терминосистемы, поскольку лишь там, при условии правильного позиционирования, они получают многостороннее и полное освещение. Во-вторых, многими из подобных слов составители справочников пренебрегают (либо не включают их в словари, либо не подвергают надлежащему разбору, рассматривая их как нечто само собой разумеющееся). В результате эти термины, наряду с многочисленными новообразованиями, уходят, по выражению Д. Кристала, в подводную часть лексикографического «айсберга современной терминологии» [7, p. 21], что в корне неверно, поскольку с развитием науки о языке смысловое поле этих терминов приобретает новые оттенки. В-третьих, эти термины выражают базовые, цементирующие всю систему, понятия, сложившиеся в далеком прошлом. К примеру, представление о правильной речи и ее компонентах, «уместных» стилях произнесения было еще в древнем мире задолго до появления методик анализа и синтеза речи. Получается, что базовые лингвистические понятия и единицы, означающие их, существовали за долгие столетия до декларируемого возникновения такой «юной, но перегруженной терминологией науки как лингвистика» [6, p. 554]. В отличие от терминов-однодневок, которые в огромном количестве появляются и быстро устаревают в различных «терминологических диалектах» [7, p. 21] лингвистических школ и направлений, эти термины вечны. В-четвертых, степень терминологичности данных единиц имеет два измерения: диахроническое и синхроническое. В процессе развития науки о языке возрастает их абсолютная терминологичность, накапливается уникальный признаковый потенциал. В современной науке их абсолютная терминологичность падает на фоне более высокой терминологичности специальных (технических) терминов. Тем не менее их относительная терминологичность, связанная с развитием логико-понятийной системы, растет. Все это требует постоянного переосмысления и подобающей формализации в виде соответствующих определений и экземплификаций.

Наряду с неоднородностью трактовок терминов в различных подсистемах знания и научных школах в истории фонетики и лингвистики существует и национальная терминологическая вариативность. К примеру, в трудах российских ученых, пишущих на английском языке, встречается некоторое количество специальных слов на *-ology*: *speechology, phraseology, intonology, textology*, которые не свойственны для Британской лингвистической тради-

ции, что, тем не менее, открывает перспективу для сравнительного исследования. В английской терминологии происходит смена терминов: к примеру, атрибут *suprasegmental* заменяется на *nonsegmental* для полного размежевания фонемного и нефонемного уровней анализа [7, p. 22].

Фонетическая терминология, как, пожалуй, никакая другая, характеризуется высоким порогом сложности для восприятия учащимися, поскольку отражает сферу знания большой степени абстракции. Она требует владения специальными навыками слухового восприятия, транскрипционной перекодировки, а главное — умения поаспектной идентификации информационного звукового потока (собственно интонационная, т. е. лингвистическая составляющая, паралингвистическая составляющая и т. п.). Такими навыками владеют далеко не все специалисты. Естественно, поэтому данная терминологическая сфера вызывает стойкое отторжение и неприятие у многих учителей и учащихся. Проблемы усвоения фонетического знания кратно возрастают при обращении к звуковому строю неродного языка. Помочь разобраться в этом может лишь правильно организованный справочник, входные единицы (ВЕ) которого, по мнению Д. Кристалла, должны быть по возможности снабжены следующими элементами:

- 1) определение;
- 2) примеры из родного языка пользователя;
- 3) примеры из целевого или другого языка;
- 4) уточнение / усиление определения или некоторых понятий, содержащихся в нем;
- 5) справка об историческом и текущем теоретическом статусе ВЕ;
- 6) оценка значимости ВЕ;
- 7) список источников и корпусных цитат [7, p. 26].

В заключение следует особо подчеркнуть *диагностическую и прогностическую функции терминологии* [3, с. 211—213], которые совместно с набором гносеологических функций дают исследователю возможность определения ступени развития предметной области по преимущественному способу терминообразования и построения эвристической модели ее перспективного развития.

Библиографический список

1. *Авербух К. Я., Карпова О. М.* Лексические и фразеологические аспекты перевода. М. : Академия, 2009. 173 с.
2. *Герд А. С.* Прикладная лингвистика. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 267 с.
3. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение. М. : Академия, 2008. 303 с.
4. *Ловцевич Г. Н.* Кросскультурный терминологический словарь нового типа : (на материале английских и русских терминов лингводидактики) : дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2010. 306 с.
5. *Шелов С. Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 279 с.
6. *Bolinger D.* Aspects of Language. 2nd ed. N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1977. 356 p.
7. *Crystal D.* The Linguistic Identity of English-language Dictionaries of Linguistics // *Lexicographica*. 1997. Vol. 13. P. 17—33.

Н. Д. Миловская, С. И. Москалева

СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ БЫТОВОМ АНЕКДОТЕ

Упомянутое в некоторых философских [1, 7] и отмечаемое в ряде лингвистических [3, 8] исследований разграничение между комическим, «словом передаваемым», и комическим, «словом создаваемым» [2], мотивирует к строгому разделению общего фонда немецких бытовых анекдотов Witz на предметные (ситуативные) бытовые анекдоты Sachwitz и языковые бытовые анекдоты Wortwitz.

В предметном, или ситуативном, бытовом анекдоте Sachwitz имеет место определенная свобода выбора слова как в синтагматической, так и в парадигматической перспективе. В центр его содержания могут ставиться, например, логические нарушения, ведущие к сбоям в функционировании логических законов [4, с. 22], лежащих в основе любых связанных высказываний как то: недостоверная посылка, неверный вывод, нарушение связи между посылкой и выводом и т. п.: «“Unsere Nachbarn müssen sehr arme Leute sein”, meint Thomas. “Wieso?” fragt die Mutter. “Na, ihr kleiner Junge hat einen Groschen verschluckt, und nun sind sie ganz aufgeregt und wollen ihn sofort wieder rausholen”» (1). В данном случае высмеивается противоречивость мышления персонажа: логическое противоречие заключается в нарушении связи между выводом (они — бедные люди) и посылом (они хотят поскорее извлечь из желудка своего младшего сына проглоченную им по неосторожности монету). При этом сюжет анекдота может быть реализован с помощью различных, если не сказать любых, языковых средств. При воспроизведении данного и любого другого предметного бытового анекдота важно знать смысловой рисунок, тип пуанты, и совершенно неважно придерживаться всегда одной неизменной языковой формы ее воплощения. Роль, отводимая выбору слова в предметном бытовом анекдоте, второстепенна, «комизма слова» [3, с. 6] в нем не наблюдается.

Под прицел осмеяния в предметном бытовом анекдоте могут попадать и любые проявления «маленького человека» в его повседневной жизни: «Diskret beugt sich der Kellner in einem Luxus-Restaurant zu einem Gast rüber und flüstert: “Mein Herr! Sie werden von allen Seiten beobachtet, und man redet über Sie. Man isst Fisch doch nicht mit dem Messer”. Knurrt der Gast verlegen: “Das weiß ich schon lange. Aber wenn Sie das auch wissen, hätten sie mir ja gleich einen Löffel mitbringen können, Sie Tölpel!”» (2). Так, в сюжете (2) высмеивается банальное невежество человека, а сам анекдот подтверждает справедливость утверждения о том, что «смешными могут оказаться наружность человека, его лицо, фигура, движения... его суждения, в которых он проявляет недостаток ума... характер человека, область его нравственной жизни, его стремления, его желания и цели... речь человека как манифестация таких его качеств, которые были незаметны, пока он молчал... физическая, умственная и моральная жизнь человека...» [6, с. 20].

© Миловская Н. Д., Москалева С. И., 2011

Необычная внешность также может стать предметом осмеяния в предметном бытовом анекдоте: «Ein amerikanischer Agent kommt, frisch ausgebildet, nach Russland und geht in ein Bar. Um zu zeigen, dass er ein echter Russe ist, trinkt er ein Glas Wodka in einem Zug aus. Der Wirt nickt anerkennend, sagt aber dann: “Du nix Russe”. Der Geheimagent schnappt sich darauf hin eine Balalaika und fängt an, wie verrückt darauf zu spielen. Wieder schauen die Leute bewundernd, und einer sagt: “Du spielst fantastisch, wie ich noch nie jemanden habe spielen sehen, aber du nix Russe”. Der Agent ist völlig verzweifelt und kann nicht verstehen, warum man ihm den Russen nicht abnimmt. Er überlegt, wie er die Leute von seiner Echtheit überzeugen kann, und beginnt schließlich einen Kasatschok zu tanzen. Wieder sind alle begeistert und rufen: “Du tanzt wie echter Russe, aber du nix Russe!” Den Tränen nahe, schnappt der Agent eine alte Babuschka am Kragen und brüllt sie an: “Warum ich nix Russe?” Darauf die Alte: “Ganz einfach, weil es nix gibt russische Neger”» (3). Примеры немецких предметных бытовых анекдотов можно приводить бесконечно, однако и три сюжета, упомянутые выше, с очевидностью демонстрируют, что отличительной чертой немецкого предметного бытового анекдота Sachwitz являются непредсказуемые реакции персонажей, нарушения логики, выходящие за рамки нормы конфликты между действием и моралью, создающие его комическую сущность и вызывающие смеховую реакцию реципиента. Немецкий предметный бытовой анекдот Sachwitz приносит реципиенту удовольствие прежде всего тем, что устанавливает связи между принципиально несопоставимым. Он погружает реципиента в новую, нередко обескураживающую логику и смысловые зависимости там, где их в норме нет. Непременным условием понимания многих предметных бытовых анекдотов являются фоновые знания и юмористическая компетенция реципиента. Ресурсы языка в предметном бытовом анекдоте не играют первостепенной роли: выбор языковых средств из широкой палитры предлагаемых языком возможностей осуществляется в предметном бытовом анекдоте свободно.

Языковой бытовой анекдот Wortwitz отличает комизм, создаваемый языковыми средствами на основе способности носителей языка к языковому творчеству. Так, в сюжете (4) обращает на себя внимание присутствующая в нем лексема *mitgenommen*. «Anja kommt aus dem Urlaub in Spanien zurück. Da fragt ihre Freundin Carla: “Bist du per Anhalter gefahren?” “Wie kommst du denn darauf?” — “Na ja, irgendwie siehst du so mitgenommen aus...”» (4). Юмористический эффект данного языкового бытового анекдота почувствует реципиент, способный провести мгновенную аналогию между значениями форм слов *mitgenommen* (Part. II от *mitnehmen*) — *auf einen Weg o. Ä. mit sich nehmen*; *mitgenommen* (Adj.) (ugs.) — [durch wenig sorgsamen Gebrauch o. Ä.] *beschädigt, ramponiert*. Гипотетическая замена опорной лексемы *mitgenommen* на другую опорную лексему повлечет искажение всего содержания анекдота. Перевод такого сюжета невозможен.

Важнейшим конституирующим признаком немецкого языкового бытового анекдота Wortwitz, как видим, является присутствие в его текстовом полотне некой опорной лексемы «X», которая и дает анекдоту жизнь, без которой анекдот не «зажигает» реципиента [3] и не вызывает юмористического эффекта и смеха. Свежо и оригинально (пере)осмысливаемые, хитроумно и изобретательно комбинируемые опорные лексемы немецких языковых бытовых анекдотов позволяют реципиенту при декодировании их содержания прежде всего испытать эстетическое удовольствие семиотической

природы. Поэтому понимание немецких языковых бытовых анекдотов требует от реципиента не столько логики мышления, определенных фоновых знаний и общей юмористической компетенции, сколько мыслительноязыковой деятельности, лингвистической эрудиции, связанной с умением распознавать скрытые в опорной лексеме смыслы. Назначением немецкого языкового бытового анекдота является интенция рассмешить реципиента, опираясь на смеховое осмысление семантического потенциала контекстообразующей опорной лексемы, сопровождаемая интенцией привлечения внимания к дисгармоничному повседневному речевому взаимодействию представителей этноса или к дисгармоничным обстоятельствам в современном мироустройстве и т. д.

Семантический механизм создания *юмористического эффекта* в языковых бытовых анекдотах устойчив. Мы полагаем, что в них, так же как и в ситуативных бытовых анекдотах Sachwitz, имеет место переключение реципиента с одной перспективы интерпретации их сюжета на другую [8, 9 и др.]. Однако это переключение мотивировано исключительно столкновением примарного и секундарного значений опорной лексемы «X». Языковой бытовой анекдот начинается со знакомства реципиента с примарной зарисовкой ситуации, в текст которой «вмонтирована» опорная лексема «X», вызывающая традиционные ассоциации у реципиента, в силу чего ей приписывается значение, навеянное парадигмой языка. Затем в результате бисоциирования понятий-представлений реципиент приходит к мысли о возможности неожиданной и парадоксальной интерпретации ее значения. Примарное значение опорной лексемы «X», заданное примарной перспективой интерпретации языкового бытового анекдота, сталкивается и входит в сознание реципиента в отношении конфронтации с ее неожиданным секундарным значением, которое конвертирует примарную ситуацию в секундарную. Следующее далее осмысление столкновения (понимаемого как мгновенное переключение семантических кодов, скачок из одной когнитивной матрицы в другую) примарного значения опорной лексемы «X» в контексте примарной перспективы интерпретации языкового бытового анекдота с секундарным, стимулирующим секундарную перспективу интерпретации языкового бытового анекдота порождает юмористический эффект и вызывает смеховую реакцию реципиента.

Изучение аутентичного фактического материала позволяет утверждать, что секундарное значение опорной лексемы «X» в анекдоте детерминируют процессы лексико-семантического и окказионального варьирования значения языкового знака, процессы метафорического переосмысления значения языкового знака, а также ошибочное или юмористическое речевое использование омонимов, паронимов, двойная актуализация и юмористическое речевое моделирование ФЕ.

Попытка внести некоторую упорядоченность в кажущееся на первый взгляд бесконечным разнообразие экспликаций (реализаций) столкновения примарного и секундарного значений опорной лексемы «X» привела к выявлению их основных типовых реализаций. Таковыми являются столкновения ее лексико-семантических вариантов, окказиональных вариантов ее значений, прямого и метафорического значений. Также имеет место столкновение значений опорных лексем-омонимов (конфликт омонимов), опорных лексем-паронимов, двойная (полная или частичная) актуализация опорной лексемы — ФЕ, окказиональное моделирование опорной лексемы — ФЕ.

Поскольку рамки одной статьи не позволяют подробно представить все реализации столкновения примарного и секундарного значений семантически дуальной опорной лексемы «X», остановимся только на одной из них, а именно на *окказиональном варьировании* значения опорной лексемы «X» как инструменте, создающем ее парадоксальное секундарное ситуативное значение.

Мы предлагаем интерпретацию немецких языковых бытовых анекдотов, юмористический эффект в которых создается столкновением значений окказиональных вариантов опорной лексемы «X», в ракурсе концепции стохастического значения словесного знака, изложенной в семасиологических трудах М. В. Никитина [5]. Обратимся к примерам: «Max besucht seinen Freund im Unfall — Krankenhaus. Danach fragt er die Krankenschwester: “Und — mal ganz ehrlich: Hat er *eine Chance*?” Darauf die Schwester voller Inbrunst: “Nicht die Bohne! Er ist nämlich überhaupt nicht mein Typ!!!”» (5). Опорной лексемой в данном языковом бытовом анекдоте является имя существительное *die Chance*, семантическая структура которого может быть представлена следующими ядерными семами (интенциональными признаками): 1) *eine günstige Gelegenheit*, 2) *etwas zu erreichen*. Семантический признак *eine günstige Gelegenheit* является обязательным структурным компонентом лексического значения опорной лексемы, поэтому он актуализируется в сознании обоих персонажей анекдота — Макса и медицинской сестры. Однако наряду с интенциональным семантическим признаком в структуре значения опорной лексемы есть также некий информационный потенциал — *etwas zu erreichen*, который персонажи анекдота заполняют различными дополнительными импликациональными признаками. В частности, Макс приписывает к интенционалу лексического значения опорной лексемы *die Chance* импликациональный семантический признак *gesund zu werden*, что в описываемой в данном языковом бытовом анекдоте ситуации вполне закономерно: Макс пришел в больницу, чтобы узнать о состоянии здоровья своего друга. Медицинская же сестра ошибочно заполняет информационный потенциал значения опорной лексемы иным семантическим признаком — *zu heiraten*, решив, что Макса интересует, есть ли у больного шанс жениться на ней.

В сюжете (6) в качестве опорной лексемы выступает глагол *vorankommen*: «Fahrgast: “Meine Güte! Können Sie nicht etwas schneller *vorankommen*?” Taxifahrer: “Nein, ich darf meinen Wagen nicht verlassen”» (6). Его семантическая структура состоит из следующего набора ядерных компонентов: 1) *sich bewegen*, 2) *nach vorn*, 3) *auf einer Strecke*. Интенциональные семантические признаки подлежат обязательной актуализации в акте коммуникации, поэтому они присутствуют в сознании как пассажира такси, так и водителя. Однако структура лексического значения опорной лексемы *vorankommen* не исчерпывается только интенциональными семантическими признаками, а содержит также информационный потенциал *die Art und Weise der Bewegung*, который заполняется персонажами анекдота по-разному. Пассажир такси приписывает к интенционалу лексического значения опорной лексемы *vorankommen* импликациональный семантический признак *mit dem Auto*, что в описываемой ситуации (пассажир едет на такси и просит водителя ехать быстрее) является вполне естественным. Однако водитель такси вследствие непонимания заполняет информационный потенциал лексического значения опорной лексемы другим импликациональным семантическим признаком *zu Fuß*, решив, что пассажир обращается к нему с просьбой выйти из машины и двигаться вперед пешком.

Как видим, столкновение окказиональных вариантов значения опорной лексемы *die Chance* (сюжет 5) и *vorankommen* (сюжет 6), сформированных в результате приписывания к ее интенциональному ядру разными персонажами разных импликациональных семантических признаков, приводит к созданию в данных сюжетах юмористического эффекта.

В целом ряде языковых бытовых анекдотов формирование окказионального варианта значения опорной лексемы «X» связано с неожиданным усечением из семного состава ее интенционала близких к интенциональному ядру признаков сильного (жесткого) импликационала, воплощаемых в соответствующих семантических признаках, которым соответствуют дифференциальные семы. Так, опорной лексемой в сюжете (7) является имя существительное *Hausbesuch*, эксплицируемое в текстовом полотне сюжета в форме множественного числа *Hausbesuche*: «“Sie haben mir zwei *Hausbesuche* in Rechnung gestellt, Herr Doktor, aber Sie waren doch nur einmal bei mir,” reklamiert der Patient. “Das stimmt so nicht,” erwidert der Doktor, “erinnern Sie sich denn nicht mehr, dass ich noch einmal zurückgekommen bin, weil ich meinen Regenschirm vergessen hatte?”» (7). Семантическую структуру лексемы *Hausbesuch* можно представить в виде следующего набора компонентов: 1) *Besuch*, 2) *den ein Arzt*, 3) *seinem Patienten*, 4) *zu Hause* abstattet, 5) *zum Zweck einer ärztlichen Untersuchung*. Первые четыре компонента составляют содержательное ядро лексического значения опорной лексемы *Hausbesuch* (интенционал), а пятый компонент — семантический признак жесткого импликационала. Из описываемой в приведенном сюжете ситуации ясно, что речь идет о посещении врачом своего пациента на дому. Понятно, что в информационный потенциал лексического значения опорной лексемы *Hausbesuch* входит также такой компонент / импликациональный признак, как *zum Zweck einer ärztlichen Untersuchung*. В сознании пациента актуализируются как ядерные, так и периферийные компоненты значения опорной лексемы *Hausbesuche*. Согласно представлению пациента, врач должен не просто прийти к нему домой, но и осмотреть больного. В сознании же врача актуализируются только ядерные компоненты значения лексемы *Hausbesuche*. Сема жесткого импликационала *zum Zweck einer ärztlichen Untersuchung* нейтрализуется. Посещением пациента на дому врач считает уже сам факт своего прихода без медицинского осмотра. Именно поэтому пациент получил счет за два визита врача, в том числе и за тот визит, когда врач заходил к нему, чтобы забрать свой забытый зонтик.

В сюжете (8) опорной лексемой является моносемичное существительное *Fenster*: «Der Meister weist den Lehrling an: “So, Junge, du streichst jetzt *die Fenster*”. Er lässt ihn allein, kehrt nach Stunden zurück. Da fragt der Junge nach: “Pardon, Chef — hätte ich die Rahmen auch streichen müssen?”» (8). Структура его лексического значения может быть представлена, на наш взгляд, пятью семантическими признаками: 1) проём, 2) в стене, 3) зданий, 4) с рамой, 5) со стеклами. При этом интенционал значения формируется тремя первыми семантическими признаками, а два последних формируют его сильный импликационал, то есть совокупность признаков особенно сильной импликации, с необходимостью и вероятностью имплицуемых из интенционала. При актуализации опорной лексемы *Fenster* в речи мастера семантический признак сильного импликационала *mit Glasscheiben* уходит на задний план, не эксплицируется. Его нейтрализация связана с присутствием в контексте глагола *streichen*, называющего действие нанесения

краски на поверхность, которое — как известно из картины мира — никогда не ассоциируется с оконными стеклами (оконные стекла в зданиях обычно не подлежат закрашиванию). По иным когнитивным ориентирам осуществляется распределение семантических признаков сильного импликационала у второго персонажа. В его интерпретации в значении опорной лексемы *Fenster* существенно приглушается признак *mit Rahmen*, о чем свидетельствует заключительный вопрос ученика мастера: «...*hätte ich die Rahmen auch streichen müssen?*».

Как видим, речевые трансформации значения опорных лексем *Hausbesuche* (сюжет 7) и *Fenster* (сюжет 8) связаны с сужением их интенционалов за счет попеременного усечения из них разными персонажами различных близких к интенциональному ядру признаков сильного импликационала, воплощенных в соответствующих дифференциальных семах. Юмористический эффект возникает в результате столкновения усеченных окказиональных вариантов значения соответствующих опорных лексем.

В отдельных языковых бытовых анекдотах создание юмористического эффекта связано со столкновением узуального значения опорной лексемы «X» с окказиональным вариантом ее значения. Рассмотрим следующий сюжет: «“Herr Doktor, ist das eine seltene Krankheit, die ich habe?” “Blödsinn, die Friedhöfe sind voll davon!”» (9). В нем в высказывании первого персонажа, пациента, в актуализированной опорной лексеме *selten* импликационал ее значения дополняется потенциальным имплицитным семантическим признаком *unheilbar*, важность которого порождена переживаниями пациента по поводу своего здоровья. Высказывание второго персонажа «*die Friedhöfe sind voll davon*», констатирующее факт многочисленных смертных случаев от обсуждаемой болезни, подсказывает, что врач декодирует содержание опорной лексемы *selten* исключительно через лексико-семантический вариант ее значения *in kleiner Zahl vorkommen, vorhanden, nicht häufig [vorkommend]*. При этом реализуемое в анекдоте значение опорной лексемы *selten*, конституируемое вторым персонажем, соответствует узуальному значению интенционала. Юмористический эффект в сюжете (9) создает столкновение окказионального варианта значения опорной лексемы (интенционал + имплицитный семантический признак) и узуального значения опорной лексемы (интенционал).

В следующем сюжете опорной лексемой является моносемантическое существительное *der Christbaum*: «Vater: “Fritzchen, zünde doch bitte *den Christbaum* an!” Nach einer Weile fragt Fritzchen: “Vati, die Kerzen auch?”» (10). Его лексическое значение может быть структурировано следующим образом: *Baum*; *Tannenbaum*; *Tannenbaum mit Weihnachtsschmuck aus Kerzen*; *Tannenbaum mit Weihnachtsschmuck aus Spielzeugen*. Интенционал значения опорной лексемы *der Christbaum* формируется двумя первыми семами. Последние две семы формируют его жесткий / сильный импликационал. При актуализации опорной лексемы *der Christbaum* в речи отца на первый план выступает сема жесткого импликационала *Weihnachtsschmuck aus Kerzen*. Ее актуализация связана с присутствием в предтексте глагола *anzünden*, который, как правило, ассоциируется с зажиганием спичек, сигарет, свечей и тому подобных вещей. Личные когнитивные ассоциации навязывают второму участнику коммуникативного процесса абсолютно иное перераспределение сем в пределах интенционала и сильного / жесткого импликационала при декодировании значения лексемы *der Christbaum*. На первый план им выдвигается сема интен-

сионала Tannenbaum, в то время как признак *Weihnachtsschmuck aus Kerzen* существенно приглушается и остается вне поля зрения. Об этом свидетельствует заключительный вопрос «*Vati, die Kerzen auch?*». Речевые семантические трансформации значения опорной лексемы *der Christbaum* в данном сюжете связаны с попеременным акцентированием в ней то ведущего признака интенционала Tannenbaum, то одной из дифференциальных сем жесткого импликационала *Weihnachtsschmuck aus Kerzen*. Юмористический эффект в сюжете (10) достигается за счет столкновения окказионального варианта опорной лексемы (интенционал — дифференциальная сема жесткого импликационала) и узуального значения опорной лексемы (интенционал).

Итак, семантический механизм создания юмористического эффекта в немецком языковом бытовом анекдоте сводится к столкновению примарного и секундарного значений опорной лексемы «X». Столкновение примарного и секундарного значений опорной лексемы может проходить в формате столкновения двух окказиональных вариантов значения опорной лексемы «X». При этом наблюдаются: а) расширение свободного импликационала актуального значения опорной лексемы различными потенциальными имплицитными семантическими признаками и б) усечение из свободного импликационала различных дифференциальных сем, относящихся к области сильного импликационала опорной лексемы. Если столкновение примарного и секундарного значений опорной лексемы проходит в формате столкновения ее узуального значения с окказиональным вариантом значения, то окказиональный вариант значения опорной лексемы может быть сформирован либо расширением ее свободного импликационала потенциальным имплицитным семантическим признаком, либо усечением из него дифференциальной семы, относящейся к области сильного импликационала.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Поэтика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
2. *Бергсон А.* Смех. М. : Искусство, 1992. 127 с.
3. *Девкин В. Д.* Занимательная лексикология: *Worthumor = Язык и юмор* : пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа. М. : ВЛАДОС, 1998. 311 с.
4. *Логина Т. А.* Логико-семантические основы юмора американского анекдота : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 24 с.
5. *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения. М. : Высш. шк., 1988. 165 с.
6. *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М. : Лабиринт, 1999. 288 с.
7. *Цицерон*. Три трактата об ораторском искусстве. М. : Падомир, 1994. 475 с.
8. *Macha J.* Sprache und Witz. Die komische Kraft der Wörter. Bonn : Bümmler, 1992. 125 S.
9. *Marfurt B.* Textsorte Witz : Möglichkeiten einer sprachwissenschaftlichen Textsorten-Bestimmung. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1977. 178 S.

М. В. Лутцева

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ *LONGMAN EXAMS DICTIONARY*)

Учебная лексикография является одним из самых динамично развивающихся разделов общей лексикографии, что объясняется прежде всего расширением межкультурных контактов и возрастанием интереса к изучению иностранных языков. С течением времени она впитала в себя лучшие черты различных групп словарей — писательских (цитаты из произведений писателей, а позже — из других письменных и устных источников), синонимов (синонимические толкования), словарей современного словоупотребления (грамматические пометы и грамматические очерки) [3, с. 98].

Особенностью учебной лексикографии как научной дисциплины является, с одной стороны, учет принципов теории лексикографии, отражающей в словарях языковую реальность, и, с другой стороны, учет теории обучения как науки, отвечающей на вопросы «как и чему обучать?» [4, с. 62]. Учебный словарь призван одновременно выполнять учебную, систематизирующую, справочную и нормативную функции.

Основная отличительная черта этого раздела лексикографии, по сравнению с другими направлениями, состоит в ее антропоцентрическом характере, т. е. в обязательной и прямой направленности на удовлетворение потребностей конкретных категорий пользователей [1].

Для определения данных потребностей отечественными и зарубежными лексикографами [2, 3, 5] применяется практика исследования перспективы пользователя, позволяющая составить адекватное представление о требованиях пользователя к справочнику и избежать субъективизма при составлении лексикографического труда. Целями лексикографов являются выявление категорий лингвистической информации, воспринимаемой отдельными группами пользователей; исследование особенностей самих пользователей; рассмотрение видов лингвистической деятельности, вызывающих необходимость работы со словарем; изучение уровня владения навыками пользования словарями.

В результате подобных исследований на рынке лексикографической продукции появляются различные типы словарей. Так, для детей словари создаются в форме толкового словаря или тезауруса (словарей антонимов и синонимов), кроме того, в комбинированной лексикографической форме, сочетающей элементы толкового словаря и тезауруса (например, *Collins School Dictionary, New School Thesaurus* [7, 10]). Наряду со школьными словарями издаются справочники для изучающих иностранные языки: немецкий, французский. Данные словари становятся особенно востребованными у пользователей, поскольку включают элементы упражнений (например, *Collins Easy Learning French Conversation* [6]).

В связи с повышением интереса к изучению иностранных языков, авторы учебных словарей стали в качестве приложений выпускать грамматики. Одним из таких приложений является *Collins COBUILD Elementary Grammar*

(2006), предназначенная для начального уровня изучения английского языка и представляющая базовый грамматический материал на материале 120 тем уроков. Каждая тема располагается на двух страницах: слева — грамматический материал, а справа — упражнения, направленные на его усвоение.

Для удовлетворения потребностей пользователя многие издательства стали выпускать общие и специальные учебные словари. Первые адресованы главным образом студентам-иностранцам и относятся к профильному уровню обучения. Они направлены на описание всех слоев лексики (например, *Longman Dictionary of Contemporary English* [8]). Главной задачей словарей для специальных целей является обучение пользователей определенным слоям лексики: коллокациям, терминам, фразовым глаголам и т. д. (например, *Oxford Business English Dictionary for Learners of English* [11]).

Для того чтобы проследить основные тенденции в составлении учебных словарей нового поколения, остановимся на словаре *Longman Exams Dictionary* [9]. Данный лексикографический труд относится к специальным справочникам нового поколения, поскольку основная задача составителей заключалась в создании оптимального словаря, при обращении к которому пользователь мог бы подготовиться к экзаменам на знание английского языка как иностранного (IELTS — International English Language Testing System, TOEIC — Test of English for International Communication, TOEFL — Test of English as a Foreign Language, CAE — Certificate in Advanced English).

Словарь имеет традиционную структуру и состоит из вводной части, словника и приложения. Принимая во внимание нежелание пользователей читать длинную вводную часть «Как пользоваться словарем», составители наглядно представили необходимую информацию в виде схем с подробным описанием в сноске значения каждой пометы.

Словник рассматриваемого справочника состоит из 212 000 входных единиц, содержащих слова и устойчивые выражения, относящиеся как общелитературному языку, так и специальным отраслям знаний (экономике, медицине, науке и технике, компьютерным наукам и т. д.). Примеры, иллюстрирующие контекст употребления входных единиц (160 000), взяты из *British National Corpus* — одного из самых авторитетных источников примеров, существующих на данный момент.

Словарная статья содержит все необходимые пользователю информационные категории: частоту употребления слова в устной и письменной речи, транскрипцию (британский и американский варианты произношения), частотную характеристику, толкование, примеры употребления входной единицы, стилистическую помету, синонимы. Если входная единица имеет несколько значений, последние приводятся под цифрами, от самого распространенного к наименее распространенному.

learn S1 W1 /lɜ:n \$ lɜ:rn/ v *past tense and past participle learned or learnt* /lɜ:nt \$ lɜ:rnt/ *especially BrE*

1 subject/skill [I, T] to gain knowledge of a subject or skill, by experience, by studying it, or by being taught → **TEACH:** *What's the best way to learn a language? learn (how) to do sth I learnt to drive when I was 17. learn (sth) from smb I learnt a lot from my father...*

2 find out [I, T] *formal* to find out the information or news by hearing it from someone else or reading it **SYN discover** *I didn't tell her the truth. She would learn it for herself soon enough* [9, p. 865].

Заглавное слово выделено жирным шрифтом, чтобы сконцентрировать внимание читателя на конкретном элементе; толкование дается обычным шрифтом, а примеры, иллюстрирующие контекст употребления из *British National Corpus*, — курсивом. Такое оформление микроструктуры помогает пользователям четко разграничивать необходимые информационные категории в словарной статье.

Транскрипция в исследуемом справочнике приводится с использованием символов Международного фонетического алфавита, причем авторы словаря приводят британский и американский варианты произношения слова. Приведение составителями частотной характеристики слова S1 и W1 помогает пользователю определить, насколько данное слово распространено в языке (S — в устной и W — в письменной речи).

Грамматическая характеристика слова позволяет правильно использовать входные единицы в речи, поскольку составители словаря приводят информацию о том, является ли слово исчисляемым [C] либо неисчисляемым [U], если это существительное. В том случае, когда входная единица представлена глаголом, авторы указывают его переходность: [T] — переходный, [I] — непереходный. Если глагол неправильный, приводятся формы прошедшего времени и перфекта.

К несомненным преимуществам анализируемого справочника относятся введение авторами такого раздела, как **STUDY NOTE**, который, в свою очередь, подразделяется на **Common Error**, где отмечаются наиболее распространенные ошибки употребления рассматриваемой входной единицы; **Thesaurus**, где приводятся синонимы и их значение; и **World Families**, в котором даются слова, принадлежащие к одному словарному гнезду. На странице данный раздел выделен синим фоном, что позволяет пользователю быстро найти необходимую информацию.

STUDY NOTE Common Error

~~learn sb sth/ how to do sth~~

teach sb sth/ how to do sth *He taught himself how to play the guitar.*

STUDY NOTE Thesaurus

study to spend time going to classes, reading etc to learn about a subject

pick sth up to learn sth without much effort, by watching or listening to other people

get the hang of sth *informal* to learn how to do something, especially by practicing it

Удачной находкой в полиграфическом отношении является использование рисунков к некоторым словарным статьям рассматриваемого словаря.

В качестве приложения *Longman Exams Dictionary* имеет несколько разделов, особенно важных для подготовки к экзаменам: *Writing Guide*, *Topic Activator* и *Essay Activator*. В блоках *Writing Guide* и *Essay Activator* пользователь может получить исчерпывающую информацию о том, как правильно написать деловое и личное письмо, подготовить доклад, составить план, поделить сочинение на абзацы, начать и завершить его. Составители также приводят фразы, которые следует использовать, чтобы выразить согласие или несогласие, начать и завершить сочинение и эссе. Далее приводятся задания на отработку и усвоение полученных знаний.

Topic Activator содержит ключевые слова, которые могут быть использованы при написании рассказа или эссе на определенную тему: *Environment*,

Art and the Culture, Media, Health Care and Medicine, Law the Legal System, Computers and the Internet, Government and Politics и т. д.

В конце словаря приводится еще ряд разделов приложения: *Exam Workbook, Academic Word List, Longman Defining Vocabulary, Irregular Verbs* и *Word Formation*. В блоке *Exam Workbook* составители дают советы по процедуре выполнения экзаменационных заданий, далее приводится пробный тест, на проверку усвоенного материала. В справочник включены ответы на тест, при помощи которых пользователь может оценить свое знание английского и готовность к экзамену. В разделе *Academic Word List* пользователь может найти 570 словарных гнезд, наиболее используемых в учебных текстах по искусству, коммерции, юриспруденции и науке. Например, *evident, evidential, evidently*. Каждое слово снабжено грамматической пометой. Раздел *Word Formation* содержит основные префиксы и суффиксы, используемые в английском языке для словообразования. Данная информация представлена компактно с использованием большого количества примеров, что позволяет пользователю легко усвоить изложенный материал.

Как многие современные словари английского языка, *Longman Exams Dictionary* представлен и на диске. Однако, в отличие от других лексикографических трудов, на диске не только приведена информация о правильном произношении слова, его толкование и примеры, составители также включили информацию, необходимую для успешной сдачи экзаменов (IELTS, TOEIC, TOEFL, CAE, General Exam). Несомненными преимуществами диска являются простота и удобство использования. Вся информация представлена в виде нескольких разделов: *IELTS, TOEIC, TOEFL, CAE, FCE, General Exam Practice, Grammar Handbook, Writing Handbook, Dictionaries*. В свою очередь, каждый раздел состоит из блоков. Например, в *TOEFL* представлены рубрики *Guide, Reading, Listening, Writing*. В блоке *Guide* приведена общая информация об экзамене, его составляющих и требованиях, предъявляемых к испытуемому. *Reading* содержит задания на чтение и понимание текстов, *Listening* — небольшие звуковые отрывки и упражнения к ним. В подразделе *Writing* приведены упражнения на написание разных видов сочинений. Следует отметить, что к каждому заданию даются ответы. Таким образом, после выполнения пользователь может сам проверить свои познания в языке и готовность к экзамену.

Большим преимуществом CD-приложения словаря языка *Longman Exams Dictionary*, по сравнению с другими лексикографическими изданиями, является включение такого раздела, как *Grammar Handbook*. Он состоит из двух блоков: *Grammar Guide* (где пользователь может изучить необходимые грамматические правила) и *Exercises* (где может систематизировать и закрепить полученные знания). Как и в предыдущих разделах, упражнения содержат ключи. Если пользователь неверно выполнил задание, то по сноске он может перейти к грамматическому правилу, в котором сделал ошибку.

Раздел *Writing Handbook* также состоит из нескольких блоков (*Writing Guide, Topic Activator, Essay Activator, Topic Exercises* и *Exercises*), где пользователь может получить исчерпывающую информацию по интересующему вопросу и закрепить полученные знания, выполнив ряд упражнений.

Таким образом, *Longman Exams Dictionary* сочетает в себе все последние тенденции учебной лексикографии: 1) интеграцию лексикографической формы (сочетание словаря и тезауруса); 2) введение компакт-диска; 3) дополнение словаря справочниками по грамматике и письму с упражнениями на активизацию материала.

Анализ современных учебных словарей английского языка позволяет прийти к выводу, что в настоящее время данные лексикографические труды становятся не просто руководствами по верному произношению и употреблению слова, а комплексными справочниками, включающими всю необходимую для пользователя информацию.

Библиографический список

1. Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. 190 с.
2. Карпова О. М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. 192 с.
3. Карпова О. М. Английская лексикография. М. : Академия, 2008. 176 с.
4. Лаздинь Т. А. О проекте учебного терминологического словаря прав человека // Слово и словарь / отв. ред. Л. В. Рычкова. Гродно, 2007. С. 62—64.
5. Atkins B. T., Varantola K. Monitoring Dictionary Use // *Lexicographica Series Major*. 1998. Vol. 88. P. 1—45.
6. Collins Easy Learning French. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2006. 320 p.
7. Collins School Dictionary. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2006. 1108 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. L. : Cambridge University Press, 2006. 1950 p.
9. Longman Exams Dictionary. L. : Cambridge University Press, 2007. 1833 p.
10. New School Thesaurus. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2003. 688 p.
11. Oxford Business English Dictionary for Learners of English. Oxford : OUP Oxford, 2004. 616 p.

ББК 81.04

С. А. Маник

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

На фоне происходящих в последнее время событий в мире общественно-политическая жизнь приобретает довольно динамичный, противоречивый, острый, социально окрашенный и тревожный характер, глобальный масштаб. Язык, как отражение этой реальности, также характеризуется специфическими чертами [7].

Например, в современном американском варианте английского языка все чаще звучат словосочетания *drug crisis, education crisis, environment crisis, financial crisis, war on poverty, war on crime* вместо привычных словосочетаний *fight with poverty, fight with crime, education problems, environment problems, drug problems, financial problems*. Следовательно, концепт *fight* заменен концептом *war*, а концепт *problem(s)* — *crisis*. Чем же это обусловлено и какой смысл несет в себе данная замена?

На первый взгляд, можно высказать предположение, что слова *war* и *crisis* звучат гораздо весомее, острее и тревожнее, нежели *fight* и *problem*, и требуют незамедлительной реакции. Это определенного рода завуалирован-

ный призыв к срочному действию, используемый общественными деятелями и обращенный к общественности. Это также отражает то напряжение, которое царит сейчас в обществе.

С другой стороны, представляется возможным проанализировать разницу / сходство лексических значений рассматриваемых слов. Современные лексикографические справочники предлагают следующие лексические значения (для удобства и наглядности в таблице приведены только основные значения, относящиеся к проблематике) [2—5, 8—18].

Слово	Исходный язык	Переводимый язык
Fight	<i>Contend with or against in any manner</i> <i>Struggle, action involving effort</i>	<i>Бороться, вступать в противоборство; сопротивляться любым способом</i> <i>Борьба, действие с усилием</i>
Борьба	<i>Сражаться или состязаться, стремясь победить; стремиться уничтожить, искоренить</i>	<i>Fight or contend striving to win; strive to destroy, extirpate</i>
War	<i>(An) armed struggle, especially between nations</i>	<i>Вооруженная борьба, главным образом между народами</i>
Война	<i>Вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства; борьба, враждебные отношения с кем-либо / чем-либо</i>	<i>(An) armed struggle between states or nations, between classes inside the state; struggle, hostile relationship with someone / something</i>
Problem	<i>A difficulty; a matter about which it is difficult to decide what to do; a question to be answered or solved</i>	<i>Трудность; вопрос, относительно которого сложно решить, что делать; вопрос, на который нужно ответить или который нужно решить</i>
Проблема	<i>Сложный вопрос, задача, требующие разрешения, исследования; о чем-нибудь трудно разрешимом, осуществимом</i>	<i>Difficult question, task requiring solution, research; about something hard to solve, realize</i>
Crisis	<i>A deciding moment or turning-point (especially of an illness); a time of great danger or difficulty</i>	<i>Решающий момент или перелом (особенно в болезни); время большой опасности или затруднения</i>
Кризис	<i>Резкий, крутой перелом в чем-то; обусловленное противоречиями в развитии общества расстройство экономической жизни; затруднительное, тяжелое положение</i>	<i>Abrupt, sudden turning point in something; economic life disorder caused by contradictions in the society development; difficult, hard situation</i>

Таким образом, можно сделать следующий вывод:

— ключевое значение в английском слове *fight* — борьба, противоборство, действие с усилием, а в русском слове *борьба* основными являются победа и уничтожение противника;

— слова *war* и *война* близки по содержанию, так как несут идею вооруженной борьбы, но именно в русской лексической единице значение расширено до *борьбы и враждебных отношений с кем-либо или чем-либо*;

— значения слов *problem* — *проблема*, *crisis* — *кризис*, на наш взгляд, относительно близки, сложно выделить различные смысловые оттенки; вместе с тем только внутри русского толкования слова *кризис* выделены экономическая специфика значения и его социальная обусловленность.

Очевидно, выбор употребления лексической единицы также обусловлен общественно-политическим курсом страны, стратегией освещения событий в СМИ, мировоззрением граждан и набором средств для достижения поставленных целей. Возможно, именно поэтому в русском языке используются выражения *борьба с коррупцией*, *борьба с наркоманией*, *бороться с бедностью и безработицей*, *борьба с преступностью* и т. п., а в английском — *war on corruption*, *war on drugs*, *war on poverty and unemployment*, *war on crime*, подчеркивая острый и критический характер явления. На наш взгляд, эту информацию необходимо регистрировать в переводном словаре рядом с переводным эквивалентом.

В начале XXI века все мировое сообщество лихорадит от финансового кризиса (*financial crisis*, *global economic meltdown*, *steadily deteriorating economic situation*), способы и пути выхода из которого обсуждают видные экономисты и политики, называемые с уважением *powerbrokers* (*влиятельные политические лица*, *политические воротилы*) и *opinion formers* (*лица, формирующие общественное мнение*), бизнесмены и простые граждане-непрофессионалы. Многие возлагают большие надежды на план действий по спасению Америки и, возможно, всего мира нового избранного Президента (*president elect*) США Б. Абама: *\$ 825 billion economic stimulus plan*, *Obama's plan*, *the American Recovery and Reinvestment Act*, *stimulus plan*, *stimulus package*, *final economic recovery package*, *financial rescue package*. Именно эти мероприятия должны помочь *tackle the crisis* и *jumpstart the economy*.

Таким образом, с мировым финансовым кризисом связан целый пласт лексики общественно-политической жизни, сложный для понимания, особенно для изучающих язык как иностранный, во-первых, в силу своей экономической направленности, а также из-за культурологической разницы. Каким же должен быть перевод заглавных слов в англо-русском словаре ОПЛ?

Как известно, ранее сущностью перевода считали необходимость найти полноценный адекватный эквивалент лексической единицы исходного языка (ИЯ) в переводящем языке (ПЯ). Проблеме «полноценности», «адекватности» и «эквивалентности» посвящено довольно много работ в отечественной и зарубежной лингвистике. Однако эти термины стали настолько многозначными, как справедливо отмечает М. В. Вербицкая, что фактически перестали быть терминами и не являются равно применимыми к разным типам текста [1, с. 159]. «Максимальная близость» перевода к подлиннику — некий миф. Идея неизбежной и закономерной вариативности перевода, которая определяется ресурсами ИЯ и ПЯ и, следовательно, соответствующими им картинами мира, творческой индивидуальностью переводчика, потребностями целевой аудитории и условиями принимающей культуры, все сильнее звучит в современных работах по теории перевода.

На смену «полноценности», «адекватности» и «эквивалентности» пришло понятие, введенное В. Н. Комиссаровым, — «репрезентативный перевод» (см.: [там же]). Под «репрезентативностью» понимается способность перевода представлять, замещать собой оригинал в языке и культуре перевода. Преимущества этого термина состоят в том, что:

— он не вводит в заблуждение относительно возможного тождества (равенства) оригинала и перевода;

— имплицитно вносит культурно-прагматический компонент;

— заставляет искать не формальное тождество, а функциональное замещение и подчеркивает главный тезис: осуществляется переход не только с одного языка на другой язык, но и из одной культуры — в другую [1, с. 162].

Следовательно, в переводной словарь важно включать культурно-прагматический компонент.

Во-первых, значение(я), которое несет в себе слово, культурно обусловлено, и в большинстве случаев его можно понять только через контекст употребления. Именно поэтому, на наш взгляд, в переводном словаре необходимы примеры употребления заглавного слова. В словарной статье *to jumpstart the economy* (*запустить экономику*) важно зарегистрировать иллюстративный отрывок, отражающий и поясняющий контекст его использования, поскольку в противном случае предлагаемый перевод будет скорее всего непонятен или неверно употреблен:

Obama said his plan will immediately help jumpstart the economy by doubling the production of alternative energy within three years, improving the efficiency of federal buildings and homes, computerizing medical records, equipping schools with 21st century classrooms, expanding broadband across the country, and investing in science and new technologies (CNN news).

Более того, целесообразным будет указать информацию о том, что речь идет об оживлении, возрождении, придании нового витка в развитии экономики в кризисном, переломном этапе. В этом случае толкование будет выглядеть следующим образом:

to jumpstart the economy — запустить экономику (*в разгар экономического кризиса или в ходе экономических реформ в качестве оживления и возрождения здорового экономического климата в стране*).

Далее регистрируется иллюстративный пример (см. выше).

Основную дополнительную культурно-прагматическую информацию, которая способствует / составляет репрезентативный перевод, на наш взгляд, логично разместить в специальной культурологической справке. Например, в словарную статью *president-elect* — *избранный президент* возможно включить следующие данные.

Человек, избранный президентом, но официально не вступивший в должность, не давший присягу. В США так называют победителя президентских выборов в переходный период между победой на ноябрьских выборах и официальной инаугурацией 20 января.

В связи с семантическими, социокультурными и грамматическими различиями между ИЯ и ПЯ при переводе неизбежна потеря или добавление информации. Как правило, переводчик добавляет следующую информацию, отсутствующую в ИЯ:

— культурологическую (в связи с разницей культур ИЯ и ПЯ) — см. выше;

— техническую (связанную с темой);

— лингвистическую (объясняющую непредсказуемое употребление слова).

В переводном словаре у лексикографов есть различные варианты подобных дополнений: переводной эквивалент с различного рода комментариями и дополнениями, дескриптивное описание значения, различные лексико-

графические пометы (грамматические, стилистические, культурологические, этимологические) и иллюстративные примеры.

Например, различные синонимические высказывания и словосочетания, которые также встречаются в СМИ для описания данного явления / реалии, безусловно, значимы для пользователя [8]. Во-первых, они расширяют значение заглавного слова. Во-вторых, иллюстрируют контекст и сферу его употребления. В-третьих, они имеют, в некоторой степени, учебную направленность, поскольку предлагают более разнообразные лингвистические возможности, увеличивают вокабуляр пользователя. Так, в словарной статье *financial crisis* возможно добавить следующие словосочетания (с отсылочными пометами на эти слова): *global economic meltdown, steadily deteriorating economic situation*. В словарную статью *Obama's plan* предлагаем включить следующие словосочетания: *\$ 825 billion economic stimulus plan, the American Recovery and Reinvestment Act, stimulus plan, stimulus package, final economic recovery package, financial rescue package*.

Таким образом, современная лексикография предлагает довольно широкий спектр инструментов для перевода с одного языка на другой. Сейчас пользователю недостаточно прочесть одно- или многословный переводной эквивалент. Для успешного замещения / перевода необходимы лингвистические и культурно-прагматические данные.

Дальнейшая работа над составлением переводного словаря ОПЛ ведется, в корпус включаются новые слова и словосочетания, отражающие происходящие события современности.

Библиографический список

1. *Вербицкая М. В.* Новые подходы к оценке качества перевода // Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь юбилея засл. проф. МГУ им. М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой. М. : Гнозис, 2008. С. 159—162.
2. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М. : Дрофа : Рус. яз., 2000. 1233 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. URL: <http://ak.ak22.net/dict/> (дата обращения: 01.10.2010).
4. Словopedia. URL: <http://www.slovoopedia.com/> (дата обращения: 01.10.2010).
5. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov> (дата обращения: 01.10.2010).
6. American Heritage Dictionary of the English Language. 4th ed. URL: <http://www.bartleby.com/61/> (дата обращения: 03.10.2010).
7. *Anderson R. D., Jr.* Metaphors of Dictatorship and Democracy : Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm> (дата обращения 09.09.2010).
8. *Badran D.* Modality and Ideology in Translated Political Texts // Nottingham Linguistic Circular. 2001. Vol. 16. P. 47—61.
9. CD Random House Webster's Unabridged Dictionary Version 3.0 and 2.2. 2005.
10. Merriam-Webster on Line. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.10.2010).
11. Political Texts: Definition, Characteristics and Translation. URL: <http://web.udl.es/usuaris/k4370250/files/political.pdf> (дата обращения: 22.09.2010).
12. Thesaurus. URL: www.answer.com/thesaurus (дата обращения: 01.10.2010).
13. URL: www.dictionary.com (дата обращения: 01.10.2010).
14. URL: www.hyperdictionary.com (дата обращения: 01.10.2010).
15. URL: www.yourdictionary.com (дата обращения: 01.10.2010).

16. URL: www.wordnet.com (дата обращения: 01.10.2010).
17. US Military Dictionary. URL: <http://www.answers.com/library/US+Military+Dictionary-letter-1A> (дата обращения: 01.10.2010).
18. Wiktionary, a Free Dictionary. URL: http://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (дата обращения: 01.10.2010).

ББК 81.033

А. А. Хуснутдинов, А. А. Хуснутдинова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЛЕКСИКОНЕ РЯДОВОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Своеобразие фразеологического лексикона личности, его состав, понятийный объем, стилистический спектр, а также степень активности отдельных фразеологических единиц определяются конкретными условиями речевого общения, которые в значительной степени обусловлены социальным положением человека, принадлежностью его к определенной социальной группе, его местом и ролью в ней.

Лексикон носителя языка привлек внимание исследователей достаточно давно, и уже существует значительное число научных работ (статей, монографий, диссертаций, словарей), посвященных описанию лексики и фразеологии того или иного писателя или его произведения, его диалекта и идиостиля. В лексикографии словари, в которых описывается лексикон носителя языка, составляют особую, причем весьма перспективную и бурно развивающуюся отрасль, обозначаемую обычно как «писательская» или «авторская» лексикография [17]. К писательским словарям относятся разные по форме, содержанию и назначению словари — энциклопедические и лингвистические, справочные и учебные, традиционные и электронные и т. д. Это и словари отдельных произведений, в которых описывается словарный состав избранного текста (см., например, «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» [10]), словари ряда текстов, объединенных каким-либо признаком (см., например, «Словарь к пьесам А. Н. Островского» [1], лингвокультурологический словарь к произведениям С. Т. Аксакова [6]), словари языка писателя (см., например, «Словарь языка Пушкина» [12], «Словарь языка А. С. Грибоедова» [11]), словари, в которых описывается какая-либо часть лексикона языковой личности (см., например, «Фразеологический словарь языка В. И. Ленина» [2]), и, наконец, различные энциклопедии, которые представляют собой комплексы разнообразных, но связанных между собой и дополняющих друг друга словарных материалов и иных информационных блоков (например, создаваемые сейчас энциклопедические комплексы М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, М. В. Ломоносова и др.). К такого рода словарям примыкают лексикографические издания, ориентированные на описание функционирования языковых единиц в речи, которые создаются на основе текстов ряда авторов (например, словари языка поэзии, словари афо-

© Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А., 2011

ризмов, крылатых слов [3, 8, 16 и др.], а также словари типа «Фразеологизмы в русской речи» А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [7], «Жизнь русской фразеологии в художественной речи» [5] и др.).

Отличительной особенностью этих словарей является то, что в их основе лежат тексты, принадлежащие известным мастерам и художникам слова, выдающимся деятелям и т. д. Описанию особенностей речи рядовых носителей языка и в лингвистике в целом, и в лексикографии уделяется значительно меньше внимания, хотя, справедливости ради, следует отметить, что в последние годы к языку такой личности проявляется все больший интерес [9, 13 и др.]. Цель настоящей статьи — очертить некоторые особенности и возможности научного описания фразеологического лексикона рядового носителя языка, а именно состава и употребления фразеологических единиц в речи коренного жителя с. Болотново Родниковского района Ивановской области¹.

Своеобразие речи информанта определяется, с одной стороны, наличием у него высшего образования и владением литературными нормами (в том числе и стилистическими), с другой — постоянным общением в условиях только одной языковой среды, обусловившим сохранение в его языке типичных черт устной речи данного региона, являющихся в то же время отступлением от литературной нормы. Среди них можно отметить наличие неполного оканья (*Ты уж походи с робёнком.*), редукции звуков (*Я ничё не знаю.*), диалектных и просторечных форм *храмлет, кашлит, сижя; иха, у их* и т. п. (ср. также: *Санька, дай нож дедушке. Жена у него как яблоч садовый. Не наелись бы <кабаны> удобрениев.*), употребление беспредложных конструкций (*Это ты спроси супруги. Это ведь курам смех.*) использование диалектных и просторечных слов (*чеморный* — ‘привередливый, разборчивый (в еде)’, *зுவя* — ‘тенистое место, где ничего не растёт’, *рустом (течь)* — ‘обильным потоком’, *накозыриться* — ‘надуться, рассердиться’, *бельмы* — ‘глаза’, *пошто* — ‘для чего, зачем’) и общеупотребительных слов в диалектном значении (*робкий* — ‘нежный, который легко повредить, болезненный’, ср.: *Осторожно, по глазу попадешь: глаз-то робкий ведь; душистый* — ‘дурно пахнущий, вонючий’, ср.: *Туалет почи-стишь — весь душистый будешь, надо баню сейчас затопить, чтобы готова была. На двор не ходи, там душисто, Арсений сейчас навоз выкидал.*) и др.

Основная часть языкового материала собрана путем непосредственной фиксации (записи) устной речи информанта в различных (официальных и неофициальных) ситуациях в процессе его общения с родными и близкими, односельчанами и городскими жителями, знакомыми и незнакомцами, колле-

¹ Приведем некоторые сведения из биографии информанта, представляющие интерес в свете обсуждаемой проблемы. Золин Наполеон Семенович, родился 23 февраля 1930 года в семье колхозника. Отец — колхозный ветеринар, мать — колхозница. В 1947 году окончил школу ветеринарных фельдшеров в г. Шуя Ивановской области. С 1947 по 1950 год работал ветеринарным фельдшером в колхозе «Искра» (Родниковский район). С 1950 года по 1954 год служил в группе советских войск в Германии. В 1957 году окончил Юрьевецкий зооветеринарный техникум, в 1968 году — Московскую ветеринарную академию (заочно). С 1957 года по 2007 год работал заведующим Болотновской ветеринарной лечебницей. Вел активную общественную работу, избирался депутатом сельского совета, был председателем совета ветеранов. За активную общественную работу неоднократно награждался почетными грамотами районной и областной администрации. Имеет правительственные награды и почетное звание «Заслуженный ветеринарный врач Российской Федерации». Страстный охотник, рыбовод, грибник и ягодник.

гами и сослуживцами, начальниками и подчиненными, мужчинами и женщинами, старшими и младшими по возрасту и т. д. В качестве материала использованы также тексты заметок, очерков, статей научного и научно-популярного характера, опубликованные информантом в районной газете «Родниковский рабочий» и журнале «Ветеринария». Всего к настоящему времени зафиксировано около 600 идиоматических выражений (более 1500 фразеологических употреблений).

В лексикон информанта включены и фразеологические единицы, которые использованы им со ссылкой на другое лицо или в чужой речи: «Я говорю ему: “Вот аккумулятор надо на машину ставить, в Иваново ехать за мукой, муки нету”. А Алексеев мне: “Ну, это **мышья возня**”»; «И разговаривать не стал, говорит, у меня своих дел **выше крыши**»; «А ватрушки у тебя сегодня удачные! Вон и ребята говорят: “**Язык проглотишь**”»; «Бредов тогда сказал: “Я всё **приму на себя**, только вы делайте”»; «Бывало, дедушка говорил про таких: **променял кукушку на ястреба**». Большая часть таких единиц встречается и в собственной речи информанта, ср.: «Лесной капитан первым **принял на себя** кинжальный удар весеннего вихря» (Волшебница²); «Арсений, **принимай** командование **на себя**. Помидоры и перцы по твоей части. Тебе и карты в руки»; «У бабушки нашей щи — **язык проглотишь**, а особенно когда с чесноком!».

Фразеологический лексикон информанта достаточно разнообразен, его диапазон охватывает практически весь спектр — от высокой литературно-книжной фразеологии до фразеологии грубо-просторечной, вбирает в себя также фразеологию областную (территориально ограниченную) и жаргонную. Зафиксировано также несколько обценных выражений и фразеологизмов-эвфемизмов.

Основу фразеологии информанта составляют фразеологизмы литературного языка, большая часть ее относится к литературно-разговорной фразеологии (**идти навстречу, в адрес, выходить из строя, находить общий язык, упускать из вида, иметь зуб, ни на йоту, с молотка, до морковкинго заговенья, не за горами, на ять** и др.), хотя используется и некоторое число книжных выражений (**притча во языцех, сидеть на пище святого Антония, под эгидой** и т. п.). Фразеологические единицы литературного языка широко используются и в устной речи, и в письменных текстах: «Успех не приходит сам по себе. Он достается большим трудом» (Работают на совесть); «Урожай были низкие, еле-еле **концы с концами сводили**» (Жить подругому не может); «По привычке **чуть свет** поднялся и отправился подавать заявление об уходе своему начальству» (Лесник); «Времена, когда мы позволяли себе что-то прикинуть и сделать **на глазок** в работе, прошли» (На своем месте); «Не могут **стоять в стороне** от наших забот работники других служб колхозов и совхозов» (Лучше использовать корма); «Сначала свинарки опасались, что соседняя мать может задавить или съесть поросят, но боязнь оказалась напрасной. Материнский инстинкт **взял верх**» (Эффективный способ увеличения производства свинины); «Превратить все неудобные земли, “бросовые”, как их называют, в пастбища — задача **номер один**» (Готовясь к пастбищному периоду); «Сегодня задача **номер один** — выдергать морковь! Свалим в гараж, а я сам потом разберу»; «У Нинухи

² Здесь и далее в иллюстративном материале в скобках даны заголовки опубликованных информантом газетных статей.

ума ни на йоту нет»; «Это всё Лидка. Она на меня **зуб имеет** из-за коровы той»; «Ты ему помоги, а то он просидит с этим луком **до морковкиного заговенья**»; «Давай кончат. Если понравится сено, можно еще приехать. Тут **не за горами**, приедем за любое время»; «Эти доски мы отпилим, и все будет **на ять**»; «Вот ведь, **вылетело из головы**, как по латыни тройничный нерв называется!»; «Сколько денег за какатик <мотоблок> заплатили, а он завтра **выйдет из строя**»; «А нам Дмитрий звонил. Они с Алей **на днях** приедут к нам, только ночевать не останутся»; «"Жигули" бы продать, да кто купит, если машина **на ладан дышит**»; «Давай мы с тобой сегодня выпьем **по капельке**. Новый телевизор надо обмыть, а то казать не будет»; «Ведь он <приемщик> **с кондачка** дует нам <охотникам> цены за шкурки, а мы не знаем ничего. Так и сдаём»; «Ты, конечно, **в курсе**, что у нас школу закрывают»; «А мне ведь **восемьдесят с лишком** годов! Что ты от меня ждёшь?»; «Как бы нам с тобой тут не **наломать дров**»; «Работы в деревне всегда **непочатый край**»; «Я с утра до вечера работаю. **Не покладая рук**. Вот это пенсионер!»; «Не важно, чему ты учился, а важно, что ты знаешь и умеешь. Раз у тебя высшее образование, знать должен, пусть **с пятого на десятое**, хоть вот Чехова»; «**Слава богу**, вымылись. Надо было баню с утра затопить, раз народу много»; «Вот серий наделали! Нам с бабушкой жизни не хватит всё посмотреть. **На том свете** будем досматривать»; «Надо петухов рубить. Нечего **тянуть резину**»; «Я уж не стал тебя будить. Ты спал **как убитый**»; «Покосы сегодня поделили. Завтра **чуть свет** косить поедем. Трактор будет колхозный»; «Бельцева ведь генерал **в юбке**. Что ей сельским хозяйством в районе не командовать!»; «Вот эта женщина мне сильно нравится. **До чего хороша!**».

В устной речи частотно использование нескольких (обычно двух) фразеологизмов в одном контексте, см., например: «Как наши **ведут себя** за границей, известно всем, это уже **притча во языцах**»; «Дорогу до утра **всё равно** не расчистят, это **не ходи к гадалке**»; «Ты вот не понимаешь, как бывает, когда бессловесная скотина **на глазах** оживает, **встаёт на ноги** после операции!»; «А я ему говорю: "Да, отличником быть сильно плохо. Я по училищу знаю. Приходится **всё время** быть **на высоте**. Все гуляют, а тебе надо подчитать, подучить, повторить"»; «Этот препарат, его <дозу> надо подбирать как **в аптеке**, а мы **всё на глазок**»; «Меня ведь раньше все боялись **как огня**. По работе никому **спуску не давал**»; «Вина там было **море моренное**, а питоков **раз-два и обчёлся**. Одни старухи, да и мы с Перовым какие теперь питоки»; «Уж **ни за что** не поверю, что с человеком нельзя **найти общий язык!**» и др.

Особую группу составляют фразеологические единицы областного характера, свойственные местной речи, диалекту данного региона, например: «Ну, давайте, ребята, **делайте. Бог** вам **навстречу**»; «Наталья-то вон какая. Бабушку **на все прёказы** ругает»; «Я знаю, у Моссовета с Поповым **драна грамота**. Вот Попов и уходит со своего поста»; «Рамок-то <для теплицы> мы **наделаем живо два**»; «У меня только один ключ от гаража, и тот **измотан на нет**»; «Мешков у нас **не нет**, бери сколько хочешь»; «Дерёт ведь **йод** руку **не в образ божий**»; «Если раз уж холуём был, то **всё, холуём останешься на всю жизнь, на пёрки не взойдёшь** никогда»; «Дал бы я тебе **полуось**, да **пересёмки берут** — вдруг потом не достану»; «Это пока меня уважают. А вот выйду на пенсию — **и пёс не влазит**»; «Мужик вроде ничего, а как выпьет, **начинает плести ни лес ни небо**»; «Да, она съела бы рыбки **за мое пожива-**

еишь»; «Давай мы с тобой договоримся и **крестá положим**»; «Ругает она своего сына **в чём псы не лочут**»; «Дураки мы с тобой **по репицу**»; «А он приехал **ни тол ни сак**»; «Деревня эта у **чертей на кладбище**. Оттуда и невест не брали, сильно далеко»; «Этот <о Н. С. Хрущеве> вот наболтал **четвергов с неделю**: “В восьмидесятом году коммунизм будет”. А коммунизм вон какой»; «Собирайся, чего сидишь. Сейчас люди приедут, а ты **ни на чём ряд**»; «А на этой поруubi Золин Сергей и Нина Берёзкина уже все ягоды оборвали! Олег попал **под чистую метлу**»; «Тогда ещё можно было что-то сделать, ещё **ни коня ни воза**, а Горбачёв струсил»; «Ничего, что пальто велико. Перешить отдать — **по косточке перешьют**»; «Ведь **не кровью расписались** в этом институте работать, можно и другой найти»; «Гараж поставили, теперь наше дело **на горé!**»; «А я <депутата> Жубаркина **похлопал по голенищу**: подошёл после собрания, сказал, мол, это мы тебя выбрали».

Ещё один пласт составляют просторечные, грубо-просторечные и жаргонные выражения, которые широко используются в современной обиходно-бытовой, непринужденной речи: «Я ведь знаю, что это Мишка всё придумал, а Олег на меня **шары катит**»; «У нас ведь **не заржавеет**: сразу **по рылу дадут**»; «У сельсовета Николай Иванович **на газах стоит**»; «Мы ведь здесь картошку рыли, а Парька **сакá продавил**»; «Если ты ничего не делаешь, то чего же ты **репку поёшь?**»; «Не ходи к ним, они все пьяные **в дрыбадан**»; «Звони, мать, Серёже. У нас все дела стоят, а он не едет. Какие дела там у него? Чай, **дуру гонит** в своей Вичуге»; «**Не хера** под цветы землю отдавать. Цветы нужно в горшки ставить»; «Там, на той поруubi, ягод не должно быть. Проезdim только **на фуфу**. Заросла поруbь-то»; «Ты говорил, даст он мне стеклоочиститель, а **на хрену боком**»; «Раньше-то зимы были **ядрена двадцать**, ой-ёй-ёй!»; «Олег ему контрольную работу выполнил, зачёт сдал **без булды**»; «Кончил <игру>? А ведь **на шермака** ты этот кон закончил! Путной карты у тебя не было»; «И я ведь от вас ни в чём не отстану — **не шилом делан**»; «Я этот твой коньяк **на хрену видел**. Пей сам» и др. Эти единицы имеют, как правило, ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску.

Фразеологические единицы разных сфер могут соотноситься по форме и значению. Так, в речи информанта зафиксировано параллельное употребление фразеологической единицы литературного языка **на цыпочках** («Маруся, ну что ты! Не знаешь, что значит **на цыпочках**? На кончиках пальцев, значит, стоять»; «Надо **на цыпочках** ходить, когда люди спят. А ты дверью хлопаешь!») и ее диалектного синонима **на пёрстичках** («Маруся, ты умеешь ли ходить **на перстичках**?»; «Робёнок вон **на перстичках** ходит»); ср. также: «Санька, ты не растёшь совсем. Меньше меня <ростом>, гляди-ка. Не-ет, ты **на цыпки** не вставай!». Такого рода соотношения могут быть и между фразеологическими единицами других сфер употребления, ср.: литературно-разговорный фразеологизм **ни черта** («Сергей ведь у нас кузнец отменный, за деньги просто он **ни черта** не делал, а вот интересное что — и бесплатно сделает») и просторечный **ни хрена** («Весь день болтаешься, **ни хрена** не делаешь. Хоть бы вон Лене помог грядку дополоть»); **до чёрта**, разг. («А что не дуришь, если денег **до чёрта?**!»), **до дури**, обл. («Грибов здесь **до дури**. Только краешком <леса> ходить надо»), **до хера**, прост. («Что говоришь, что год плохой? Картошка есть? Есть. Огурцов **до хера**. Морковь, капуста — не съешь за год. Что тебе ещё?!»).

Речевое поведение информанта определяется отчетливым разграничением условий и ситуаций общения на ситуацию официальную (в сфере официально-деловых отношений) или публичную (при обращении к широкой аудитории) и ситуацию неофициальную, личную (в непринужденной обиходно-бытовой обстановке). При общении в официальной обстановке и в текстах, предназначенных для печати, у информанта наблюдается подчеркнутое стремление к строгому соблюдению литературных норм и устранению признаков «разговорности» в речи. Поэтому фразеология официальной и публичной речи бедна и однородна в стилистическом отношении: используется незначительная часть фразеологии литературного языка, которая по стилистической окраске близка к нейтральной. Особенно это заметно в газетных публикациях. Достаточно сказать, что в большей части опубликованных текстов фразеология полностью отсутствует. Но и при включении фразеологизмов в текст отбираются только наиболее частотные, общеизвестные и стилистически нейтральные или близкие к ним разговорные единицы в стандартных и наиболее употребительных формах и значениях: «*Очень справедливо в своем докладе на последнем пленуме РК КПСС первый секретарь С. А. Нестеров сделал в наш адрес упрек, что в хозяйстве мало уделяется внимания вопросам наставничества*» (Задавать тон в работе); «*Современная аппаратура ветврача зачастую неудобна в использовании, громоздка, **выходит из строя быстро***» (На своем месте); «*Большую **роль** в выращивании молодняка **играет** микроклимат помещений: температура, влажность, освещенность*» (Лучи жизни); «***Идя навстречу** тем, кто не имеет коров, правление колхоза продает желающим стельных улучшенных*» (Подворье — семье, обществу подспорье); «***На днях** опубликовали в районной газете условия сосоревнования участников приближающейся посевной*» (Подходить к оценке строже); «*В основе его авторитета — высокое профессиональное мастерство, уважение к людям, умение **найти общий язык** с ними*» (Я за авторитет знания); «*Преданность делу, работоспособность помогли им преодолеть трудности, которых на первых порах было немало в работе*» (Трудовое содружество); «***На моих глазах** изменился облик деревни в послевоенное время: строились новые дома, крепко ставилось хозяйство*» (Жить по-другому не может).

Наоборот, в условиях непринужденного общения информант использует практически весь спектр языковых средств разных сфер употребления — от книжно-литературной до жаргонной и грубо-просторечной: «*Косцам надо хорошую еду. А ты дедушку хочешь **перевести на пищу святого Антония***»; «*Таких надо **выводить на свежую воду***»; «*Он страшно любит спорить. Вот однажды **довел мужиков до белого каления***»; «*Мы тут без тебя коромысло <игрушечное> искали. **Икру метали**, думали, Санька проглотила*»; «*На этой дороге **испоконь веков** ямы были — не проехать*»; «*Ты их учи, не учи, а они **всю дорогу** будут так делать*»; «*Алевтина-то жаднющая. Милашовой породы, а у тех **не выпросишь снега** никогда*»; «*Новиков мне **испортил обедню**. Все капканы у меня взял, теперь мне на лису нечего ставить*»; «*Сколько впустую можно тратить время, ничего не делая. **Хватит мышей ловить**, пора за работу приниматься*»; «*Он так, покрутился возле трибуны, а ничего не сказал, **ни бе ни ме ни кукареку***»; «*Стельки отрывать не будем. Оторвёшь ещё **с мясом***»; «*Вот как обувь делают: подошву сделают — **сам чёрт** не износит, а верх **ни к чёрту***»; «*Вот Ельцин всё делает по-другому, а Горбачев только **сопли мотал***»; «*Надо корове глюкозу вводить, а твоя под-*

колка ей **не к хрену**»; «Пророков теперь всяких развелось, **от Москвы раком не поставишь**»; «Раньше-то никакой механизации не было. Все делалось **пердячим паром**, все вручную»; «Олег Мишку учит, учит, а Мишка **хрен положил на его учёбу**»; «Денег у меня **в аккурат** было» и др.

Фразеология непринужденной речи не только разнообразна, но и интересна с точки зрения приемов и способов ее использования. Так, широко используются возможности варьирования (в том числе и окказионального), фразеологической единицы. Частотны случаи изменения формы, компонентного состава фразеологической единицы: «**Бабы-то в войну говорили**: “Нам и мужика каждой не надо. Пусть хоть посидит, голос услышать — и **то на девятом небе** будем”» (ср.: НА СЕДЬМОМ НЕБЕ [15, с. 271—272]); «**А японец-то пил вприхлёбку. И уводили его под руки еле можахом**» (ср.: ЕЛЕ МОЖАХУ [15, с. 251]); «**Плоху мы с тобой машину купили. Живого пятна нету на ней**» (ср.: ЖИВОГО МЕСТА НЕТ [не осталось] на ком [15, с. 277]); «**Это Колька всех лис выловил, ни дна ему ни крышки**» (ср.: <ЧТОБ> НИ ДНА НИ ПОКРЫШКИ кому, чему [15, с. 140]); «**Вот они теперь Отлётова приучают плясать под свою дуду**» (ср.: ПЛЯСАТЬ ПОД ДУДКУ чью [15, с. 325]); «**А на этих в телевизоре нечего глядеть. Таких мы видали и в Адамовом костюме**» (ср.: В КОСТЮМЕ АДАМА. В КОСТЮМЕ АДАМА И ЕВЫ. В КОСТЮМЕ ЕВЫ [15, с. 210]); «**Он ведь боится сказать, а в душе-то у него кошки рвут**» (ср.: КОШКИ СКРЕБУТ НА ДУШЕ [на сердце] у кого. КОШКИ ЗАСКРЕБЛИ НА ДУШЕ [на сердце] у кого. Кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно [15, с. 210]); «**Мы ведь мало едим, только червяка затачиваем. По пять штук котлет бабушкиных**» (ср.: ЗАМОРИТЬ ЧЕРВЯЧКА (червяка) [15, с. 168]); «**Что ты всё: “Марадона, Марадона”?! Вот немцы-то <немецкие футболисты> натрут нос твоему Марадоне**» (ср.: УТЕРЕТЬ НОС кому [15, с. 499]); «**Варежки где? Чай, не на босу руку он на двор пошёл**» (ср.: НА БОСУ НОГУ. Без чулок, носков, портянок и т. п. быть обутым во что-либо [15, с. 283—284]) и т. п.

При наличии у фразеологизма нескольких форм употребления для разных речевых ситуаций выбираются разные варианты, ср.: **пьяней (пьянее) вина** («Я с ним и разговаривать не хочу. Он ведь **пьяней вина**» и «Он говорит мне: “Давай, я поведу <машину>”, — а сам **пьянее вина**»); **в лоскутину (лоскут)** («Конечно, Ольга сразу <начала> ругаться, ведь он пришёл к ней **в лоскутину** пьяный» и «Вы его вчера, видать, напоили хорошо. Пошёл <домой> **в лоскут** пьяный, я за ним двери затирал»); **ни в одном глазу (глазе)** («Водка эта какая-то не такая: пять рюмок выпил, а **ни в одном глазу**» и «Арсентию наливай полную, он **ни в одном глазе**. Это мы ведь все больные да старые»); **в порядке (поряде)** («В огороде всё **в порядке**. Немного только лук <дождём> прижало» и «Гляди вот: он три дня не спускал робёнка с рук, и всё **в порядке**. Узнавать стала отца»); **на худой (худ) конец** («Места <в доме> всем хватит. **На худой конец** можно кому-то у Тоньки переночевать» и «Луку-то нам хватит. Там ведер пять осталось. На июнь хватит. **На худ конец** можно ведь и зелёным пользоваться»); **засунуть (заткнуть) кишку чем** («Засунь пока **кишку** вон пирогом. Ужинать потом будем. Выпьём маленько» и «Обедать ещё рано! Чем бы **кишку заткнуть** пока?») и т. п.

Использование разных вариантных форм фразеологической единицы дает возможность информанту передавать разнообразные смысловые, стилистические и эмоционально-экспрессивные оттенки, ср.: «Я эту **филькину грамоту** подписывать не буду», «А он в папку свою лезет, достаёт какие-то

документы. А я ему: “Что ты мне **филькину грамоту** суёшь?”», «Все документы <на мотоцикл> я **припас**. Только ведь это **филькины** документы»; «**Может**, <за отходами зерна> **сейчас ехать?** Потом ведь **локти кусать** будем, если дождь пойдет!», «**Вот** Вениамин, он все **локти обкусал**. “**Нива**” ведь в рассрочку раньше давалась. И что не купил? **Вот** теперь ездят на велосипеде», «**Фурина**, чай, теперь **покусывает локотки**. Медикам теперь зарплату повысили. Работала бы на одном месте — 500 рублей получала бы»; «**Журналисты** хотели приехать ко мне. А я им говорю: “Я ведь **песенка спетая**, идите к тем, кто сейчас работает в ветеринарии”», «Теперь наша **песня** уж **спета** до конца», «Наша **песня** уже **пропета** до конца»; «Я тебе когда говорил: “**Геннадий**, кончай ты это дело, пока **не горит под хвостом у кота**”», «Да вот **Олег** пристал: “Давай поедем, давай поедем...” **Горит** у него **под хвостом**», «У нас **не горит**. Что нам беситься?! Успеем ещё <всё сделать>». Такое использование фразеологических единиц открывает широкие возможности для нестандартного употребления и различного рода трансформаций, ср. например: **завязать узелок** ‘закодироваться, перестать пить, употреблять спиртное’ > **развязать узелок** > **развязать узилище** > **развязаться** («**Вон Валька** пьяный в дугу. А на днях только говорил мне, что **завязал узелок**. Видно, **развязал** сегодня», «А что **Мишка**. Он **развязался**, в субботу приходил к нам с бутылкой. Не узелок — **узилище развязал**»). В результате такого использования у фразеологических единиц появляются новые формы, новые значения, а на базе фразеологизмов развиваются новые значения и у таких слов, которые параллельно употребляются как компонент фразеологической единицы, возникают новые слова. Рассмотрим некоторые примеры таких трансформаций.

В первую очередь следует указать на случаи использования фразеологизма в совершенно ином — омонимичном общеупотребительному — значении: «**Ты** ведь уже **взрослый**, на жизнь надо **смотреть сквозь пальцы**, чтобы не только пальцы видеть» (ср.: СМОТРЕТЬ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ на что — намеренно не обращать внимания на что-либо; умышленно не замечать ничего предосудительного в чем-либо [15, с. 440]); «**Статью** надо писать не просто так, а так, чтобы **с рук сходило**, чтобы все знали и брали полезное» (ср.: СХОДИТЬ С РУК — 1) оставаться безнаказанным; 2) проходить, оканчиваться как-либо [15, с. 465]); «**Раньше** все говорили: “**Береги сидора, на ходу подметки срежут**”. И теперь про того, кто незаметно крадет, говорят “**на ходу подметки режет**”» (ср.: НА ХОДУ ПОДМЕТКИ РВЕТ [режет]. Чрезвычайно находчив, изворотлив, смел, ловок в своих поступках, делах и т. п. [15, с. 387]); «**Говорят** “**лыка не вяжет**” не только про пьяного. Можно и о трезвом сказать, если он тупой, бестолковый, с которым ничего не сделаешь» (ср.: ЛЫКА НЕ ВЯЖЕТ. Так пьян, что не в состоянии связно говорить [15, с. 100]); «**Плов-то** не больно хорош, **из рук вон выходящий**. У **Арсения** лучше бывает» (ср.: ИЗ РЯДА ВОН ВЫХОДЯЩИЙ. Выдающийся, необычный. О чем-либо [15, с. 99]). Как видно из примеров, часть таких фразеологических единиц следует отнести к областной, территориально ограниченной фразеологии.

Иногда такие фразеологизмы употребляются в речи информанта параллельно, ср. например: **рука в руку** ‘дружно, в полном согласии’ «**Командир** был старше меня на год. Жили мы с ним **рука в руку**» и **рука в руку** ‘вместе, как единомышленники (жить)’ «**В Советском Союзе** все нации жили **рука в руку**. И про национализм никто ничего не знал» (ср.: РУКА В РУКУ. 1. Взявшись за руки

(идти, двигаться, гулять и т. п.) <.> 2. Вместе, как единомышленники (действовать, жить и т. п.) [15, с. 395]; **на карандаше** у кого 'под особым наблюдением (быть, находиться и т. п.)' «Он давно у меня **на карандаше**. Я давно за ним наблюдаю», «Ты у меня всегда будешь **на карандаше**» и **на карандаше** жить 'постоянно записывая что-либо, делая записи; занимаясь сочинительством' «Я, считай, всю жизнь **на карандаше**. Одних докладов сколько написал. Статей в "Родниковец". А отчётов и докладных писать приходилось... А теперь вот <пишу> поздравления к юбилеям чуть не каждый день».

Здесь уместно отметить, что в речи информанта активно употребляются фразеологические единицы и формы, которые в словарях квалифицируются как устаревшие, ср.: «Свинью четверо мужиков тащили со двора. Так все **в пень стали**, двинуться не могли с места, такая тяжелущая была туша» (ср.: СТАТЬ В ПЕНЬ. Устар. Прийти в крайнее затруднение [15, с. 454]); «Выпустили указ-от, а через год пьяные мужики с **наклёй сбились**» (ср.: СБИВАТЬСЯ С ПАХВЕЙ. Устар. Приходить в замешательство, в растерянность, в заблуждение, запутываться [15, с. 408—409]).

Прозрачная внутренняя форма, яркая образность создают большие возможности для разного рода преобразований, «обыгрывания» фразеологических единиц, ср.: «Вы ведь теперь и не лечите, только **зубы заговариваете**», «Ты мне **зубы не заговаривай**, говори, если что по делу» и «Я тебя просил **зубы** <об искусственной челюсти> мне дать, а не **зубы заговаривать**. Принеси мне **зубы** и болтай потом. А мне шашлыка хочется попробовать»; «А что, это старые "узки", **сойдут с заводской стезы** и сразу ломаются. Вот Петька через день стоит. Сцепление уже раз шесть менял» и «Видать, **сошли** мы с тобой с **винной стезы**. Бутылку <водки> всю зиму пьем. Вот какие **питоки**». Такое употребление приводит не только к появлению новых форм у отдельных фразеологизмов («Серёга, если бы ты поспорил со мной после академии, а не сейчас, я бы тебе живо **вытер нос до хрящей!**», «Вот гляди, два раза этой мазью помазал и всё прошло. **Как рукой сняло... Чище руки!**»), но и к возникновению новых единиц, например: «Вот говорят: "Ветеринарный врач всех своих коров должен знать **в лицо**". А я скажу: "Ветеринарный врач должен всех своих коров знать **в хвост!**". Ты, конечно, меня поправишь, неправильно я выразился, но любой ветеринар сказал бы: "В точку попал, Наполеон Семёнович!"» (ср.: Знать В ЛИЦО кого. По внешнему виду, по облику [15, с. 228]); «А легко глядеть, как она <корова> мучается?! **Жилы** ведь она из меня **выдирает**. И из **мозгов** тоже! Когда не знаешь, что делать!» (ср.: **тянуть [вытягивать] жилы** из кого — мучить, изнурять, выматывать непосильной работой, непомерными требованиями [15, с. 486]). В последнем случае на основе фразеологической единицы **вытягивать жилы из кого** образуется выражение **выдирать жилы из кого** со значением 'причинять страдания, мучить, терзать, изводить', которое затем само подвергается трансформации и приобретает форму **выдирать жилы из мозгов чьих**, в результате чего создается новая единица, соотносимая по модели с узуальной.

Творческое использование фразеологической единицы может привести к расширению сферы ее функционирования, сочетаемости со словами, изменению значения и формированию у фразеологизма новых значений. Так, охотничье выражение **выпить на кровях**, возникшее из обычая отмечать выпивкой удачную охоту, в речи информанта значительно расширяет свою сочетаемость, распространяясь на ситуации забоя домашнего скота и птицы («А поросёнка мы с тобой **вырастили хорошего**. Килограмм сто пятьдесят

будет, не меньше. И разделались с ним быстро. Пойдем обедать, да и выпьем **на кровях**, а то мясо невкусно будет», «Хоть петухов только мы с тобой зарубили, а **на кровях** выпьем», «Как ты быстро! В восемь часов свинью зарезал, а к двенадцати она уже в морозильнике, и упакованная в пакетики. Давай за обедом выпьем **на кровях** по маленькой рюмочке, а то мясо будет невкусным»). Наряду с этим фразеологизм получает возможность обозначать и определенную степень опьянения человека («Давай, мать, выноси нам ещё вина. Пошто бережёшь? Пока **на кровях**, надо выпить», «Олег, конечно, **на кровях**, ему ещё надо выпить, а никому уже не хочется с ним сидеть», «Мать, принеси ещё вина нам. Мне хватит, а вот Арсентию надо. Пока ещё **на кровях**, он выпьет»), а затем начинает употребляться еще более расширительно, для обозначения определенного эмоционального, психического состояния, ср.: «<Команде> Голландии надо бы ещё гол забить, пока **на кровях**, а то бразильцы живо-два счёт сравняют».

Даже обычные преобразования фразеологической единицы в речи информанта приобретают особую индивидуальность. Сравним, например, как используется весьма распространенный в речи прием сокращения компонентного состава фразеологизма: **в воду глядел** «Видать, я **в воду глядел**. Всё вышло, как я и говорил» (ср.: КАК В ВОДУ ГЛЯДЕЛ [смотрел] — (будто) знал заранее [15, с. 108]); **на блюде** «Теперь вот всё. Свобода. Живите, ребята. Всё вам **на блюде** дано» (ср.: НА БЛЮДЕЧКЕ С ГОЛУБОЙ КАЕМОЧКОЙ — без собственных усилий, забот; в готовом виде [14, т. 1, с. 32]); **из кишок** «Он рядится и пусть рядится. А ведь **из кишок**, что нам за ними тянуться» (ср.: ИЗ КОЖИ [из шкуры] <ВОН> ЛЕЗТЬ [вылезать] — усердствовать, стараться изо всех сил [15, с. 223]). Такому преобразованию обычно подвергаются фразеологизмы, которые хорошо известны собеседнику, поэтому полная форма выражения легко восстанавливается из контекста. При использовании фразеологической единицы в неполном составе информант сохраняет такие компоненты, которые обеспечивают «узнаваемость» идиомы.

Одним из известных и распространенных приемов преобразования фразеологизма является создание субстантивных форм от глагольных единиц, например: **литье водяное** «Ай, много **литья водяного** на сессии <депутатов>. Вроде и мозги собрались» (ср.: ЛИТЬ ВОДУ ‘лгать; говорить пустое, пустословить’ [14, т. I, с. 352]); **промывание мозгов** «Эти твои <телевизионные> передачи — сплошное враньё и **промывание мозгов** молодёжи, таким вон, как Санька и Светка» и т. п. Такого рода преобразования могут быть и индивидуальными, авторскими, например: **шкура чешется у кого** > **чёс под шкурой у кого** «А Геля с утра прибежала. У неё уже **чёс под шкурой**. Шкура-то у неё чешется».

В результате преобразований на базе фразеологических единиц могут быть образованы новые слова и значения. В речи информанта такого рода образования представляют слова, которые уже существуют в языке, однако их значение непосредственно связано со значением исходного выражения, например: **заправлять арапа** > **арапник** «Это ведь ты первый **арапник**. Всем **арапа заправляешь**» (ср.: ЗАПРАВЛЯТЬ АРАПА ‘врать, привирать, рассказывать небылицы’ [15, с. 169]); **вешать лапшу** > **лапшевник**. Он ведь ничего не делает, духа единого. Только **лапшу вешает**, а с коррупцией не борется. **Лапшевник** он (ср.: ВЕШАТЬ ЛАПШУ НА УШИ кому ‘нагло врать, рассказывать небылицы; намеренно вводить в заблуждение кого-либо’ [14, т. 1, с. 74]). Слова, образованные на базе фразеологизмов, оказываются омо-

нимичными общеупотребительным словам, ср.: **арапник** — длинная охотничья плеть с короткой рукояткой [4, с. 45]; **лапшевник** — запеканка из лапши [4, с. 487].

Отметим особо еще один способ трансформации фразеологизмов — контаминацию: **кондрашка не клевал кого** «Ведь он-то, Константин, не верит, что <сердечный> приступ может случиться в любую минуту. Его кондрашка не клевал» (ср.: КОНДРАШКА ХВАТИЛ [стукнул] *кого* — кто-либо внезапно разбит параличом; кто-либо скоропостижно умер, скончался [15, с. 203]; ЖАРЕНЬИЙ ПЕТУХ КЛЮНУЛ *кого* — кто-либо испытал трудности, неприятности, оказался в затруднительном, тяжелом положении [14, т. 2, с. 87]). Контаминация двух фразеологизмов позволяет информанту объединить в одном выражении семантические признаки разных единиц.

Представленный выше краткий обзор некоторых черт фразеологического лексикона речи рядового носителя языка дает основание утверждать, что специальное исследование языка обычного человека необходимо, интересно и продуктивно, так как он принципиально не отличается от языка известной личности, писателя, ученого, общественного деятеля и т. д. Основной сложностью, затрудняющей вовлечение в научный обиход большого объема такого рода языкового материала, является большая трудоемкость и высокая затратность процесса его сбора и систематизации. Однако эти трудности преодолимы. Актуальной задачей сейчас является разработка принципов систематизации и научного, в том числе и лексикографического, описания материалов такого рода. Применительно к фразеологии рядового носителя языка представляется важным описать фразеологический лексикон личности по всем основным параметрам, по которым описывается идиоматика языка в целом. К таким параметрам следует отнести:

- 1) форму фразеологической единицы (ее компонентный состав, структурную организацию, возможности варьирования и т. д.);
- 2) значение фразеологизма (толкование значения, соотношение единиц по семантическим признакам);
- 3) лексико-грамматические свойства (отнесенность единицы к определенному лексико-грамматическому разряду, реализация парадигматических форм);
- 4) лексическую и грамматическую сочетаемость (свободную, ограниченную, синтаксические связи фразеологизма со словами);
- 5) сферу употребления (литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты);
- 6) стилистическую отнесенность (книжную, разговорную);
- 7) эмоционально-экспрессивную окраску (шутливо, иронично, неодобрительно, пренебрежительно и т. д.);
- 8) историко-временную отнесенность (устаревшую, новую);
- 9) источник, механизм происхождения и соотношение с этимоном;
- 10) парадигматические связи фразеологической единицы и ее соотношение с узуальными фразеологизмами.

Анализ фразеологического лексикона носителя языка по совокупности указанных параметров не только обеспечивает возможность комплексной характеристики каждой фразеологической единицы с точки зрения ее формы, содержания и особенностей ее использования в речи, соотношения с другими единицами, но и позволяет описать случаи нестандартного и трансформированного употребления фразеологизма в различных ситуациях общения.

Библиографический список

1. Аиукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. М. : Веста, 1993. 246 с.
2. Байрамова Л. К., Денисов П. Н. Фразеологический словарь языка В. И. Ленина. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1991. 350 с.
3. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2000. 624 с.
4. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
5. Жизнь русской фразеологии в художественной речи : школьный словарь. Кострома : Изд-во КГУ им. А. Н. Некрасова, 2010. 730 с.
6. Кузьмина Г. Ш. «И образ мира, в слове явленный...» : лингвокультурологический словарь-комментарий к произведениям С. Т. Аксакова / РИО РУНМЦ МО РБ. Уфа, 2004. 300 с.
7. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь : около 1000 единиц. 2-е изд., стереотип. М. : Русские словари : Астрель, 2001. 856 с.
8. Редкие слова в произведениях авторов XIX века : словарь-справочник. М. : Русские словари, 1997. 572 с.
9. Самотик Л. Г. Словарь языка А. И. Лебедея / РИО КГПУ. Красноярск, 2004. 326 с.
10. Словарь автобиографической трилогии М. Горького : в 6 вып. с прил. словаря имен собственных. Л. : Изд-во ЛГУ, 1974—1990.
11. Словарь языка А. С. Грибоедова / сост. А. Е. Поляков. М. : Языки славянской культуры, 2008. Т. 1 (А—З). 432 с.
12. Словарь языка Пушкина : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956—1961.
13. Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой / РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2004. 560 с.
14. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. Новосибирск : Наука, 1995. Т. 1. 391 с. ; Т. 2. 396 с.
15. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей. М. : Сов. энцикл., 1967. 543 с.
16. Фролова Ю. В. Материалы к словарю устойчивых образных сочетаний в произведениях В. П. Астафьева / РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2004. 252 с.
17. Шестакова Л. Л. Библиографические материалы по авторской лексикографии // Вестн. Междунар. славян. ун-та. Сер.: Филология. Харьков, 2000. Т. 3. № 1. С. 18—31.

РЕЦЕНЗИИ

О. М. Карпова

Рец. на кн.: **Webs of Words : New Studies in Historical Lexicology / ed. by J. Considine.** — Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2010. — 242 p.

Выход в свет коллективной монографии «Webs of Words: New Studies in Historical Lexicology», безусловно, является ярким событием для лингвистов, поскольку здесь отражены проблемы, связанные с изучением лексикологии в историческом аспекте. Проблемы исторической лексикологии и лексикографии всегда были в центре внимания отечественных ученых: В. В. Виноградова, Н. Н. Амосовой, Л. П. Ступина и др. Этот факт подчеркивается и в предисловии редактора, который справедливо замечает, что работы В. В. Виноградова послужили толчком к проведению многих исследований в России и за рубежом (р. viii). В то же время Дж. Консидин указывает и на весомый вклад французских и немецких ученых в формирование и развитие этого важного раздела лингвистики.

Вопросы исторической лексикологии в последнее время вышли на передний план в современной зарубежной лингвистике, и во многом в связи с проведением ряда международных конференций по исторической лексикологии и лексикографии в XXI веке. В 2002 г. по инициативе английского лексиколога Дж. Коулман была создана Ассоциация по исторической лексикологии и лексикографии в Университете г. Лестера (Великобритания). Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии обсуждались на международных конференциях в Великобритании (2002 г.), Финляндии (2008 г.), Канаде (2010 г.) и на различных симпозиумах и семинарах в России и ближнем зарубежье.

В рецензируемой работе собраны материалы докладов, представленных на IV Международной конференции по лексикологии и лексикографии, которая прошла в Канаде в 2008 г.

В десяти главах (*Kučera K., Šiluka M. Diachronic Corpora: Seeing Histories of Words from another Angle; Samson J. Do Savages Get the Blues? William Colenso and the Nineteenth-Century Colour Debate*) на материале различных

© Карпова О. М., 2011

языков: английского, русского, чешского, китайского, португальского, итальянского и других подробно рассматриваются проблемы заимствований из английского (*Podhajecka M. The Third Edition of the OED and Lexical Transmission: Towards a Consistent Research Methodology*; *Casanova I. Should Portuguese Dictionaries Register English Words?*) и других европейских языков; этимологии и этимологических характеристик в словарях различных типов (*Lancashire I. Why did Tudor England have no Monolingual English Dictionary?*; *Urban M. Cleaning up the Mess: The Case of English Balcony*; *Winer L. Historical Naming Strategies for Fauna in Trinidad & Tobago English/Creole*), а также подробно анализируются наиболее авторитетные словари (*Waszink V. Biologisch vs. Biokoffie, Ecologisch vs. Ecotrend: Dutch Bio- and Eco- Through the Ages in the Dictionary*; *Pellin T. Masters, Mothers, and Barking Dogs: The Lexical Family of the Words for Grammar in China*), ставшие эталоном для соотечественников в различные исторические периоды.

Отдельно хотелось бы подчеркнуть значимость библиографической секции (*Bibliography*, p. 214—230), в которой для удобства читателя собрана вся литература, использованная выше перечисленными авторами. Да и сама организация справочного раздела весьма удобна и включает адреса сайтов, выходные данные словарей и теоретических работ, среди которых много новых и полезных как для начинающих исследователей, так и для маститых ученых.

Среди представленных в коллективной монографии работ меня как лексикографа особенно привлекли две статьи: *Podhajecka M. The Third Edition of the OED and Lexical Transmission: Towards a Consistent Research Methodology*; *Casanova I. Should Portuguese Dictionaries Register English Words?*

Обе статьи посвящены различным проблемам заимствований. Причем в первой (*The Third Edition of the OED and Lexical Transmission: Towards a Consistent Research Methodology*), скрупулезно исследуются русские заимствования, вошедшие в различные издания Большого Оксфордского словаря. Для носителя русского языка этот материал особенно интересен, если учесть тот факт, что во многих словарях русского языка преобладают заимствования из английского языка. Все наблюдения автора изложены в таблицах (p. 152—158) и убедительно проанализированы в статье, из которой хорошо видны англо-русские культурные связи в различных областях: экономике, политике, культуре (*politinformatsia, poltinik, matryoshka, narodnik, etc.*).

В статье португальского автора поднимается патриотический вопрос, который он ставит перед издателями: «Почему в словаре португальского национального языка сплошь и рядом встречаются англицизмы?». Ученый приводит примеры англицизмов (*cowboy, drink, ketchup, cheeseburger, jeans*) и рекомендует составителям последующих словарей сохранить национальную идентичность, включив в словники исконно португальскую лексику. И. Казанова вступает в полемику не только с издателями словарей современного португальского языка, но и обращается к лексикографам других стран (Мексики, Греции) почти с требованием отступить от повсеместного явления глобализации в словарях современных европейских языков, сохранив национальную специфику своих языков и вместе с этим их национальную идентичность.

В заключение подчеркну, что редактором рецензируемой коллективной монографии выступил известный канадский лексикограф Дж. Консидин. Его перу принадлежат многие интересные монографии по исторической лексикологии и лексикографии английского языка: «*Dictionaries in Renaissance Eu-*

rope: Lexicography and the Making of Heritage» (2008), «Words and Dictionaries from the British Isles in Historical Perspective» (2007) и др. Мне особенно приятно писать отзыв об этой книге, зная ее автора, с которым я познакомилась лично на Международной конференции по исторической лексикографии в Хельсинки в 2008 г. (Hellex-2). Дж. Консидин в 2009 г. по приглашению оргкомитета VIII Международной лексикографической школы выступал в Иваново как приглашенный ученый и покориł участников безукоризненным английским языком, широтой эрудиции и тематики, лингвистической компетенцией и высоким профессионализмом. Остается лишь пожелать уважаемому коллеге дальнейших интересных исследований и публикаций в области исторической лексикологии и лексикографии.

А. Н. Таганов

Рец. на кн.: Дебов В. М. Словарь верлан-рифм французского рэпа : (инновационные элементы молодежного стихотворчества). — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. — 252 с. — На фр. яз.

Проблемы, затрагивающие состояние и особенности функционирования современной языковой системы, процессы, связанные с ее трансформацией, неизменно вызывают живой интерес не только у специалистов, но и у обычных пользователей языка. В той или иной степени эти проблемы характерны для всех стран, хотя и с присущими им национальными аспектами и оттенками.

Актуальность, научная новизна и значимость исследования В. М. Дебова обусловлены тем, что оно обращено к живым, развивающимся формам языка французской молодежи. Основным объектом внимания в работе оказывается одна из самых интересных разновидностей молодежного социолекта Франции — верлан, который представляет собой особую сленговую форму языка, основанную на своеобразной лексической кодировке, заключающейся в перестановке слогов или звуков.

Рецензируемый словарь — результат продолжительной исследовательской работы В. М. Дебова, итогом которой явились «Словарь верланизмов современного молодежного французского языка» (Иваново, 2006) и «Верлан — код французского рэпа: (о девиантном словотворчестве в молодежном социолекте)» (Иваново, 2008). В них автор разработал весьма обширный словарь верланизмов, дающий представление о широте и распространенности этого явления в современном молодежном языке. Предыдущая книга В. М. Дебова уже была обращена к особой сфере бытования верлана — молодежной музыкальной культуре: она основана на многочисленных примерах, взятых из текстов различных рэперских групп и исполнителей.

Новый словарь носит более специализированный характер, что никоим образом не ограничивает рамки его применения. Напротив, круг вопросов,

связанных с феноменом верлана, оказывается весьма широким. Они затрагивают не только проблемы лингвистического плана, но и социального, эстетического, так как рецензируемая работа, обращаясь к рэпу как к главному исследовательскому материалу, не становится простой суммой примеров лексических единиц, образованных путем верланизации, в нем исследуется поэтический потенциал верлана, возможности создавать на его основе новые поэтические структуры, расширять границы рифмы.

Всего в словнике 625 верланизмов, участвующих в образовании нового типа рифм во французском рэпе. Из них 276 участвуют в рифмах «верлан + верлан», среди которых существуют рифмы двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные.

Обилие примеров создает уникальный языковой контекст, который дает представление о разнообразии и богатстве рэперской культуры. Феномен верлана как механизма словообразования интересен сам по себе, однако вдвойне интересна его роль в поэтическом творчестве. Автор весьма основательно подошел к отбору исследуемого материала. В списке источников — рэперских групп и индивидуальных исполнителей, чьи тексты послужили основой для создания словаря, — 161 пункт. Словарная статья сделана тщательно и продуманно. Она представляет расшифровку каждой лексической единицы, ее транскрипцию, лексический ряд, составляющий слова, рифмующиеся с указанным верланизмом, подтвержденный примером из текстов современного рэпа Франции.

Словарь, безусловно, представляет большой интерес не только для специалистов, занимающихся проблемами лексикологии, но и для тех, кто сталкивается с современной живой речью, для переводчиков, для всех, кто интересуется проблемами французского языка и музыкального искусства.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШКОЛЫ-СЕМИНАРЫ ПО ЛЕКСИКОГРАФИИ

По традиции каждые два года в сентябре Ивановский государственный университет становится площадкой для представительного международного форума ученых-лексикографов.

С 1995 г. на базе кафедры английской филологии ИвГУ проходят международные лексикографические школы-семинары, объединяющие лингвистов, известных теоретиков и практиков составления словарей и терминологов из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Бессменным председателем программного комитета и инициатором конференции является доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Ольга Михайловна Карпова, а идея проведения школ-семинаров была предложена в свое время основателем Европейской ассоциации лексикографов доктором Р. Р. К. Хартманном.

Форма, избранная организаторами школы-семинара, прекрасно отражает идеи преемственности, передачи опыта, творческих споров и плодотворного обмена информацией, свойственные современному научному сообществу. Именно в таком формате начинающие ученые могут не только услышать лекции ведущих отечественных и зарубежных ученых, познакомиться с известными лексикографами, но и доложить о собственных научных изысканиях, научиться проведению научных дискуссий. Подобная форма оказалась привлекательной для многих маститых и начинающих ученых, издателей, преподавателей из разных стран.

Тематика конференций разнообразна: «Язык. Культура. Словари» (2001); «Теоретическая лексикография: современные тенденции развития» (2003); «Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах» (2005); «Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения» (2007); «Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы» (2009).

За эти годы приглашенными лекторами школы-семинара стали экс-президент ЕВРАЛЕКСА К. Варантола (Финляндия), члены правления ЕВРАЛЕКСА Р. Ватведт Фьельд (Норвегия), Дж. ДеСезарис (Испания), почетный профессор ИвГУ К. Хейсли (США), известный терминолог Х. Пихт (Германия), президент Всемирной ассоциации по исторической лексикографии Дж. Коулман (Великобритания), президент Национального общества прикладной лингвистики и Российской ассоциации преподавателей английского языка С. Г. Тер-Минасова (Россия) и многие другие видные ученые.

С каждым годом расширяется география участников школы-семинара. Гостями конференции в разное время стали лексикографы из Канады, ЮАР, Италии, Франции, Норвегии, Дании, Сербии, Хорватии, Японии, Китая, Литвы, Украины, Белоруссии, Казахстана, почти 40 городов России. Каждая конференция собирает до 200 участников, среди которых доктора и кандидаты наук, аспиранты и студенты.

Доклады, прочитанные на пленарных и секционных заседаниях, семинарах и круглых столах во время работы международных школ-семинаров, традиционно находят отражение в сборниках материалов конференций, публикуемых в издательстве «Ивановский государственный университет» (всего 8 томов).

Повышенный интерес к конференциям проявляют многие издательства, например: «Астрель», «Академия», «АВВУ Lingvo», «HarperCollins» и др. Так, с 1998 г. успешно реализуется сотрудничество с лексикографическим домом «HarperCollins» (Великобритания). Проф. О. М. Карпова и ее команда экспертов подготовили более 80 рецензий на новые словари серии «Collins», отразив в них специфику российского пользователя лексикографических продуктов.

В 2007 г. авторитетное издательство «Cambridge Scholars Publishing» (<http://www.c-s-p.org/>) выступило с инициативой опубликовать коллективный труд по итогам работы VI Международной школы-семинара. С тех пор в свет вышли уже три коллективные монографии под редакцией проф. О. М. Карповой и проф. Ф. И. Карташковой, а именно «Essays on Lexicon, Lexicography, Terminology in Russian, American and Other Cultures» (2007), «Lexicography and Terminology: A Worldwide Outlook» (2009) и «New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis» (2010). Они вызвали широкий резонанс в отечественных и зарубежных лингвистических кругах, что свидетельствует о международном признании деятельности научной школы проф. О. М. Карповой.

Очередная IX Международная школа-семинар «Лексикографические ресурсы: тенденции и вызовы XXI века» пройдет на базе Ивановского государственного университета 8—10 сентября 2011 г. Подготовка к ней идет полным ходом. Свое согласие участвовать в качестве приглашенных ученых выразили экс-президент Африканской ассоциации лексикографов (AFRILEX) д-р Руфус Гаувз (ЮАР), руководитель лексикографического центра Университета г. Орхус д-р Сандро Нильсен (Дания) и проф. Валентина Скибина (Канада).

Программой предусмотрены пленарные и секционные заседания, семинары, круглые столы и мастер-классы. На обсуждение будут вынесены проблемы исторической, учебной, писательской и культурологической лексикографии. В фокусе внимания, несомненно, окажутся вопросы терминологии и терминографии, использования словарей в профессиональной деятельности, лексикографической разработки языковых единиц, объективирующих коммуникативное поведение людей. Планируются презентации проектов новых лингвистических и энциклопедических словарей, печатных и электронных справочников для общих и специальных целей. Свою продукцию представят ведущие издательства.

В рамках конференции пройдут однодневный семинар профессионального развития для преподавателей английского языка средних школ и вузов Ивановской области и международный студенческий семинар «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People (Writers, Artists, Musicians). Project of Dictionary for Guides and Tourists», организуемый под патронатом фонда Ромуальдо дель Бьянко (Флоренция, Италия).

Успех школ-семинаров был бы невозможен без поддержки ректора университета проф. В. Н. Егорова, без скоординированной и четкой работы членов оргкомитета проф. А. Н. Таганова, проф. Ф. И. Карташковой, проф. Г. М. Вишневской, а также без помощи наших многочисленных волонтеров — аспирантов и студентов кафедры английской филологии.

Приглашаем всех желающих принять участие в IX Международной школе-семинаре. Заявки принимаются по электронной почте lexico2011@gmail.com.

Хочется надеяться, что конференция, как и прежде, соберет коллег и единомышленников, теоретиков и практиков составления словарей, посвятивших себя этой интересной и многогранной дисциплине — лексикографии!

Е. А. Шилова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии,
ученый секретарь школы-семинара

РОССИЙСКОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Ивановская лексикографическая школа под руководством доктора филологических наук О. М. Карповой хорошо известна на территории Российской Федерации и за рубежом. Есть значительные научные достижения и результаты, международное признание и множество учеников.

С 1995 г. на базе кафедры английской филологии ИвГУ раз в два года проходят международные школы-семинары по лексикографии, объединяющие известных лексикографов, терминологов и лингвистов из России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Тематика конференций различна и разнообразна. Тезисы докладов, прочитанных на пленарных заседаниях, семинарах, круглых столах, мастер-классах и презентациях новых словарей во время работы международных школ-семинаров, традиционно находят отражение в сборниках тезисов докладов, опубликованных в издательстве Ивановского государственного университета (всего вышло в свет 8 сборников).

Важно отметить международный характер ивановских лексикографических школ-семинаров. Это, с одной стороны, подтверждается регулярным участием приглашенных известных зарубежных и отечественных лексикографов, а с другой стороны, интересом многих издательств («Астрель», «АВ-ВУУ Lingvo», «ОИР», «HarperCollins», «Академия» и др.). Сотрудничество с лексикографическим домом «HarperCollins» успешно реализуется с 1998 г. Так, О. М. Карпова и ее аспиранты подготовили 75 рецензий на новые словари серии «Collins» (с точки зрения российского пользователя). Хотелось бы особо выделить авторитетное издательство «Cambridge Scholars Publishing» (<http://www.c-s-p.org/>), в 2007 г. выступившее с инициативой публиковать коллективные монографии, в которые вошли избранные труды как отечественных, так и зарубежных ученых по материалам конференций. «Cambridge Scholars Publishing» — это академический издательский дом, специализирующийся на публикации и распространении значимых научных работ. Он имеет свою длинную историю и весомую репутацию в научном мире как авторитетное и солидное издательство, раскрывающее наиболее важные научные области знания, освещающее интересные события научно-исследовательской жизни. В свет вышли уже три коллективные монографии под редакцией проф. О. М. Карповой и проф. Ф. И. Карташковой: «New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis». Cambridge, 2010 (Новые тенденции в лексикографии; способы регистрирования и описания лексики); *Lexicography and Terminology: A Worldwide Outlook*. Cambridge, 2009 (Лексикография и терминология: современное состояние в мире); *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other*

Cultures, Cambridge, 2007 (Очерки по лексикологии, лексикографии, терминологии в русской, американской и других культурах).

Данные монографии вызвали широкий резонанс в лингвистических кругах и высоко оценены отечественными и зарубежными специалистами в области лексикографии. Видимо, этот факт повлиял на решение британского издательства продолжать сотрудничество с Ивановским государственным университетом в будущем и осветить наиболее интересные труды в четвертой монографии по итогам IX школы-семинара «Лексикографические ресурсы: тенденции и вызовы XXI века», которая пройдет в сентябре 2011 г. в Иванове на базе Ивановского государственного университета.

Публикация коллективной монографии в столь авторитетном издательстве не только почетна, но и является признанием заслуг научной школы проф. О. М. Карповой. На наш взгляд, подобное сотрудничество с известным международным, всемирно признанным издательством «Cambridge Scholars Publishing» способствует продвижению достижений отечественной науки, лексикографии в частности, на мировой уровень. Пожалуй, за последнее время впервые научные изыскания российских ученых переведены и отредактированы согласно мировым стандартам английского языка, когда каждому термину дан соответствующий западной научной традиции эквивалент. Как известно, существует много несоответствий терминологического аппарата русского и английского языков. Поэтому редактирование материалов докладов, тезисов презентаций — это огромный труд. Безусловно, наша благодарность редакторам данных сборников — проф. О. М. Карповой и проф. Ф. И. Карташковой за популяризацию отечественной лингвистической науки безгранична.

Необходимо отметить активное участие членов научной школы О. М. Карповой в иных международных проектах. Так, например, по инициативе и под руководством Ольги Михайловны группа студентов и аспирантов работала на Международном семинаре фонда Ромуальдо дель Бьянко в 2008 г. «Флорентийские мотивы в словарях европейских писателей». Проект оказался настолько успешным и интересным для студентов, что его стали продолжать и развивать при активном содействии и поддержке О. М. Карповой, которая предложила создать проект словаря, создателями которого будут молодые люди, интересующиеся культурой и путешествиями. Этот ежегодный семинар получил название «Флоренция в творчестве европейских писателей и художников: проект энциклопедического словаря для гидов и туристов. Словарь без границ» (http://www.fondazione-delbianco.org/seminari/dett_prog.asp?start=1&idprog=149).

Всероссийское и международное признание лексикографической школы О. М. Карповой бесспорно. Радует, что в Ивановский государственный университет с огромным желанием приезжают именитые ученые для участия в конференциях, для чтения лекций, для работы в семинарах и круглых столах. Это оказывает положительное воздействие на наших студентов, которые также имеют реальную возможность реализовать себя в международных научных проектах, в словарных разработках и рецензиях, а также видят результаты своей научно-исследовательской деятельности.

С. А. Маник,
кандидат филологических наук,
доцент Ивановского государственного университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

22 сентября 2010 г. в Ивановском государственном университете состоялся Международный семинар преподавателей английского языка (International Seminar of English Language University Teachers in Ivanovo State University), организованный по инициативе кафедры английской филологии ИвГУ (зав. кафедрой — д-р филол. наук, проф. О. М. Карпова, координатор — д-р филол. наук, проф. Г. М. Вишневская). Гостями семинара были Милан Миланович (Университет, г. Крагуевац, Сербия), региональный координатор Международного проекта «English Profile», и проф. Л. А. Городецкая (г. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова), главный консультант издательства «Cambridge University Press».

Презентация М. Милановича («An Introduction to English Profile») была посвящена описанию основ международного инновационного проекта по оценке знаний английского языка согласно установленным международным стандартам. Участники семинара были ознакомлены с идеей международного проекта по улучшению обучения английскому языку для целей межкультурной профессиональной коммуникации. Презентация Л. А. Городецкой («English Unlimited: from e-portfolio to blended learning materials») содержала обзор новейшей учебной литературы по английскому языку издательства «Cambridge University Press». В Международном семинаре приняли участие 36 человек: преподаватели английского языка ИвГУ, а также гости из вузов г. Иванова (ИГЭУ, ИГМА, ИГТА), г. Владимира (Владимирский государственный гуманитарный университет), г. Ярославля (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского). Семинар вызвал большой интерес специалистов по обучению английскому языку в вузе в связи с необходимостью повышения уровня языковой компетенции студентов и выпускников вузов и возможностями участия в международном проекте «English Profile».

Программа «English Profile» (www.englishprofile.org) — новый международный проект, направленный на совершенствование процессов изучения и преподавания английского языка. Его целью также является усовершенствование процедур измерения навыков владения различными видами речевой деятельности на всех уровнях Европейской шкалы. «English Profile» — совместная программа развития обучения английскому языку, в которой участвуют Британский совет, Кембриджское отделение ESOL (Кембриджский экзамен на знание английского как иностранного языка), издательство «Cambridge University Press» и ряд других известных образовательных заведений Великобритании. С целями программы «English Profile» совпадают и цели компании «Education First» (EF), являющейся мировым лидером международного образования, основанной еще в 1965 г. с целью уменьшения языковых, культурных и географических барьеров. Около 400 школ компании «EF», существующих на планете и насчитывающих более 15 миллионов студентов, специализируются в языковом образовании, обучении с присуждением научных степеней, в учебе за границей и культурном обмене. Компания «EF» открыла подразделение в научно-исследовательском центре английского языка и прикладной лингвистики Кембриджского университета. Создав это научно-исследовательское подразделение, «EF» стала первой в мире об-

разовательной компанией, начавшей сотрудничество с Кембриджским университетом с целью изучения факторов, способствующих более скорому и эффективному освоению английского языка студентами. Этот проект является частью осуществляемой «EF» многомиллионной программы инвестирования в научные исследования и разработки. Инновационные научные разработки направлены на индивидуализированное ускоренное обучение английскому языку. Передовая система обучения успешно осуществляется в международных школах «EF» (www.ef.com) и в онлайн школе «EF EnglishTown» (www.englishtown.com), опыт которых по обучению английскому языку глубоко и всесторонне изучается.

Реалии современного мира — процессы интеграции и интернационализации разных сфер человеческой жизнедеятельности, отражающиеся во множественных профессиональных и личностных контактах представителей разных культур, а также социально-экономическая и политическая обстановка в нашей стране, обозначившая стремление России к дальнейшей интеграции в мировое сообщество, и в частности в европейское общеобразовательное пространство, — всё это обуславливает необходимость владения английским языком как общественно и лично значимым фактором, расширяющим возможности самореализации современного человека. Обучение английскому языку в вузе рассматривается как обязательный компонент профессиональной подготовки любого профиля, а владение иностранным языком (особенно английским как ‘lingua franca’ XXI века) как фактор, повышающий степень востребованности специалиста на рынке труда и одновременно как один из показателей уровня образованности современного человека.

Курс английского языка для студентов российских вузов носит профессионально-ориентированный характер. Конечной целью обучения является подготовка будущих специалистов к иноязычной профессиональной коммуникации, предполагающая формирование у студентов коммуникативной компетенции, необходимой для межкультурного профессионального общения, а задачей изучения дисциплины является формирование практических навыков и умений во всех видах речевой деятельности на иностранном языке — говорении, аудировании, чтении и письме. Условия аудиторного (искусственного) билингвизма, при отсутствии соответствующего языкового «погружения», затрудняют усвоение навыков иностранного языка в русской аудитории. Поскольку целью проекта «English Profile» является исследование процесса обучения, преподавания и оценки знаний студентов для повышения эффективности изучения английского языка, анализ информации о степени владения английским языком студентами российских вузов на фоне известных международных стандартов представляет интерес для преподавателей иностранных языков. Использование положительного международного опыта по эффективному обучению иностранному языку принесет несомненную пользу при условии активного участия преподавателей из России, в том числе и преподавателей факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета, в программе международного проекта «English Profile».

Г. М. Вишневская

доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии ИвГУ

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ELT PROFESSIONAL DEVELOPMENT»

В течение 12 лет продолжается совместная деятельность кафедры английской филологии с офисом английского языка Посольства США в Москве. В рамках этого сотрудничества проводятся ежегодный научно-методический семинар «ELT Professional Development» и другие мероприятия для учителей школ г. Иванова и области и преподавателей вузов.

10 декабря 2010 г. состоялся XIV научно-методический семинар, в котором приняли участие более 130 учителей из Иванова, Вичуги, Южи, Приволжска, Тейкова, Фурманова и других городов и поселков Ивановской области. Перед участниками семинара выступила доктор Тони Халл, специалист в области методики преподавания иностранных языков. Она рассказала присутствующим об использовании некоторых вебсайтов, которые могут быть полезны при изучении американской истории, политической системы и культуры США. Живой интерес вызвал мастер-класс, посвященный использованию «ситуативных комедий», или ситкомов, в учебном процессе по английскому языку.

Презентации осуществлялись с привлечением интернет-ресурсов и мультимедийных технологий. Использование аутентичных материалов, интерактивных форм работы с аудиторией способствует совершенствованию профессионально значимых умений учителей. Совершенствуется их коммуникативная компетенция, так как происходит непосредственный контакт с носителем языка в ситуации погружения в естественную языковую среду.

Тони Халл прекрасно владеет техникой публичных выступлений, риторическими приемами и языком жестов. Она успешно активизировала аудиторию, вовлекая слушателей в живую дискуссию.

Подобные семинары, безусловно, положительно сказываются на повышении уровня владения иностранным языком как средством общения, так как языковые средства используются слушателями в различных контекстах спонтанно и на продуктивном уровне.

Большинство участников семинара являются членами Ивановской ассоциации преподавателей английского языка IVELTA (Ivanovo English Language Teachers' Association). Членство в Ассоциации позволяет учителям школ и преподавателям вузов не только принимать участие в работе научно-методического семинара, но и в различных совместных проектах, программах. Так, благодаря Ассоциации старший преподаватель кафедры английской филологии Е. Н. Пастухова приняла участие в программе международных визитов «International Visitor Leadership Program», финансируемой Госдепартаментом США и получила прекрасную возможность посетить США в январе-феврале 2010 г.

Научно-методический семинар является эффективным инструментом реализации краткосрочных и вполне конкретных задач повышения квалификации. Как свидетельство профессионального роста учителя получают *сертификат*.

По окончании семинара его участники получили интересные дидактические материалы, наглядные пособия, журнал по методике обучения иностранным языкам «Forum» и другие полезные материалы. Учителя выразили благодарность Тони Халл, офису английского языка Посольства США, в

частности Елене Лубниной, а также президенту Ивановской ассоциации учителей английского языка IVELTA, проректору ИвГУ, заведующей кафедрой английской филологии доктору филологических наук, профессору Ольге Михайловне Карповой.

С. К. Бобринёва

доцент кафедры английской филологии

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ КАФЕДРЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Международный научно-методический семинар в Иванове

23—25 апреля 2010 г. в Ивановском государственном университете прошел Международный научно-методический семинар «Преподавание литературы в условиях кризиса книжной культуры: вызовы междисциплинарности», организованный научным образовательным центром «Художественное слово в пространстве культуры» при поддержке Программы Фулбрайта. Это научное событие стало важнейшим компонентом совместной научно-методической декады «Литература и “литературность” в составе современного гуманитарного знания», организованной учеными МГУ им. М. В. Ломоносова и Ивановского государственного университета, преподаватели и аспиранты которого приняли участие в круглом столе, состоявшемся 20 апреля при поддержке кафедры общей теории словесности и Института мировой культуры МГУ (координатор — президент Российской ассоциации выпускников Программы Фулбрайта доктор филологических наук, профессор Т. Д. Венедиктова). В ходе работы круглого стола ивановские ученые имели возможность принять участие в обсуждении докладов ведущих российских ученых — Н. С. Автономовой (ИФ РАН / РГГУ) «Современное философское письмо и проблемы перевода» и С. Н. Зенкина (МГУ/ РГГУ) «Литературность и ответственность».

Ивановский семинар, организованный выпускницей Программы Фулбрайта 2000 г. (Irvine University, California) доктором филологических наук, заведующей кафедрой зарубежной литературы ИвГУ О. Ю. Анцыферовой, собрал 25 университетских преподавателей литературы из ведущих вузов европейской части России. В состав участников вошли и представители университетской администрации (деканы, зав. кафедрами), и профессора, и доценты, и аспиранты. «Актив» семинара составили выпускники Программы Фулбрайта, которые прошли стажировки в ведущих университетах США, известных своими литературоведческими школами.

Острейшая актуальность научного мероприятия поддерживалась всеобщей убежденностью в том, что преподавание литературы в российской высшей школе нуждается в серьезном переосмыслении. Специфику данного семинара определила попытка спроецировать американскую литературную теорию на реалии российской высшей школы. Приглашенный в качестве модератора семинара профессор литературы и адъюнкт-профессор медицины Оклахомского университета Рональд Шлейфер предложил для осмысления работы американских литературоведов К. Берка и Дж. Х. Миллера. Обсуждение этих работ стало плодотворным теоретическим зачином для дальнейших научно-профессиональных дискуссий в рамках четырех круглых столов.

В рамках первого круглого стола обсуждался следующий круг проблем: «Курс литературы: форма развития специализированного знания или социокультурных компетенций? Общественный статус литературы как университетской дисциплины». Темой второго круглого стола стала «Междисциплинарность как актуальный контекст преподавания и усвоения знаний: потери и обретения. Преподавание литературы на нефилологических факультетах — утрата профессиональных ориентиров или создание новой интеллектуальной среды?» Третий круглый стол был посвящен анализу современной образовательной ситуации «Между историей литературы и литературной теорией: способы организации литературных курсов. Способы оценки знаний по литературе, способы их проблематизации. Формы контроля знаний по литературе. Что и как спрашивать на экзамене». В ходе работы четвертого круглого стола участники проанализировали «Роль литературы в развитии навыков письменной речи (аналитического письма): от школьного “сочинения” к студенческой (продвинутой?) письменной работе».

Участники семинара получили уникальную возможность не только обсудить острейшие проблемы судеб литературных курсов в высшей школе, но и поделиться друг с другом методическими наработками, на многие из которых оказали весьма плодотворное влияние стажировки в американских университетах. Итоги этого научно-методического мероприятия оказались очень востребованы в современной ситуации перехода российской высшей школы на двухуровневую систему высшего образования.

Выигранный на организацию семинара «малый грант» Программы Фулбрайта позволил дополнить научную и логистическую составляющие культурной программой — посещением ивановских музеев (краеведческого, Музея ситца, Литературного дома-музея Цветаевых), поездкой в живописный волжский городок Плес, где были проведены экскурсии по городу, в музей «Русская изба», в Музей русского пейзажа (Левитана). Вечером первого дня семинара вниманию гостей был предложен концерт, подготовленный хозяевами семинара.

С закрытием семинара преподавателей литературы в вузе международная академическая декада не закончилась. 26 и 27 апреля профессор Рональд Шлейфер прочитал ряд лекций, встреченных ивановской научной общественностью с глубоким интересом. Лекция «Популярная музыка и модернизм: Джордж и Айра Гершвины, простонародный язык и искусство цитирования» продемонстрировала виртуозное применение «высокой» литературной теории к явлениям популярной культуры и показала в действии интермедиаальный подход в преподавании американской культуры. Презентация собрала большую и внимательную аудиторию студентов, аспирантов и преподавателей факультета РГФ ИвГУ.

Лекция о значении литературы в преподавании медицинской этики с вниманием была выслушана интернами и преподавателями Медицинской академии г. Иванова и вызвала много острых вопросов.

Лекция «О преподавании литературы в США: “новая критика”, письмо и чтение», носившая научно-методический характер, была заинтересованно воспринята преподавателями языковых и литературоведческих кафедр, аспирантами и студентами старших курсов ИвГУ.

Тонкий знаток литературы, Рональд Шлейфер с неподдельным интересом ознакомился с библиотеками и музеями Иванова. Знаковым для него

стало посещение концерта солистов московской консерватории, посвященного русской и зарубежной музыке пушкинских времен.

Став, при поддержке Программы Фулбрайта, значимым научным событием весны 2010 г., совместная академическая декада ИвГУ и МГУ вселяет уверенность в необходимости дальнейшего развития российско-американского научного сотрудничества в области гуманитарного знания, а также в плодотворности развития университетского федерализма — как составляющей российского общегосударственного курса, направленного на развитие федералистского принципа и горизонтальных межрегиональных связей.

О. Ю. Анцыферова,

доктор филологических наук, зав. кафедрой зарубежной литературы

Кафедра зарубежной литературы традиционно придает большое значение просветительской и воспитательной работе со студентами, сочетая ее с образовательными инновациями и научно-исследовательскими разработками.

Таким мероприятием стал творческий вечер, посвященный 110-летию со дня рождения Н. Саррот, который состоялся 24 ноября 2010 г. и был подготовлен аспиранткой кафедры Евгенией Ворониной. Его целью явилось знакомство с наследием французской писательницы, одной из самых значимых фигур в литературе XX века. Погружение в творчество осуществлялось с помощью как традиционных (доклад), так интерактивных форм работы (викторина), с применением инновационных технологий. Вечер был организован и проведен при активном участии студенток 3—4-го курсов французского отделения.

Н. Саррот — личность уникальная. Родившись в Иваново-Вознесенске, она стала всемирно известной французской романисткой. Избегая шумной славы, Саррот перевернула основы классической литературы. Встреча прошла под названием «A vous, Nathalie», звучащим для русского слуха как поэтическое посвящение.

Начался вечер со вступительного слова зав. кафедрой зарубежной литературы О. Ю. Анцыферовой, отметившей, что это уже пятый литературный вечер, организованный на факультете РГФ за последние годы. Студенты познакомились с основными вехами жизненного и творческого пути Н. Саррот. Затем ведущие напомнили о «Золотых плодах» — романе, входящем в программные списки зарубежной литературы XX века, и предложили поучаствовать в посвященной ему викторине. Зрителям был предложен ряд заданий, проверяющих их знание теории литературы и навыки стилистического анализа текста. Было дано и творческое задание: создать проект обложки для романа. Пока команды готовились, вниманию зрителей был предложен показ фотографий о чудом сохранившемся в нашем городе доме французской писательницы, сопровождавшийся чтением воспоминаний о нем из книги «Детство». Еще одним сюрпризом для собравшихся был тот факт, что наследие Саррот не забыто и творчески перерабатывается в других видах искусства — скульптуре и кинематографе, что и было красочно продемонстрировано в виде презентации, фрагментов театральной постановки и художественного фильма.

Писательница за свой долгий творческий век выступила и в роли драматурга. Она написала серию пьес для радио, часть которых была впоследствии поставлена на театральной сцене. Фрагмент одной из этих пьес — «Isma, ou Ce qui s'appelle rien» («Иссм, или То, что не имеет названия») — и был представлен зрителям на языке оригинала. При всей минималистичности декора (пьесы Саррот не ориентируются на костюмы и декорации) произведение требовало от актеров вдумчивой работы со словом, интонацией, жестами, что прекрасно воплотили в своей игре студентки 3—4-го курсов французского отделения.

Под занавес было прочитано вольное продолжение первого произведения писательницы (XXV глава «Тропизмов»), пародирующее ее стиль и посвященное ИвГУ. Этот пункт программы оказался гвоздем вечера! В завершение состоялась раздача «золотых плодов» участникам мероприятия и победителям викторины. Итог вечера закономерно подвел А. Н. Таганов — ведущий «сарротовед» не только Иванова, но и России. Хочется верить, что изучение творчества Натали Саррот будет продолжено в форме курсовых и выпускных квалификационных работ, а также кандидатских диссертаций.

22 декабря 2010 г. кафедра зарубежной литературы, продолжая традицию тематических вечеров, провела литературную встречу, посвященную 170-летию со дня рождения английского писателя Томаса Гарди (1840—1928). Безусловно, это одно из самых ярких и интересных имен в английской литературе рубежа XIX—XX веков. Т. Гарди — поздневикторианский писатель и поэт трагического мироощущения, над героями которого тяготеет рок. Однако в России широкому читателю Гарди известен в основном как автор одной книги — «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891). Тем ценнее, что инициатива обращения к творческому наследию этого британского автора исходила от студентов факультета романо-германской филологии, которые решили восстановить справедливость и дать по возможности полное представление о личности и творчестве Томаса Гарди. Студенты 2—3-го курсов проявили себя как креативно и нестандартно мыслящие люди, для которых классические культурные ценности не утратили своей значимости и злободневности.

Будучи по замыслу не столько «культурно-массовым», сколько просветительским мероприятием, вечер был призван приобщить студентов к самым разным формам постижения учебной программы и подвести их к научно-исследовательской деятельности в рамках научно-образовательного центра «Художественное слово в пространстве культуры». Оригинально и логично составленный сценарий (автором которого стала студентка 3-го курса А. Князева) чередовал научные и научно-популярные доклады, оттененные удачно подобранным аудиовизуальным сопровождением, интермедийные презентации, викторины.

Значимым разделом программы вечера стала декламация стихотворений Гарди в оригинале. Зрители имели возможность убедиться в его поэтическом мастерстве, благодаря которому он считается одним из реформаторов стихосложения в Англии. Слушатели смогли ощутить музыкальность и своеобразие ритмической организации стихотворений. Кроме того, студенты факультета РГФ представили свои переводы стихов Гарди на русский язык.

Первое место в конкурсе переводов заняла студентка 3-го курса К. Кочеткова. Кстати, ровно год назад она же стала лауреатом конкурса аналитических эссе, посвященных русским переводам Роберта Бернса, организованного кафедрой зарубежной литературы в декабре 2010 г. Отрадно, что студенческие эссе, посвященные поэзии Бернса, уже нашли своего читателя: они были опубликованы в международном бальмонттовском альманахе «Солнечный ветер».

Необходимым элементом любого литературного вечера являются конкурсы для аудитории — творческие задания, позволяющие зрителям проверить свой кругозор, эрудицию, быстроту мышления. Подобные формы работы готовят студентов к освоению инновационных образовательных технологий, адаптируют к новым оценочным средствам контроля освоения учебного материала, о необходимости которых сейчас столько говорят и пишут методисты. На этот раз викторина состояла из вопросов о викторианской эпохе и викторианских писателях. Пуританские нравы XIX века, болезненные проблемы времени, забавные традиции и обычаи, требования этикета, длинные платья с кринолинами — без всего этого невозможно представить себе жизнь героев Гарди, понять их, проникнуть вглубь психологии человека того чопорного века. Многие вопросы прозвучали на английском языке.

В поле зрения участников вечера попало не только литературное наследие Гарди в его разных жанровых изводах, но и многочисленные экранизации его произведений, свидетельствующие о непреходящей актуальности феномена Гарди и в эпоху «кризиса книжной культуры».

Логичным завершением вечера и его кульминацией, потребовавшей многодневной подготовки, трепетного вглядывания в художественную ткань прозы Гарди, стала инсценировка по мотивам романа «Гэсс из рода Д'Эрбервиллей», с блеском исполненная студентами второго и третьего курсов на английском языке. Инсценировка представляла собой монтаж ключевых эпизодов романа, где авторский текст Гарди звучал в своем первоизданном виде, без каких-либо упрощений и адаптаций. Молодые актеры не только продемонстрировали незаурядные сценические способности, но и значительно продвинулись за время репетиций в своем знании общественных и культурных реалий викторианской Англии, да и просто расширили свое представление о стилистическом богатстве изучаемого языка и его художественных возможностях.

Литературная встреча, посвященная Томасу Гарди, еще раз подтвердила, что внеучебные просветительские мероприятия подобного рода занимают важное место в формировании будущего специалиста по зарубежной филологии. В методическом плане тематический вечер представляет собой целый комплекс заданий, позволяющих отработать как общекультурные, так и профессиональные компетенции учащихся. Прежде всего студенты осваивают навыки самоорганизации, учатся работать в коллективе. Само их желание больше узнать о понравившемся писателе, представить в творческой, интересной форме свои открытия и достижения свидетельствует о стремлении к саморазвитию, повышению уровня квалификации, углублению знаний, полученных при изучении основного курса истории мировой литературы. Необходимым условием проведения тематического вечера оказывается освоение большого объема материалов самого разного свойства (учебные, научные, критические, художественные тексты, видеofilмы и т. д.). Такая работа развивает навыки сбора и анализа литературных фактов (с активным приме-

нением информационных технологий). При этом свежесть и новизна форм работы (видеопрезентация, викторина, написание сценария вечера) делают процесс освоения материала увлекательным и интересным. Кроме того, студенты получают возможность обрести навыки публичного выступления перед аудиторией, в том числе и на изучаемом ими иностранном языке. В конечном итоге все это способствует духовному росту личности, ее рефлексивному приобщению к культуре другого народа.

Е. Б. Воронина

аспирант кафедры зарубежной литературы

П. В. Николаева

доцент кафедры зарубежной литературы,

кандидат филологических наук

РАБОТА ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ДМ 212.062.06 В ИВАНОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 2010 г.

Диссертационный совет ДМ 212.062.06 утвержден при Ивановском государственном университете приказом Рособрнадзора № 1925-736 от 08.09.2009 г. Особенность совета заключается в его региональной направленности (Иваново — Владимир). Члены диссертационного совета — доктора наук, местом работы которых являются преимущественно Ивановский государственный университет и Владимирский государственный гуманитарный университет. Кроме того, в состав совета входят специалисты из ведущих вузов Москвы, Санкт-Петербурга, а также Смоленска и Костромы.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям 10.02.04 — германские языки и 10.02.01 — русский язык.

В 2010 г. проведено 13 заседаний совета по защите 12 кандидатских и 1 докторской диссертаций. Из них 6 соискателей представили свои работы по специальности 10.02.04 — германские языки и 7 по специальности 10.02.01 — русский язык. Диссертационные исследования были выполнены не только авторами из Иванова и Владимира, но и из Москвы, Костромы, Саранска, Мурома.

Тематика защищенных диссертаций отражает актуальные проблемы современной германистики и русистики.

Защищенные диссертационные исследования в области германских языков имеют научную новизну в таких разделах лингвистики, как лексикография, интонология, прагматика языковых единиц. В частности, диссертация А. В. Баламаковой (г. Иваново) «Коммуникативно-прагматическая интерпретация интонации вопросительного высказывания в устном юридическом дискурсе (на материале американского варианта английского языка)» посвящена современной интонологии и связана с изучением коммуникативной прагматики звучащей английской речи. В работе М. А. Кулагиной (г. Иваново) «Учебно-ориентированные словари для иммигрантов: принципы построения» раскрываются лексикографические принципы построения современных английских учебно-ориентированных словарей различных типов с учетом потребностей и особенностей иммигрантов, изучающих английский язык на разных этапах. Изучению некооперативного коммуникативного по-

ведения посвящено диссертационное исследование С. И. Москалёвой (г. Иваново) «Лингвистические способы создания комического в некооперативном речевом общении (на материале немецких языковых бытовых анекдотов)». На статистически достоверном уровне наблюдений выполнена работа Н. А. Наумовой (г. Владимир) «Ономазиологический аспект акцентной нормы в префиксальных глаголах английского языка (экспериментально-фонетическое исследование)». Кандидатская диссертация Е. Ю. Турлачевой (г. Саранск) «Лексико-грамматическая организация заголовка англоязычного художественного текста (на материале коротких рассказов XVIII—XXI вв.)» выполнена в русле современного учения о текстопостроении и имеет научную и практическую значимость для осмысления процессов языковой коммуникации. Особой строкой выделяется защита докторской диссертации Л. Г. Казарян (г. Москва) «Предложения с элиминированной формой выражения предикативного отношения: синтактика, семантика, прагматика (на материале немецкоязычных художественных текстов XIX—XX вв.)», научная новизна которой базируется на том, что к немецкому элиминированному предложению применен комплексный подход.

Значительное количество защищенных диссертационных работ связано с актуальными вопросами современного русского языка (специальность 10.02.01 — русский язык): особенности синтаксического членения предложения (Н. В. Корнилов (г. Владимир) «Вопрос об аппозитивных сочетаниях в истории русской грамматической мысли») и синтагматической организации речи (С. В. Маркина (г. Муром) «Параллелизм как вид синтаксической связи»); лингвокультурология (Н. Н. Конарева (г. Иваново) «Метафорическая репрезентация художественного концепта ЛЮБОВЬ в поэтическом дискурсе М. Цветаевой»); особенности ономастических контекстов (Л. Ю. Горнакова (г. Иваново) «Аллюзивный поэтоним Лиза в русской литературе: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа»); фразеология (Е. Е. Кидярова (г. Кострома) «Фразеологические единицы в поэзии И. А. Бродского и их корреляты в авторских англоязычных переводах» и Н. Н. Баскакова (г. Кострома) «Фразеологические единицы в художественной прозе русских писателей-народников (на материале произведений Н. Н. Златовратского и А. И. Левитова)»); специфика русской языковой картины мира (Н. В. Масалева (г. Иваново) «Соматизмы в русской языковой картине мира»).

Все диссертационные исследования кроме научной новизны имеют выраженный прикладной аспект и обладают высокой практической значимостью, поскольку используются в образовательной практике высших учебных заведений (при проведении лекционных курсов, практических занятий, курсов по выбору, подготовке курсовых и дипломных работ).

Диссертационный совет ДМ 212. 062.06 уже готовится к рассмотрению достаточного количества новых диссертационных работ.

Ученый секретарь диссертационного совета **Ф. И. Карташкова**
Исполнительный секретарь **Н. Ю. Хорецкая**

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА КАРПОВА: УЧЕНЫЙ-ЛЕКСИКОГРАФ, ПЕДАГОГ

За всю историю своего существования Ивановский университет подарил научному миру не одно поколение талантливых ученых, преподавателей и общественных деятелей, имеющих широкое признание не только в России, но и в международном научном сообществе. Достоиный представитель плеяды выдающихся личностей Ивановского государственного университета — доктор филологических наук, профессор Ольга Михайловна Карпова, чей вклад в процветание и развитие университета выражается в зримых результатах ее научной и общественной деятельности.

Профессор О. М. Карпова является основателем и бессменным руководителем Ивановской лексикографической школы, действующей на базе кафедры английской филологии Ивановского государственного университета.

Освоение лексикографических просторов Ольгой Михайловной Карповой началось в 1970-е. Будучи аспиранткой Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Ольга Михайловна под руководством профессора Леонида Павловича Ступина, самообытного, незаурядного и мудрого человека, взяла старт на покорение лексикографических высот и в 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Историко-типологическое исследование словарей языка английских и американских писателей».

Огромная трудоспособность, целеустремленность, неподдельный интерес к выбранному объекту исследования, преданность делу, яркий талант лидера способствовали тому, что в 1990 г. О. М. Карповой в стенах того же Ленинградского университета была успешно защищена докторская диссертация «Шекспировская лексикография. Типология. Становление. Проблемы». Именно область писательской лексикографии стала одним из главных лексикографических виражей юбиляра (об этом свидетельствует и выход книги «English Author Dictionaries (the XVIth — the XXIst cc.)» в издательстве «Cambridge Scholars Publishing»). Разработанная Ольгой Михайловной теория английской писательской лексикографии и созданная полная хронологическая библиография различного

рода авторских справочников, начиная с XVI в., уникальны и будут полезны как отечественным, так и зарубежным специалистам.

В период с 1995 г. Ольгой Михайловной было организовано девять международных школ-семинаров по лексикографии. Их посетили ведущие ученые России и стран ближнего и дальнего зарубежья, которые также ежегодно по приглашению профессора О. М. Карповой читают курс лекций для студентов Ивановского государственного университета. Первым приглашенным ученым стал доктор Р. Р. К. Хартманн (Великобритания), основатель Европейской ассоциации лексикографии; с пленарными докладами выступили ведущий терминолог профессор Г. Пихт (Германия), доктор Р. Ватведт Фьельд (Норвегия), доктор К. Варантола (Финляндия) и другие авторитетные ученые, проявившие неподдельный интерес к российской науке и Ивановской лексикографической школе. Важно отметить, что школы-семинары завоевали исключительную популярность и среди ведущих издательств научной и справочной литературы (Астрель, Академия, АБВУ Lingvo, HarperCollins и др.). По результатам конференций опубликовано восемь томов материалов, ответственным редактором которых выступила О. М. Карпова.

Научные изыскания профессора О. М. Карповой нашли свое отражение в 314 научных трудах (в том числе в 19 монографиях и 2 учебных пособиях), изданных в России и за рубежом. Впервые в истории факультета РГФ в издательстве «Cambridge Scholars Publishing» (Великобритания) вышли три коллективные монографии, ответственными редакторами которых стали профессор О. М. Карпова и профессор Ф. И. Карташкова. Данные научные труды объединили в себе исследования ведущих ученых-лексикографов России и мира, работающих в области теоретической и прикладной лексикографии. Монографии вызвали широкий резонанс в лингвистических кругах и были высоко оценены отечественными и зарубежными специалистами. Подобное сотрудничество со столь авторитетным издательством, безусловно, способствует продвижению достижений российской науки, и лексикографии в частности, на мировой уровень.

Исследования Ольги Михайловны не перестают вызывать живой интерес у научного сообщества, она постоянно выступает с лекциями и докладами на всероссийских и международных конференциях в качестве докладчика, а также приглашенного ученого. О. М. Карпова является членом Европейской ассоциации лексикографии (EURALEX), Общества исторической лексикографии (Великобритания), председателем секции «Лексикология и лексикография» Национального общества прикладной лингвистики.

Под руководством профессора О. М. Карповой защищены двадцать одна кандидатская и одна докторская диссертации по проблемам общей и специальной лексикографии. Ежегодно ее аспиранты и студенты имеют уникальную возможность пройти стажировки в ведущих отечественных и зарубежных лексикографических центрах.

С 1991 г. профессор О. М. Карпова занимает должность заведующей кафедрой английской филологии Ивановского государственного университета. Под ее чутким руководством и при активнейшем участии происходило (и происходит) постоянное развитие научно-методической базы кафедры, были установлены стабильные связи с крупнейшими российскими вузами и ведущими зарубежными филологическими центрами. Среди коллег и партнеров кафедры — МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, Московский педагогический

государственный университет, Институт развития образования Ивановской области, Университет Тампере (Финляндия) и др.

Качественная профессиональная подготовка выпускников кафедры обеспечивается высокой квалификацией преподавателей, в числе которых в настоящее время 4 доктора и 11 кандидатов наук: они дают студентам фундаментальные знания в рамках специальности «Английская филология» и эффективно готовят их к практической деятельности в соответствии с присваиваемой квалификацией «Филолог».

Обучение языковым дисциплинам ведется с применением специализированного мультимедийного оборудования и программного обеспечения, богатой медиатеки с аутентичными материалами на различных носителях. В фондах кафедры имеются новейшие обучающие и справочные пособия, подготовленные как ведущими отечественными и зарубежными издательствами и разработчиками, так и преподавателями кафедры. Сама профессор О. М. Карпова — автор более двух десятков учебных и методических пособий в помощь студентам языковых и неязыковых вузов. В 2010 г. в издательском центре «Академия» в свет вышел учебник Ольги Михайловны «Английская лексикография», которому был присвоен гриф УМО.

В 1995 г. при кафедре была открыта аспирантура по направлению «Германские языки», что дало возможность многим талантливым выпускникам продолжить учебу и научно-исследовательскую деятельность по самым актуальным направлениям современной лингвистики: проблемам теоретической и прикладной лексикографии, гендерным исследованиям, речевому и невербальному общению, фонетическим аспектам билингвизма, истории языка. За время существования аспирантуры было подготовлено порядка 60 кандидатов наук. Многие из них сейчас работают в крупнейших университетах нашей страны, а также в зарубежных вузах и компаниях.

Воспитанники Ольги Михайловны преподают как в родном Ивановском государственном университете, так и в других вузах Иванова, Москвы, Братска, Ярославля, США, Великобритании. Некоторые успешно трудятся в правительственных структурах, средствах массовой информации, бизнесе. Но вне зависимости от сферы деятельности каждый из бывших аспирантов Ольги Михайловны получает самую высокую оценку своей работы и имеет репутацию грамотного, исполнительного, ответственного и надежного сотрудника.

В настоящее время профессор О. М. Карпова является председателем Совета по защите докторских диссертаций ДМ 212.062.06 по специальности 10.02.04 — германские языки и 10.02.01 — русский язык, руководит аспирантами и докторантами, а также организует студенческую научную деятельность.

В 1998—1999 гг. профессором Ольгой Михайловной Карповой и доцентом Ириной Павловной Лихаревой (которая в то время занимала должность декана факультета романо-германской филологии) была разработана дополнительная образовательная программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Их силами кафедра английской филологии первой в регионе получила право на ее реализацию. С тех пор студенты других факультетов и вузов имеют уникальную возможность расширить сферу своей профессиональной компетенции. В современном мире знание иностранных языков становится все более необходимым для достижения успеха, оно открывает новые горизонты на профессиональном поприще, позволяет расширять кругозор, добиваться поставленных целей.

Стоит отметить, что на отделении работает высококвалифицированный преподавательский состав: кандидаты наук, доценты и профессора кафедры английской филологии. В своей работе они стараются найти подход к каждому студенту с учетом его базовой специальности, а также индивидуальных особенностей.

Ольга Михайловна выступила инициатором проведения ежегодных «Шекспировских чтений» — внеаудиторного мероприятия для студентов четвертого курса. Оно проходит в форме театрализованных постановок самых ярких отрывков из пьес классика, конкурсов на лучшего чтеца его сонетов, а также на их самый удачный перевод. Это дает студентам прекрасную возможность глубже изучить литературное наследие великого мастера слова и раскрыть свой творческий потенциал.

Более десяти лет О. М. Карпова руководила международным академическим обменом с Данией. Участниками данной программы стали более 600 студентов. В данный момент О. М. Карпова организует работу международных студенческих семинаров во Флоренции (Италия) по проекту нового типа словаря «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People (Writers, Artists, Musicians): Project of a Dictionary for Guides and Tourists».

Ольга Михайловна является президентом Ивановской ассоциации преподавателей английского языка. Ежегодно на базе кафедры английской филологии Ивановского государственного университета совместно с офисом английского языка при Посольстве США в Москве проводятся семинары «ELT Professional Development» для преподавателей английского языка Ивановской области, на которых каждый педагог может повысить свою квалификацию, познакомиться с новыми учебно-методическими ресурсами и технологиями в преподавании английского языка, получить уникальный шанс прослушать лекционные курсы представителей офиса английского языка при Посольстве США в Москве и получить сертификат по окончании мероприятия.

Жизнь Ивановского университета не ограничивается исключительно научной деятельностью. ИвГУ занимает активную общественную позицию в жизни города и области. Значительная роль в университете отводится гражданско-патриотическому, духовно-нравственному воспитанию молодежи, развитию у молодых людей стремления к сохранению и приумножению нравственных, культурных и общечеловеческих ценностей, формированию и пропаганде в молодежной среде ценностей здорового образа жизни, вовлечению молодежи в решение проблем города и области, поддержке молодых талантов. Связи с общественностью и воспитательная работа в Ивановском университете реализуется отделом, который возглавляет О. М. Карпова, олицетворяющая собой не только талантливого и признанного на мировом уровне ученого, но и активного общественного деятеля. В настоящее время в ведении Ольги Михайловны находятся связи университета с прессой, администрацией города Иванова, правительством Ивановской области, другими вузами.

О. М. Карпова курирует работу Центра профессиональной ориентации и содействия трудоустройству выпускников «Карьера», студенческого совета по связям с общественностью. Центр «Карьера» обеспечивает связь студентов и выпускников ИвГУ с потенциальными работодателями, предоставляя информацию о текущем состоянии регионального рынка труда, возможностях трудоустройства и требованиях, предъявляемых к соискателям рабочих мест.

С 2008 г. в ведении Ольги Михайловны находится воспитательная работа в Ивановском государственном университете. О. М. Карпова уделяет большое внимание эстетическому и нравственному воспитанию студентов. Она является учредителем проектов «Свет России» и «Студенческая филармония», которые дают возможность молодым талантливым художникам и музыкантам представить свои работы широкой публике, а студентам и профессорско-преподавательскому составу познакомиться с тенденциями и веяниями современного искусства. Под руководством О. М. Карповой студенты-волонтеры принимают участие в организации Международного кинофестиваля им. А. Тарковского «Зеркало», который ежегодно проходит в Иванове.

Ольга Михайловна не оставляет без внимания и формирование навыков здорового образа жизни. Она была инициатором разработки концепции воспитательной деятельности университета, которая была принята в 2003 г., а затем утверждена с дополнением «Здоровьесберегающая программа сопровождения образовательного процесса в Ивановском государственном университете» в 2009 г.

О. М. Карпова стала обладателем различных грантов за свою научную деятельность, работала в Англии (грант Британской академии наук) и Норвегии (Университет Осло).

Она отмечена двумя наградами Европейской ассоциации лексикографии Verbatim Awards (1993, 1997), медалью Юджина Вюстера (ЮНЕСКО) за пропаганду российской науки за рубежом, имеет почетное звание «Заслуженный работник Высшей школы РФ». 5 марта 2010 г. состоялось торжественное награждение лауреатов государственной премии Ивановской области «Женщина года». За личный вклад в развитие научного и культурного потенциала города и области, за активную гражданскую и нравственную позицию почетные медали и дипломы были вручены самым достойным представителям образовательной, культурной и общественной жизни нашего края. Награду из рук губернатора Ивановской области М. А. Меня получила и профессор О. М. Карпова.

Коллектив кафедры английской филологии выражает искреннюю благодарность своему руководителю Ольге Михайловне Карповой за то, что наша кафедра имеет признанный авторитет не только в российском, но и в международном научном сообществе, за то, что она дала многим из нас уникальный шанс побывать на встречах с ведущими российскими и европейскими учеными и представить наши научные изыскания на всероссийских и международных конференциях, за ее грамотно выстроенную политику руководства кафедрой, за помощь и поддержку. Поздравляя Ольгу Михайловну, каждый из нас желает ей покорения новых лексикографических высот и гордится тем, что имеет возможность учиться, работать и перенимать бесценный опыт у такого талантливого исследователя, креативного и компетентного педагога, яркой и незаурядной личности, как Ольга Михайловна Карпова.

Коллектив кафедры английской филологии

АННОТАЦИИ

Ю. Л. Цветков

ПРИРОДА ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ Г. КАЙЗЕРА

На примере ранней драмы Г. Кайзера «Бубновый король» рассматриваются основные принципы создания драмы «духовного превращения» под влиянием философской книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: система образов-марионеток, развитие внутреннего конфликта, композиция и условность игрового действия. На протяжении двух десятилетий Кайзер искусно варьировал сходные композиционные построения в различных жанрах (от комедии до трагедии), сохранив архитектуру драмы и в период развития экспрессионизма, создав самые известные «драмы преображения» человека: трилогию «Коралл», «Газ» и «Газ. Вторая часть».

Ключевые слова: экспрессионизм, театр идей, драма духовного превращения, персонажи-марионетки, «новый человек», утопия, игровое начало, пафос, пародия, гротеск, тезисность монологов и диалогов.

И. С. Киселева

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЬЕСЫ Т. ДОРН «МАРЛЕНИ. ПРУССКИЕ ДИВЫ, БЕЛОКУРЫЕ, КАК СТАЛЬ»

Комедия «Марлени» создана молодой берлинской писательницей Т. Дорн в 1998 году. Автор четко определила жанр своего произведения, назвав пьесу «психологический гротеск». Комедия «Марлени» строится по принципу игры в допущения. В основе ее интриги лежит никогда не имевшая места в действительности встреча двух великих женщин — Марлен Дитрих и Лени Рифеншталь.

Ключевые слова: психологический гротеск, «новая новая драма», система персонажей, хронотоп, комическое, игровое начало, буффонада, внутренний конфликт, пародия, фарс.

Т. М. Трофименко

**РОМАН О. ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНА «БУДУЩАЯ ЕВА»
И ФРАНЦУЗСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА**

Рассматриваются особенности романа Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» (1886), в котором автор, опираясь на последние достижения науки и техники, — на фоне становления и эволюции научно-фантастической литературы во Франции XVII—XIX вв. — выдвигает свою версию создания искусственного человека.

Ключевые слова: французская литература, фантастика, научная фантастика, социальная утопия, антиутопия.

М. Н. Павлова

**ИНТУИЦИЯ-СУЖДЕНИЕ И ИНТУИЦИЯ-ДОГАДКА
В КОСМОЛОГИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ Э. ПО «ЭВРИКА»**

Рассматривается проблема интуиции в научно-философском трактате Э. По «Эврика». На идейно-тематическом уровне интуиция позволяет Э. По сформулировать оригинальную космологическую теорию; обсуждение роли интуиции в познании обуславливает эстетическое своеобразие произведения.

Ключевые слова: Эдгар По, романтизм, «Эврика», космологический трактат, взаимодействие науки и литературы, интуиция, познание, индуктивизм Бэкона.

П. М. Тамаев

**ПРИРОДНЫЙ МИР НА СТРАНИЦАХ ОХОТНИЧЬИХ КНИГ
С. Т. АКСАКОВА**

Статья посвящена 220-летию со дня рождения певца русской природы и детства Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859). В ней осмысливаются особенности художественного видения писателя, его метода и стиля.

Ключевые слова: природный мир, художественное видение, метод, жанр, стиль.

Н. Л. Ермолаева

**«И БЛЕСК, И ТЕНЬ, И ГОВОР ВОЛН...»
(Человек и море в очерках путешествия И. А. Гончарова
на фрегате «Паллада»)**

Анализируются способы изображения отношений человека и морской стихии в очерках Гончарова («Фрегат “Паллада”», «Два случая из морской жизни», «Через двадцать лет»). Осмысливается своеобразие миропонимания и дарования писателя на фоне творчества его современников.

Ключевые слова: «поэтический комплекс моря»; жизнь на берегу и «морская жизнь»; «всё так обыкновенно»; психологизм, живописание, фило-софичность, «литературность», мифологизация, религиозность.

К. М. Денисов

НЕКОТОРЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НЕОДНОРОДНОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Анализируется специфика терминологической системы английского языка. Теоретически переосмысливается терминологическая неоднородность входных единиц специальных словарей с точки зрения механизмов и этапов формирования основ лингвистического знания.

Ключевые слова: терминологическая неоднородность, упорядочение терминологии, логико-понятийная система, терминологическая система.

Н. Д. Миловская, С. И. Москалева

СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ БЫТОВОМ АНЕКДОТЕ

Семантический механизм создания юмористического эффекта в немецком языковом бытовом анекдоте Wortwitz предлагается интерпретировать как столкновение примарного и секундарного значений опорной лексемы «X». Одной из его реализаций является окказиональное варьирование значения опорной лексемы «X».

Ключевые слова: языковой бытовой анекдот, опорная лексема, семантический механизм, окказиональное значение, окказиональное варьирование.

М. В. Лутцева

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ *LONGMAN EXAMS DICTIONARY*)

Объектом исследования являются учебные словари современного английского языка. В связи с возрастанием интереса к английскому языку как средству международного общения появляется потребность в справочниках нового типа, включающих все составляющие английского языка: фонетику, лексику и грамматику. В ходе лексикографического анализа словаря «Longman Exam Dictionary» определяются основные тенденции составления данных лексикографических трудов.

Ключевые слова: лексикография, учебный словарь, словник, входная единица, словарная статья, пример, помета, грамматический справочник.

С. А. Маник

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

Рассматриваются вопросы перевода новой общественно-политической лексики, выполняемого в духе «репрезентативного перевода» (способность перевода представлять, замещать собой оригинал в языке и культуре перевода). Описывается довольно широкий спектр инструментов современной лексикографии для регистрирования перевода с одного языка на другой. В частности, для успешного замещения / перевода в двуязычном словаре ОПЛ необходимы лингвистические и культурно-прагматические данные. Изложенные тезисы иллюстрируются многочисленными примерами.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, двуязычный словарь, перевод, репрезентативный перевод.

А. А. Хуснутдинов, А. А. Хуснутдинова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЛЕКСИКОНЕ РЯДОВОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Описывается фразеологическая часть лексикона рядового носителя языка. Анализируется состав идиоматических выражений и особенности их стандартного и трансформированного использования в речи информанта. Определяются параметры, которые важны для характеристики фразеологии языковой личности.

Ключевые слова: фразеология, языковая личность, фразеологический лексикон, трансформация фразеологизма.

SUMMARIES

Yu. L. Tsvetkov

THE NATURE OF G. KAISER'S EXPRESSIONIST DRAMA

The article is aimed at analyzing the basic principles of «spiritual transformation» drama including imagery, conflict development, composition and action conventionality as exemplified in «The King of Diamonds», G. Kaiser's early drama, which was created under the influence of F. Nietzsche's «Thus Spoke Zarathustra». For two decades Kaiser skillfully modified similar compositional structures to various genres (ranging from comedy to tragedy) preserving drama architectonics in the age of expressionism and creating the most famous «spiritual transformation» dramas: «The Coral» trilogy, «Gas» and «Gas II».

Key words: spiritual transformation drama, parody, grotesque, play element, utopia, expressionism, urbanism, «new human», theatre of ideas, puppet characters, pathos, thesis-based monologues and dialogues.

I. S. Kiseleva

GENRE-RELATED PECULIARITY OF T. DORN'S PLAY «MARLENI, PRUSSIAN DIVEN BLOND LIKE STEEL»

The comedy «Marleni» was written in 1998 by T. Dorn, a young writer from Berlin. The author has clearly defined the genre of her play by calling it «a psychological grotesque». The principle underlying «Marleni», in particular, is that of playing with assumptions. Its intrigue is based on a meeting of Marlene Dietrich and Leni Riefenstahl, two great women, who never met each other in reality.

Key words: psychological grotesque, «new new drama», system of characters, chronotope, comic element, play element, buffoonery, internal conflict, parody, farce.

T. M. Trofimenko

«TOMORROW'S EVE» BY O. VILLIERS DE L'ISLE-ADAM AND FRENCH SCIENCE FICTION

The article is aimed at tracing the peculiarities of «Tomorrow's Eve» (1886), a novel by O. Villiers de l'Isle-Adam in which the author speculates on a new mode

of creating an artificial human being based on the latest discoveries in science and technology in the context of formation and development of science fiction in 17—19th centuries in France.

Key words: French literature, fantasy fiction, science fiction, social utopia, antiutopia

M. N. Pavlova

INTUITIVE PROPOSITION AND INTUITIVE INSIGHT IN E. POE'S COSMOLOGICAL TREATISE «EUREKA»

The article explores the problem of intuition in E. Poe's «Eureka», a philosophical and scientific treatise. In terms of content intuition enables Poe to formulate an original cosmological theory whereas the discussion of the role of intuition in cognition adds to the aesthetic peculiarity of the work.

Key words: Edgar Poe, romanticism, «Eureka», cosmological treatise, interaction of science and literature, intuition, cognition, Bacon's inductivism.

P. M. Tamaev

NATURAL WORLD'S VISION IN THE HUNTER'S BOOKS BY S. AKSAKOV

The present article is dedicated to the 220th anniversary of the Russian nature and childhood singer Sergei Aksakov (1791—1859). It observes the characteristics of the writer's artistic vision, method and style.

Key words: natural world, artistic vision, method, genre, style.

N. L. Ermolaeva

«AND SHINE, AND SHADOW, AND SOUND OF WAVES...» (*Man and sea in the travel essays by I. A. Goncharov on the frigate «Pallada»*)

The article analyses the ways of depicting man and sea in the essays «Frigate «Pallada»», «Two cases from sea-life», «Twenty years after». The author dwells on the specificity of the writer's view on the world and his creative gift on the background of his contemporaries.

Key words: poetic complex of sea; «on-land life» and «sea-life»; «everything is so ordinary»; psychological manner of the writer; painting with the word, philosophical colouring of literary work, mythological, literary and religious associations in I. A. Goncharov's prose.

K. M. Denisov

SOME EPISTEMOLOGICAL GROUNDS FOR THE HETEROGENEITY OF ENGLISH PHONETIC TERMINOLOGY

The article discloses some specific aspects of the terminological system of the English language. The core objective of the article is the theoretical revision of the terminological heterogeneity of the respective LSP dictionaries entry items from the perspective of the linguistic knowledge basics formation.

Key words: terminological heterogeneity, terminological unification, logical and conceptual system, terminological system.

N. D. Milovskaya, S. I. Moskaleva

SEMANTIC WAY OF CREATING COMIC EFFECT IN GERMAN LINGUISTIC EVERYDAY JOKE

Semantic way of creating comic effect in German linguistic everyday joke Wortwitz is interpreted as a collision of primary and secondary meanings of the basic lexeme «X». One of its realizations is the occasional change of the meaning of the basic lexeme «X».

Key words: linguistic everyday joke, the basic lexeme, semantic way, occasional meaning, occasional change.

M. V. Lutseva

NEW TRENDS IN PEDAGOGICAL LEXICOGRAPHY (REVISING LONGMAN EXAM DICTIONARY)

Pedagogical dictionaries of the current English are the subject of the research. As English has become the language of international communication users require new types of reference books that describe not only vocabulary of the English language, but also phonetics and grammar. Lexicographic analysis of Longman Exam Dictionary helps us to identify recent trends of dictionary-making.

Key words: lexicography, pedagogical dictionary, middle matter, entry, dictionary article, illustration, label, dictionary grammar.

S. A. Manik

ON TRANSLATION OF NEW SOCIO-POLITICAL LEXIS IN BILINGUAL DICTIONARY

The work is devoted to translation of new socio-political lexis made in the spirit of «representative translation» (ability to represent, substitute, replace the original by the translation in the language and culture). A pretty wide range of modern lexicographic techniques of translation registration is described. In particular linguistic and cultural pragmatic data are essential for a successful replace-

ment/translation in bilingual dictionary of socio-political vocabulary. The given ideas are illustrated by numerous examples.

Key words: socio-political vocabulary, bilingual dictionary, translation, representative translation.

A. A. Khusnutdinov, A. A. Khusnutdinova

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE LEXICON OF A PRIVAT NATIVE SPEAKER

The phraseological part of the lexicon of a private native speaker is described in the article. The list of idioms and their standard and transformed usage in the discourse of an informant are analyzed. The parameters which are important to characterize phraseology of linguistic identity are defined.

Key words: phraseology, linguistic identity, phraseological part of the lexicon, transformation of an idiom.

Сведения об авторах

ДЕНИСОВ Константин Михайлович кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет.
bondin5@yahoo.com

ЕРМОЛАЕВА Нина Леонидовна кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и культурологии, Ивановский государственный университет.
ninaermolaeva1@yandex.ru

КИСЕЛЕВА Ирина Станиславовна кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы, Ивановский государственный университет.
FriedaK@yandex.ru

ЛУТЦЕВА Мария Владимировна кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка
mery-3@mail.ru

МАНИК Светлана Андреевна кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет.
Svetlana_manik@yahoo.com

МИЛОВСКАЯ Наталья Дмитриевна кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкой филологии, Ивановский государственный университет.
milnatdm@yandex.ru

МОСКАЛЕВА Светлана Игоревна старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Ивановский государственный университет.
svet.moskaleva@mail.ru

ПАВЛОВА Марина Николаевна ассистент кафедры английского языка, Ивановский государственный университет.
MarinaPavlova117@mail.ru

ТАМАЕВ Павел Михайлович доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологии, Ивановский государственный университет.
rusloos@mail.ru

ТРОФИМЕНКО старший преподаватель кафедры
Татьяна Михайловна романской филологии и латинского языка,
Ивановский государственный университет.
troftatyana@yandex.ru

ХУСНУТДИНОВ доктор филологических наук, профессор,
Арсен Александрович заведующий кафедрой современного русского
языка и методики преподавания,
Ивановский государственный университет.
arsen1418@mail.ru

ХУСНУТДИНОВА студентка 3-го курса
Александра Арсеновна филологического факультета,
Ивановский государственный университет.
arsen1418@mail.ru

ЦВЕТКОВ доктор филологических наук, профессор
Юрий Леонидович кафедры зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
jzvetkov@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на диске стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

**Ольга Михайловна Карпова:
ученый, лексикограф, педагог**

За всю историю своего существования Ивановский университет подарил научному миру не одно поколение талантливых ученых, преподавателей и общественных деятелей, имеющих широкое признание не только в России, но и в международном научном сообществе. Достоинный представитель плеяды выдающихся личностей Ивановского государственного университета — доктор филологических наук, профессор Ольга Михайловна Карпова, чей вклад в процветание и развитие университета выражается в зримых результатах ее научной и общественной деятельности.

Профессор О. М. Карпова является основателем и бессменным руководителем Ивановской лексикографической школы, действующей на базе кафедры английской филологии Ивановского государственного университета.

Освоение лексикографических просторов Ольгой Михайловной Карповой началось в 1970-е. Будучи аспиранткой Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Ольга Михайловна под руководством профессора Леонида Павловича Ступина, самобытного, незаурядного и мудрого человека, взяла старт на покорение лексикографических высот и в 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Историко-типологическое исследование словарей языка английских и американских писателей».

Огромная трудоспособность, целеустремленность, неподдельный интерес к выбранному объекту исследования, преданность делу, яркий талант лидера способствовали тому, что в 1990 г. О. М. Карповой в стенах того же Ленинградского университета была успешно защищена докторская диссертация «Шекспировская лексикография. Типология. Становление. Проблемы». Именно область писательской лексикографии стала одним из главных лексикографических виражей юбиляра (об этом свидетельствует и выход книги «English Author Dictionaries (the XVIth — the XXIst cc.)» в издательстве «Cambridge Scholars Publishing»). Разработанная Ольгой Михайловной теория английской писательской лексикографии и созданная полная хронологическая библиография различного рода авторских справочников начиная с XVI века, уникальны и будут полезны как отечественным, так и зарубежным специалистам.

В период с 1995 г. Ольгой Михайловной было организовано девять международных школ-семинаров по лексикографии. Их посетили ведущие ученые России и стран ближнего и дальнего зарубежья, которые также ежегодно по приглашению профессора О. М. Карповой читают курс лекций для студентов Ивановского государственного университета. Первым приглашенным ученым стал доктор Р. Р. К. Хартманн (Великобритания), основатель Европейской ассоциации лексикографии; с пленарными докладами выступили ведущий терминолог профессор Г. Пихт (Германия), доктор Р. Ватведт Фьельд (Норвегия), доктор К. Варантола (Финляндия) и другие авторитетные ученые, проявившие неподдельный интерес к российской науке и Ивановской лексикографической школе. Важно отметить, что школы-семинары завоевали исключительную популярность и среди ведущих издательств научной и справочной литературы (Астрель, Академия, АБВУ Lingvo, HarperCollins и др.). По результатам конференций опубликовано восемь томов материалов, ответственным редактором которых выступила О. М. Карпова.

Научные изыскания профессора О. М. Карповой нашли свое отражение в 314 научных трудах (в том числе в 19 монографиях и 2 учебных пособиях), изданных в России и за рубежом. Впервые в истории факультета РГФ в издательстве «Cambridge Scholars Publishing» (Великобритания) вышли три коллективные монографии, ответственными редакторами которых стали профессор О. М. Карпова и профессор Ф. И. Карташкова. Данные научные труды объединили в себе исследования ведущих ученых-лексикографов России и мира, работающих в области теоретической и прикладной лексикографии. Монографии вызвали широкий резонанс в лингвистических кругах и были высоко оценены отечественными и зарубежными специалистами. Подобное сотрудничество со столь авторитетным издательством, безусловно, способствует продвижению достижений российской науки, и лексикографии в частности, на мировой уровень.

Исследования Ольги Михайловны не перестают вызывать живой интерес у научного сообщества, она постоянно выступает с лекциями и докладами на всероссийских и международных конференциях в качестве докладчика, а также приглашенного ученого. О. М. Карпова является членом Европейской ассоциации лексикографии (EURALEX), Общества исторической лексикографии (Великобритания), председателем секции «Лексикология и лексикография» Национального общества прикладной лингвистики.

Под руководством профессора О. М. Карповой защищены двадцать одна кандидатская и одна докторская диссертации по проблемам общей и специальной лексикографии. Ежегодно ее аспиранты и студенты имеют уникальную возможность пройти стажировки в ведущих отечественных и зарубежных лексикографических центрах.

С 1991 г. профессор О. М. Карпова занимает должность заведующей кафедрой английской филологии Ивановского государственного университета. Под ее чутким руководством и при активнейшем участии происходило (и происходит) постоянное развитие научно-методической базы кафедры, были установлены стабильные связи с крупнейшими российскими вузами и ведущими зарубежными филологическими центрами. Среди коллег и партнеров кафедры — МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, Московский педагогический государственный университет, Институт развития образования Ивановской области, Университет Тампере (Финляндия) и др.

Качественная профессиональная подготовка выпускников кафедры обеспечивается высокой квалификацией преподавателей, в числе которых в настоящее время 4 доктора и 11 кандидатов наук: они дают студентам фундаментальные знания в рамках специальности «Английская филология» и эффективно готовят их к практической деятельности в соответствии с присваиваемой квалификацией «Филолог».

Обучение языковым дисциплинам ведется с применением специализированного мультимедийного оборудования и программного обеспечения, богатой медиатеки с аутентичными материалами на различных носителях. В фондах кафедры имеются новейшие обучающие и справочные пособия, подготовленные как ведущими отечественными и зарубежными издательствами и разработчиками, так и преподавателями кафедры. Сама профессор О. М. Карпова — автор более двух десятков учебных и методических пособий в помощь студентам языковых и неязыковых вузов. В 2010 г. в издательском центре «Академия» в свет вышел учебник Ольги Михайловны «Английская лексикография», которому был присвоен гриф УМО.

В 1995 г. при кафедре была открыта аспирантура по направлению «Германские языки», что дало возможность многим талантливым выпускникам продолжить учебу и научно-исследовательскую деятельность по самым актуальным направлениям современной лингвистики: проблемам теоретической и прикладной лексикографии, гендерным исследованиям, речевому и невербальному общению, фонетическим аспектам билингвизма, истории языка. За время существования аспирантуры было подготовлено порядка 60 кандидатов наук. Многие из них сейчас работают в крупнейших университетах нашей страны, а также в зарубежных вузах и компаниях.

Воспитанники Ольги Михайловны преподают как в родном Ивановском государственном университете, так и в других вузах Иванова, Москвы, Братска, Ярославля, США, Великобритании. Некоторые успешно трудятся в правительственных структурах, средствах массовой информации, бизнесе. Но вне зависимости от сферы деятельности каждый из бывших аспирантов Ольги Михайловны получает самую высокую оценку своей работы и имеет репутацию грамотного, исполнительного, ответственного и надежного сотрудника.

В настоящее время профессор О. М. Карпова является председателем Совета по защите докторских диссертаций ДМ 212.062.06 по специальности 10.02.04 — германские языки и 10.02.01 — русский язык, руководит аспирантами и докторантами, а также организует студенческую научную деятельность.

В 1998—1999 гг. профессором Ольгой Михайловной Карповой и доцентом Ириной Павловной Лихаревой (которая в то время занимала должность декана факультета романо-германской филологии) была разработана дополнительная образовательная программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Их силами кафедра английской филологии первой в регионе получила право на ее реализацию. С тех пор студенты других факультетов и вузов имеют уникальную возможность расширить сферу своей профессиональной компетенции. В современном мире знание иностранных языков становится все более необходимым для достижения успеха, оно открывает новые горизонты на профессиональном поприще, позволяет расширять кругозор, добиваться поставленных целей.

Стоит отметить, что на отделении работает высококвалифицированный преподавательский состав: кандидаты наук, доценты и профессора кафедры английской филологии. В своей работе они стараются найти подход к каждому студенту с учетом его базовой специальности, а также индивидуальных особенностей.

Ольга Михайловна выступила инициатором проведения ежегодных «Шекспировских чтений» — внеаудиторного мероприятия для студентов четвертого курса. Оно проходит в форме театрализованных постановок самых ярких отрывков из пьес классика, конкурсов на лучшего чтеца

его сонетов, а также на их самый удачный перевод. Это дает студентам прекрасную возможность глубже изучить литературное наследие великого мастера слова и раскрыть свой творческий потенциал.

Более десяти лет О. М. Карпова руководила международным академическим обменом с Данией. Участниками данной программы стали более 600 студентов. В данный момент О. М. Карпова организует работу международных студенческих семинаров во Флоренции (Италия) по проекту нового типа словаря «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People (Writers, Artists, Musicians): Project of a Dictionary for Guides and Tourists».

Ольга Михайловна является президентом Ивановской ассоциации преподавателей английского языка. Ежегодно на базе кафедры английской филологии Ивановского государственного университета совместно с офисом английского языка при Посольстве США в Москве проводятся семинары «ELT Professional Development» для преподавателей английского языка Ивановской области, на которых каждый педагог может повысить свою квалификацию, познакомиться с новыми учебно-методическими ресурсами и технологиями в преподавании английского языка, получить уникальный шанс прослушать лекционные курсы представителей офиса английского языка при Посольстве США в Москве получить сертификат по окончании мероприятия.

Жизнь Ивановского университета не ограничивается исключительно научной деятельностью. ИвГУ занимает активную общественную позицию в жизни города и области. Значительная роль в университете отводится гражданско-патриотическому, духовно-нравственному воспитанию молодежи, развитию у молодых людей стремления к сохранению и приумножению нравственных, культурных и общечеловеческих ценностей, формированию и пропаганде в молодежной среде ценностей здорового образа жизни, вовлечению молодежи в решение проблем города и области, поддержке молодых талантов. Связи с общественностью и воспитательная работа в Ивановском университете реализуется отделом, который возглавляет О. М. Карпова, олицетворяющая собой не только талантливую и признанную на мировом уровне ученую, но и активного общественного деятеля. В настоящее время в ведении Ольги Михайловны находятся связи университета с прессой, администрацией города Иванова, правительством Ивановской области, другими вузами.

О. М. Карпова курирует работу Центра профессиональной ориентации и содействия трудоустройству выпускников «Карьера», Студенческого совета по связям с общественностью. Центр «Карьера» обеспечивает связь студентов и выпускников ИвГУ с потенциальными работодателями, предоставляя информацию о текущем состоянии регионального рынка труда, возможностях трудоустройства и требованиях, предъявляемых к соискателям рабочих мест.

С 2008 г. в ведении Ольги Михайловны находится воспитательная работа в Ивановском государственном университете. О. М. Карпова уделяет большое внимание эстетическому и нравственному воспитанию студентов. Она является учредителем проектов «Свет России» и «Студенческая филармония», которые дают возможность молодым талантливым художникам и музыкантам представить свои работы широкой публике, а студентам и профессорско-преподавательскому составу познакомиться с тенденциями и веяниями современного искусства. Под руководством О. М. Карповой студенты-волонтеры принимают участие в организации Международного кинофестиваля им. А. Тарковского «Зеркало», который ежегодно проходит в Иванове.

Ольга Михайловна не оставляет без внимания и формирование навыков здорового образа жизни. Она была инициатором разработки концепции воспитательной деятельности университета, которая была утверждена в 2003 г., а затем утверждена с дополнением «Здоровьесберегающая программа сопровождения образовательного процесса в Ивановском государственном университете» в 2009 году.

О. М. Карпова стала обладателем различных грантов за свою научную деятельность, работала в Англии (грант Британской Академии наук) и Норвегии (Университет Осло).

Она отмечена двумя наградами Европейской ассоциации лексикографии Verbatim Awards (1993, 1997), медалью Юджина Вюстера (ЮНЕСКО) за пропаганду российской науки за рубежом, имеет почетное звание «Заслуженный работник Высшей школы РФ». 5 марта 2010 г. состоялось торжественное награждение лауреатов государственной премии Ивановской области «Женщина года». За личный вклад в развитие научного и культурного потенциала города и области, за активную гражданскую и нравственную позицию почетные медали и дипломы были вручены самым достойным представителям образовательной, культурной и общественной жизни нашего края. Награду из рук губернатора Ивановской области М. А. Меня получила и профессор О. М. Карпова.

Коллектив кафедры английской филологии выражает искреннюю благодарность своему руководителю, Ольге Михайловне Карповой, за то, что наша кафедра имеет признанный авторитет не

только в российском, но и в международном научном сообществе, за то, что она дала многим из нас уникальный шанс побывать на встречах с ведущими российскими и европейскими учеными и представить наши научные изыскания на всероссийских и международных конференциях, за ее грамотно выстроенную политику руководства кафедрой, за помощь и поддержку. Поздравляя Ольгу Михайловну, каждый из нас желает ей покорения новых лексикографических высот и гордится тем, что имеет возможность учиться, работать и перенимать бесценный опыт у такого талантливого исследователя, креативного и компетентного педагога, яркой и незаурядной личности, как Ольга Михайловна Карпова.

Коллектив кафедры английской филологии

Хроника научной жизни кафедры зарубежной литературы Международный научно-методический семинар в Иванове

23—25 апреля 2010 г. в Ивановском государственном университете прошел Международный научно-методический семинар «Преподавание литературы в условиях кризиса книжной культуры: вызовы междисциплинарности», организованный научным образовательным центром «Художественное слово в пространстве культуры» при поддержке Программы Фулбрайта. Это научное событие стало важнейшим компонентом совместной научно-методической декады «Литература и “литературность” в составе современного гуманитарного знания», организованной учеными МГУ им. М. В. Ломоносова и Ивановского государственного университета, преподаватели и аспиранты которого приняли участие в круглом столе, организованном 20 апреля кафедрой общей теории словесности и Институтом мировой культуры МГУ (координатор — президент Российской ассоциации выпускников Программы Фулбрайта, доктор филологических наук, профессор Т. Д. Венедиктова). В ходе работы круглого стола ивановские ученые имели возможность принять участие в обсуждении докладов ведущих российских ученых — Н. С. Автономовой (ИФ РАН / РГГУ) «Современное философское письмо и проблемы перевода» и С. Н. Зенкина (МГУ/ РГГУ) «Литературность и ответственность».

Ивановский семинар, организованный выпускницей Программы Фулбрайта 2000 г. (Irvine University, California) доктором филологических наук, заведующей кафедрой зарубежной литературы ИвГУ О. Ю. Анцыферовой, собрал 25 университетских преподавателей литературы из ведущих вузов европейской части России. В состав участников вошли и представители университетской администрации (деканы, зав. кафедрами), и профессора, и доценты, и аспиранты. «Актив» семинара составили выпускники Программы Фулбрайта, которые прошли стажировки в ведущих университетах США, известных своими литературоведческими школами.

Острейшая актуальность научного мероприятия поддерживалась всеобщей убежденностью в том, что преподавание литературы в российской высшей школе нуждается в серьезном переосмыслении. Специфику данного семинара определила попытка спроецировать американскую литературную теорию на реалии российской высшей школы. Приглашенный в качестве модератора семинара профессор литературы и адъюнкт-профессор медицины Оклахомского университета Рональд Шлейфер предложил для осмысления работы американских литературоведов К. Берка и Дж. Х. Миллера. Обсуждение этих работ стало плодотворным теоретическим зачином для дальнейших научно-профессиональных дискуссий в рамках четырех круглых столов.

В рамках первого круглого стола обсуждался следующий круг проблем: «Курс литературы: форма развития специализированного знания или социокультурных компетенций? Общественный статус литературы как университетской дисциплины». Темой второго круглого стола стала «Междисциплинарность как актуальный контекст преподавания и усвоения знаний: потери и обретения. Преподавание литературы на нефилологических факультетах — утрата профессиональных ориентиров или создание новой интеллектуальной среды?» Третий круглый стол был посвящен анализу современной образовательной ситуации «Между историей литературы и литературной теорией: способы организации литературных курсов. Способы оценки знаний по литературе, способы их проблематизации. Формы контроля знаний по литературе. Что и как спрашивать на экзамене». В ходе работы четвертого круглого стола участники проанализировали «Роль литературы в развитии навыков письменной речи (аналитического письма): от школьного “сочинения” к студенческой (продвинутой?) письменной работе».

Участники семинара получили уникальную возможность не только обсудить острейшие проблемы судеб литературных курсов в высшей школе, но и поделиться друг с другом методическими наработками, на многие из которых оказали весьма плодотворное влияние

стажировки в американских университетах. Итоги этого научно-методического мероприятия оказались очень востребованы в современной ситуации перехода российской высшей школы на двухуровневую систему высшего образования.

Выигранный на организацию семинара «малый грант» Программы Фулбрайта позволил дополнить научную и логистическую составляющие культурной программой — посещением ивановских музеев (краеведческого, Музея ситца, Литературного дома-музея Цветаевых), поездкой в живописный волжский городок Плес, где были проведены экскурсии по городу, в музей «Русская изба», в Музей русского пейзажа (Левитана). Вечером первого дня семинара вниманию гостей был предложен концерт, подготовленный хозяевами семинара.

С закрытием семинара преподавателей литературы в вузе международная академическая декада не закончилась. 26 и 27 апреля профессор Рональд Шлейфер прочитал ряд лекций, встреченных ивановской научной общественностью с неподдельным и глубоким интересом. Лекция «Популярная музыка и модернизм: Джордж и Айра Гершвины, простонародный язык и искусство цитирования» продемонстрировала виртуозное применение «высокой» литературной теории к явлениям популярной культуры и показала в действии интермедиаальный подход в преподавании американской культуры. Презентация собрала большую и внимательную аудиторию студентов, аспирантов и преподавателей факультета РГФ ИвГУ.

Лекция о значении литературы в преподавании медицинской этики с вниманием была выслушана интернами и преподавателями Медицинской академии г. Иванова и вызвала много заинтересованных и острых вопросов.

Лекция «О преподавании литературы в США: “новая критика”, письмо и чтение», носившая научно-методический характер, была с глубоким интересом встречена преподавателями языковых и литературоведческих кафедр, аспирантами и студентами старших курсов ИвГУ.

Тонкий знаток литературы, Рональд Шлейфер с неподдельным интересом ознакомился с библиотеками и музеями Иванова. Знаковым для него стало посещение концерта солистов московской консерватории, посвященного русской и зарубежной музыке пушкинских времен.

Став, при поддержке Программы Фулбрайта, значимым научным событием весны 2010 г., совместная академическая декада ИвГУ и МГУ вселяет уверенность в необходимости дальнейшего развития российско-американского научного сотрудничества в области гуманитарного знания, а также в плодотворности развития университетского федерализма — как составляющей российского общегосударственного курса, направленного на развитие федералистского принципа и горизонтальных межрегиональных связей.

О. Ю. Анцыферова,

доктор филологических наук, зав. кафедрой зарубежной литературы

Кафедра зарубежной литературы традиционно придает большое значение просветительской и воспитательной работе со студентами, сочетая ее с образовательными инновациями и научно-исследовательскими разработками.

Таким мероприятием стал творческий вечер, посвященный 110-летию со дня рождения Н. Саррот, который состоялся 24 ноября 2010 г. и был подготовлен аспиранткой кафедры Евгенией Ворониной. Его целью явилось знакомство с наследием французской писательницы, одной из самых значимых фигур в литературе XX века. Погружение в творчество осуществлялось с помощью как традиционных (доклад), так интерактивных форм работы (викторина), с применением инновационных технологий. Вечер был организован и проведен при активном участии студенток 3—4-го курсов французского отделения.

Н. Саррот — личность уникальная. Родившись в Иваново-Вознесенске, она стала всемирно известной французской романисткой. Избегая шумной славы, Саррот перевернула основы классической литературы. Встреча прошла под названием «A vous, Nathalie», звучащим для русского слуха как поэтическое посвящение.

Начался вечер со вступительного слова зав. кафедрой зарубежной литературы О.Ю. Анцыферовой, отметившей, что это уже пятый литературный вечер, организованный на факультете РГФ за последние годы. Студенты познакомились с основными вехами жизненного и творческого пути Н. Саррот. Затем ведущие напомнили о «Золотых плодах» — романе, входящем в программные списки зарубежной литературы XX века, и предложили поучаствовать в посвященной ему викторине.

Зрителям был предложен ряд заданий, проверяющих их знание теории литературы и навыки стилистического анализа текста. Было дано и творческое задание: создать проект обложки для романа. Пока команды готовились, вниманию зрителей был предложен показ фотографий о чудом сохранившемся в нашем городе доме французской писательницы, сопровождавшийся чтением воспоминаний о нем из книги «Детство». Еще одним сюрпризом для собравшихся был тот факт, что наследие Саррот не забыто и творчески перерабатывается в других видах искусства — скульптуре и кинематографе, что и было красочно продемонстрировано в виде презентации, фрагментов театральной постановки и художественного фильма.

Писательница за свой долгий творческий век выступила и в роли драматурга. Она написала серию пьес для радио, часть которых была впоследствии поставлена на театральной сцене. Фрагмент одной из этих пьес — «Isma, ou Ce qui s'appelle rien» («Иссм, или То, что не имеет названия») — и был представлен зрителям на языке оригинала. При всей минималистичности декора (пьесы Саррот не ориентируются на костюмы и декорации), произведение требовало от актеров вдумчивой работы со словом, интонацией, жестами, что прекрасно воплотили в своей игре студентки 3—4-го курсов французского отделения.

Под занавес было прочитано вольное продолжение первого произведения писательницы (XXV глава «Тропизмов»), пародирующее стиль писательницы и посвященное ИвГУ. Этот пункт программы оказался гвоздем вечера! В завершение состоялась раздача «золотых плодов» участникам мероприятия и победителям викторины. Итог вечера закономерно подвел А. Н. Таганов — ведущий «сарротовед» не только Иванова, но и России. Хочется верить, что изучение творчества Натали Саррот будет продолжено в форме курсовых и выпускных квалификационных работ, а также кандидатских диссертаций.

22 декабря 2010 г. кафедра зарубежной литературы, продолжая традицию тематических вечеров, провела литературную встречу, посвященную 170-летию со дня рождения английского писателя Томаса Гарди (1840—1928). Безусловно, это одно из самых ярких и интересных имен в английской литературе рубежа XIX—XX веков. Т. Гарди — поздневикторианский писатель и поэт трагического мироощущения, над героями которого тяготеет рок. Однако в России широкому читателю Гарди известен в основном как автор одной книги — «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891). Тем ценнее, что инициатива обращения к творческому наследию этого британского автора исходила от студентов факультета романо-германской филологии, которые решили восстановить справедливость и дать по возможности полное представление о личности и творчестве Томаса Гарди. Студенты 2—3-го курсов проявили себя как креативно и нестандартно мыслящие люди, для которых классические культурные ценности не утратили своей значимости и злободневности.

Будучи по замыслу не столько «культурно-массовым», сколько просветительским мероприятием, вечер был призван приобщить студентов к самым разным формам постижения учебной программы и подвести их к научно-исследовательской деятельности в рамках научно-образовательного центра «Художественное слово в пространстве культуры». Оригинально и логично составленный сценарий (автором которого стала студентка 3-го курса А. Князева) чередовал научные и научно-популярные доклады, оттененные удачно подобранным аудиовизуальным сопровождением, интермедиальные презентации, викторины.

Значимым разделом программы вечера стала декламация стихотворений Гарди в оригинале. Зрители имели возможность убедиться в его поэтическом мастерстве, благодаря которому он считается одним из реформаторов стихосложения в Англии. Слушатели смогли ощутить музыкальность и своеобразие ритмической организации стихотворений. Кроме того, студенты факультета РГФ представили свои переводы стихов Гарди на русский язык. Первое место в конкурсе переводов заняла студентка 3-го курса К. Кочеткова. Кстати, ровно год назад она же стала лауреатом конкурса аналитических эссе, посвященных русским переводам Роберта Бернса, организованного кафедрой зарубежной литературы в декабре 2010 г. Отрадно, что студенческие эссе, посвященные поэзии Бернса, уже нашли своего читателя: они были опубликованы в международном бальмонтовском альманахе «Солнечный ветер».

Необходимым элементом любого литературного вечера являются конкурсы для аудитории — творческие задания, позволяющие зрителям проверить свой кругозор, эрудицию, быстроту мышления. Подобные формы работы готовят студентов к освоению инновационных образовательных технологий, адаптируют к новым оценочным средствам контроля освоения учебного материала, о необходимости которых сейчас столько говорят и пишут методисты. На этот раз викторина состояла из вопросов о викторианской эпохе и викторианских писателях. Пуританские нравы XIX века,

болезненные проблемы времени, забавные традиции и обычаи, требования этикета, длинные платья с кринолинами — без всего этого невозможно представить себе жизнь героев Гарди, понять их, проникнуть вглубь психологии человека того чопорного века. Многие вопросы прозвучали на английском языке.

В поле зрения участников вечера попало не только литературное наследие Гарди в его разных жанровых изводах, но и многочисленные экранизации его произведений, свидетельствующие о непреходящей актуальности феномена Гарди и в эпоху «кризиса книжной культуры». Логичным завершением вечера и его кульминацией, потребовавшей многодневной подготовки, трепетного взглядывания в художественную ткань прозы Гарди, стала инсценировка по мотивам романа «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей», с блеском исполненная студентами второго и третьего курсов на английском языке. Инсценировка представляла собой монтаж ключевых эпизодов романа, где авторский текст Гарди звучал в своем первоизданном виде, без каких-либо упрощений и адаптаций. Молодые актеры не только продемонстрировали незаурядные сценические способности, но и значительно продвинулись за время репетиций в своем знании общественных и культурных реалий викторианской Англии, да и просто расширили свое представление о стилистическом богатстве изучаемого языка и его художественных возможностях.

Литературная встреча, посвященная Томасу Гарди, еще раз подтвердила, что внеучебные просветительские мероприятия подобного рода занимают важное место в формировании будущего специалиста по зарубежной филологии. В методическом плане тематический вечер представляет собой целый комплекс заданий, позволяющих отработать как общекультурные, так и профессиональные компетенции учащихся. Прежде всего студенты осваивают навыки самоорганизации, учатся работать в коллективе. Само их желание больше узнать о понравившемся писателе, представить в творческой, интересной форме свои открытия и достижения свидетельствует о стремлении к саморазвитию, повышению уровня квалификации, углублению знаний, полученных при изучении основного курса истории мировой литературы. Необходимым условием проведения тематического вечера оказывается освоение большого объема материалов самого разного свойства (учебные, научные, критические, художественные тексты, видеофильмы и т. д.). Такая работа развивает навыки сбора и анализа литературных фактов (с активным применением информационных технологий). При этом свежесть и новизна форм работы (видеопрезентация, викторина, написание сценария вечера) делают процесс освоения материала увлекательным и интересным. Кроме того, студенты получают возможность обрести навыки публичного выступления перед аудиторией, в том числе и на изучаемом ими иностранном языке. В конечном итоге все это способствует духовному росту личности, ее рефлексивному приобщению к культуре другого народа.

Е. Б. Воронина

аспирант кафедры зарубежной литературы

П. В. Николаева

доцент кафедры зарубежной литературы,

кандидат филологических наук

**Работе диссертационного совета ДМ 212.062.06
в Ивановском государственном университете в 2010 г.**

Диссертационный совет ДМ 212.062.06 утвержден при Ивановском государственном университете приказом Рособрнадзора № 1925-736 от 08.09.2009 г. Особенность совета заключается в его региональной направленности (Иваново — Владимир). Члены диссертационного совета — доктора наук, местом работы которых являются преимущественно Ивановский государственный университет и Владимирский государственный гуманитарный университет. Кроме того, в состав совета входят специалисты из ведущих вузов Москвы, Санкт-Петербурга, а также Смоленска и Костромы.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям 10.02.04 — германские языки и 10.02.01 — русский язык.

В 2010 г. проведено 13 заседаний совета по защите 12 кандидатских и 1 докторской диссертаций. Из них 6 соискателей представили свои работы по специальности 10.02.04 — германские языки и 7 по специальности 10.02.01 — русский язык. Диссертационные исследования были выполнены не только авторами из Иванова и Владимира, но и из Москвы, Костромы, Саранска, Муромы.

Тематика защищенных диссертаций отражает актуальные проблемы современной германистики и русистики.

Защищенные диссертационные исследования в области германских языков имеют научную новизну в таких разделах лингвистики, как лексикография, интонология, прагматика языковых единиц. В частности, диссертация А. В. Баламаковой (г. Иваново) «Коммуникативно-прагматическая интерпретация интонации вопросительного высказывания в устном юридическом дискурсе (на материале американского варианта английского языка)» посвящена современной интонологии и связана с изучением коммуникативной прагматики звучащей английской речи. В работе М. А. Кулагиной (г. Иваново) «Учебно-ориентированные словари для иммигрантов: принципы построения» раскрываются лексикографические принципы построения современных английских учебно-ориентированных словарей различных типов с учетом потребностей и особенностей иммигрантов, изучающих английский язык на разных этапах. Изучению некооперативного коммуникативного поведения посвящено диссертационное исследование С. И. Москалёвой (г. Иваново) «Лингвистические способы создания комического в некооперативном речевом общении (на материале немецких языковых бытовых анекдотов)». На статистически достоверном уровне наблюдений выполнена работа Н. А. Наумовой (г. Владимир) «Ономастиологический аспект акцентной нормы в префиксальных глаголах английского языка (экспериментально-фонетическое исследование)». Кандидатская диссертация Е. Ю. Турлачевой (г. Саранск) «Лексико-грамматическая организация заголовка англоязычного художественного текста (на материале коротких рассказов XVIII—XXI вв.)» выполнена в русле современного учения о текстопостроении и имеет научную и практическую значимость для осмысления процессов языковой коммуникации. Особой строкой выделяется защита докторской диссертации Л. Г. Казарян (г. Москва) «Предложения с элиминированной формой выражения предикативного отношения: синтактика, семантика, прагматика (на материале немецкоязычных художественных текстов XIX—XX вв.)», научная новизна которой базируется на том, что к немецкому элиминированному предложению применен комплексный подход.

Значительное количество защищенных диссертационных работ связано с актуальными вопросами современного русского языка (специальность 10.02.01 — русский язык): особенности синтаксического членения предложения (Н. В. Корнилов (г. Владимир) «Вопрос об аппозитивных сочетаниях в истории русской грамматической мысли») и синтагматической организации речи (С. В. Маркина (г. Муром) «Параллелизм как вид синтаксической связи»); лингвокультурология (Н. Н. Конарева (г. Иваново) «Метафорическая репрезентация художественного концепта ЛЮБОВЬ в поэтическом дискурсе М. Цветаевой»); особенности ономастических контекстов (Л. Ю. Горнакова (г. Иваново) «Аллюзивный поэтоним Лиза в русской литературе: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа»); фразеология (Е. Е. Кидярова (г. Кострома) «Фразеологические единицы в поэзии И. А. Бродского и их корреляты в авторских англоязычных переводах» и Н. Н. Баскакова (г. Кострома) «Фразеологические единицы в художественной прозе русских писателей-народников (на материале произведений Н. Н. Златовратского и А. И. Левитова)»); специфика русской языковой картины мира (Н. В. Масалева (г. Иваново) «Соматизмы в русской языковой картине мира»).

Все диссертационные исследования кроме научной новизны имеют выраженный прикладной аспект и обладают высокой практической значимостью, поскольку используются в образовательной практике высших учебных заведений (при проведении лекционных курсов, практических занятий, курсов по выбору, подготовке курсовых и дипломных работ).

Диссертационный совет ДМ 212. 062.06 уже готовится к рассмотрению достаточного количества новых диссертационных работ.

Ученый секретарь диссертационного совета **Ф. И. КАРТАШКОВА**
Исполнительный секретарь **Н. Ю. ХОРЕЦКАЯ**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШКОЛЫ-СЕМИНАРЫ ПО ЛЕКСИКОГРАФИИ

По традиции каждые два года в сентябре Ивановский государственный университет становится площадкой для представительного международного форума ученых-лексикографов.

С 1995 г. на базе кафедры английской филологии ИвГУ проходят международные лексикографические школы-семинары, объединяющие лингвистов, известных теоретиков и практиков составления словарей и терминологов из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Бессменным председателем программного комитета и инициатором конференции является доктор

филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Ольга Михайловна Карпова, а идея проведения школ-семинаров была предложена в свое время основателем Европейской ассоциации лексикографов доктором Р. Р. К. Хартманном.

Форма, избранная организаторами школы-семинара, прекрасно отражает идеи преемственности, передачи опыта, творческих споров и плодотворного обмена информацией, свойственных современному научному сообществу. Именно в таком формате начинающие ученые могут не только услышать лекции ведущих отечественных и зарубежных ученых, познакомиться с известными лексикографами, но и доложить о собственных научных изысканиях, научиться проведению научных дискуссий. Подобная форма оказалась привлекательной для многих маститых и начинающих ученых, издателей, преподавателей из разных стран.

Тематика конференций разнообразна: «Язык. Культура. Словари» (2001); «Теоретическая лексикография: современные тенденции развития» (2003); «Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах» (2005); «Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения» (2007); «Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы» (2009).

За эти годы приглашенными лекторами школы-семинара стали экс-президент ЕВРАЛЕКСА К. Варантола (Финляндия), члены правления ЕВРАЛЕКСА Р. Ватведт Фьельд (Норвегия), Дж. ДеСезарис (Испания), почетный профессор ИвГУ К. Хейсли (США), известный терминолог Х. Пихт (Германия), президент Всемирной ассоциации по исторической лексикографии Дж. Коулман (Великобритания), президент Национального общества прикладной лингвистики и Российской ассоциации преподавателей английского языка С. Г. Тер-Минасова (Россия) и многие другие видные ученые.

С каждым годом расширяется география участников школы-семинара. Гостями конференции в разное время стали лексикографы из Канады, ЮАР, Италии, Франции, Норвегии, Дании, Сербии, Хорватии, Японии, Китая, Литвы, Украины, Белоруссии, Казахстана, почти 40 городов России. Каждая конференция собирает до 200 участников, среди которых доктора и кандидаты наук, аспиранты и студенты.

Доклады, прочитанные на пленарных и секционных заседаниях, семинарах и круглых столах во время работы международных школ-семинаров, традиционно находят отражение в сборниках материалов конференций, публикуемых в издательстве «Ивановский государственный университет» (всего 8 томов).

Повышенный интерес к конференциям проявляют многие издательства, например: «Астрель», «Академия», «АВВУ Lingvo», «HarperCollins» и др. Так, с 1998 г. успешно реализуется сотрудничество с лексикографическим домом «HarperCollins» (Великобритания). Проф. О. М. Карпова и ее команда экспертов подготовили более 80 рецензий на новые словари серии «Collins», отразив в них специфику российского пользователя лексикографических продуктов.

В 2007 г. авторитетное издательство «Cambridge Scholars Publishing» (<http://www.c-s-p.org/>) выступило с инициативой публиковать коллективный труд по итогам работы VI Международной школы-семинара. С тех пор в свет вышли уже три коллективные монографии под редакцией проф. О. М. Карповой и проф. Ф. И. Карташковой, а именно «Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures» (2007), «Lexicography and Terminology: A Worldwide Outlook» (2009) и «New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis» (2010). Они вызвали широкий резонанс в отечественных и зарубежных лингвистических кругах, что свидетельствует о международном признании деятельности научной школы проф. О. М. Карповой.

Очередная IX Международная школа-семинар «Лексикографические ресурсы: тенденции и вызовы XXI века» пройдет на базе Ивановского государственного университета 8—10 сентября 2011 г. Подготовка к ней идет полным ходом. Свое согласие участвовать в качестве приглашенных ученых выразили экс-президент Африканской ассоциации лексикографов (AFRILEX) д-р Руфус Гаувз (ЮАР), руководитель лексикографического центра Университета г. Орхус д-р Сандро Нильсен (Дания) и проф. Валентина Скибина (Канада).

Программой предусмотрены пленарные и секционные заседания, семинары, круглые столы и мастер-классы. На обсуждение будут вынесены проблемы исторической, учебной, писательской и культурологической лексикографии. В фокусе внимания, несомненно, окажутся вопросы терминологии и терминологии, использования словарей в профессиональной деятельности, лексикографической разработки языковых единиц, объективирующего коммуникативное поведение людей. Планируются презентации проектов новых лингвистических и энциклопедических словарей,

печатных и электронных справочников для общих и специальных целей. Свою продукцию представят ведущие издательства.

В рамках конференции пройдут однодневный семинар профессионального развития для преподавателей английского языка средних школ и вузов Ивановской области и международный студенческий семинар «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People (Writers, Artists, Musicians). Project of Dictionary for Guides and Tourists», организуемый под патронатом фонда Ромуальдо дель Бьянко (Флоренция, Италия).

Успех школ-семинаров был бы невозможен без поддержки ректора университета проф. В. Н. Егорова, без скоординированной и четкой работы членов оргкомитета проф. А. Н. Таганова, проф. Ф. И. Карташковой, проф. Г. М. Вишневской, а также без помощи наших многочисленных волонтеров — аспирантов и студентов кафедры английской филологии.

Приглашаем всех желающих принять участие в IX Международной школе-семинаре. Заявки принимаются по электронной почте lexico2011@gmail.com.

Хочется надеяться, что конференция, как и прежде, соберет коллег и единомышленников, теоретиков и практиков составления словарей, посвятивших себя этой интересной и многогранной дисциплине — лексикографии!

Е. А. Шилова,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии,
ученый секретарь школы-семинара

Российское и зарубежное лексикографическое сообщество

Ивановская лексикографическая школа под руководством доктора филологических наук О. М. Карповой хорошо известна на территории Российской Федерации и за рубежом. Есть значительные научные достижения и результаты, международное признание и множество учеников.

С 1995 г. на базе кафедры английской филологии ИвГУ раз в два года проходят международные школы-семинары по лексикографии, объединяющие известных лексикографов, термиологов и лингвистов из России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Тематика конференций различна и разнообразна. Тезисы докладов, прочитанных на пленарных заседаниях, семинарах, круглых столах, мастер-классах и презентациях новых словарей во время работы международных школ-семинаров, традиционно находят отражение в сборниках тезисов докладов, опубликованных в издательстве Ивановского государственного университета (всего вышло в свет 8 сборников).

Важно отметить международный характер ивановских лексикографических школ-семинаров. Это, с одной стороны, подтверждается регулярным участием приглашенных известных зарубежных и отечественных лексикографов, а с другой стороны, интересом многих издательств (Астрель, АБВУУ Lingvo, ОИР, HarperCollins, Академия и др.). Сотрудничество с лексикографическим домом «HarperCollins» успешно реализуется с 1998 г. Так, О. М. Карпова и ее аспиранты подготовили 75 рецензий на новые словари серии Collins (с точки зрения российского пользователя). Хотелось бы особо выделить авторитетное издательство Cambridge Scholars Publishing (<http://www.c-s-p.org/>), в 2007 г. выступившее с инициативой публиковать коллективные монографии, в которые вошли избранные труды как отечественных, так и зарубежных ученых по материалам конференций. Cambridge Scholars Publishing — это академический издательский дом, специализирующийся на печати и распространении значимых научных работ. Он имеет свою длинную историю и весомую репутацию в научном мире как авторитетного и солидного издательства, покрывающее наиболее важные научные области знания, освещающее интересные события научно-исследовательской жизни. В свет вышли уже три коллективные монографии под редакцией проф. О. М. Карповой и Ф. И. Карташковой: «New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis». Cambridge, 2010 (Новые тенденции в лексикографии; способы регистрирования и описания лексики); *Lexicography and Terminology: A Worldwide Outlook*. Cambridge, 2009 (Лексикография и терминология: современное состояние в мире); *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures*, Cambridge, 2007 (Очерки по лексикологии, лексикографии, терминологии в русской, американской и других культурах).

Данные монографии вызвали широкий резонанс в лингвистических кругах и высоко оценены отечественными и зарубежными специалистами в области лексикографии. Видимо, этот факт повлиял на решение британского издательства продолжать сотрудничество с Ивановским

государственным университетом в будущем и осветить наиболее интересные труды в четвертой монографии по итогам IX школы-семинара «Лексикографические ресурсы: тенденции и вызовы XXI века», которая пройдет в сентябре 2011 г. в Иванове на базе Ивановского государственного университета.

Публикация коллективной монографии в столь авторитетном издательстве не только почетна, но и является признанием заслуг научной школы проф. О. М. Карповой. На наш взгляд, подобное сотрудничество с известным международным, всемирно признанным издательством Cambridge Scholars Publishing способствует продвижению достижений отечественной науки, лексикографии в частности, на мировой уровень. Пожалуй, за последнее время впервые научные изыскания российских ученых переведены и отредактированы в соответствии с мировыми стандартами английского языка, когда каждому термину дан соответствующий западной научной традиции эквивалент. Как известно, существует много несоответствий терминологического аппарата русского и английского языков. Поэтому редактирование материалов докладов, тезисов презентаций — это огромный труд. Безусловно, наша благодарность редакторам данных сборников, проф. О. М. Карповой и проф. Ф. И. Карташковой, за популяризацию отечественной лингвистической науки безгранична.

Представляется необходимым отметить активное участие членов научной школы О. М. Карповой в иных международных проектах. Так, например, по инициативе и под руководством Ольги Михайловны группа студентов и аспирантов работала на Международном семинаре фонда Ромуальдо дель Бьянко в 2008 г. «Флорентийские мотивы в словарях европейских писателей». Проект оказался настолько успешным и интересным для студентов, что его стали продолжать и развивать при активном содействии и поддержке О. М. Карповой, которая предложила создать проект словаря, создателями которого будут молодые люди, интересующиеся культурой и путешествиями. Этот ежегодный семинар получил название «Флоренция в творчестве европейских писателей и художников: проект энциклопедического словаря для гидов и туристов. Словарь без границ» (http://www.fondazione-delbianco.org/seminari/dett_prog.asp?start=1&idprog=149).

Всероссийское и международное признание лексикографической школы О. М. Карповой бесспорно. Радует, что в Ивановский государственный университет с огромным желанием приезжают именитые ученые для участия в конференциях, для чтения лекций, для работы в семинарах и круглых столах. Это оказывает положительное воздействие на наших студентов, которые также имеют реальную возможность реализовать себя в международных научных проектах, в словарных разработках и рецензиях, а также видят результаты своей научно-исследовательской деятельности.

С. А. Маник,
кандидат филологических наук,
доцент Ивановского государственного университета

Международный семинар преподавателей английского языка

22 сентября 2010 г. в Ивановском государственном университете состоялся Международный семинар преподавателей английского языка (International Seminar of English Language University Teachers in Ivanovo State University), организованный по инициативе кафедры английской филологии ИВГУ (зав. кафедрой — д-р филол. наук, проф. О. М. Карпова, координатор — д-р филол. наук, проф. Г. М. Вишневская). Гостями семинара были Милан Миланович (университет, г. Крагуевац, Сербия), региональный координатор Международного проекта «English Profile», и проф. Л. А. Городецкая (г. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова), главный консультант издательства «Cambridge University Press».

Презентация М. Милановича («An Introduction to English Profile») была посвящена описанию основ Международного инновационного проекта по оценке знаний английского языка согласно установленным международным стандартам. Участники семинара были ознакомлены с идеей Международного проекта по улучшению обучения английскому языку для целей межкультурной профессиональной коммуникации. Презентация Л. А. Городецкой («English Unlimited: from e-portfolio to blended learning materials») содержала обзор новейшей учебной литературы по английскому языку издательства «Cambridge University Press». В Международном семинаре приняли участие 36 человек: преподаватели английского языка ИВГУ, а также гости из вузов г. Иванова (ИГЭУ, ИГМА, ИГТА), г. Владимира (Владимирский государственный гуманитарный университет), г. Ярославля (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского). Семинар вызвал большой интерес специалистов по обучению английскому языку в вузе в связи с необходимостью повышения уровня языковой компетенции студентов и выпускников вузов и возможностями участия в Международном проекте «English Profile».

Программа «English Profile» (www.englishprofile.org) — новый Международный проект, направленный на совершенствование процессов изучения и преподавания английского языка. Его целью также является усовершенствование процедур измерения навыков владения различными видами речевой деятельности на всех уровнях Европейской шкалы. «English Profile» — совместная программа развития обучения английскому языку, в которой участвуют Британский совет, Кембриджское отделение ESOL (Кембриджский экзамен на знание английского как иностранного языка), издательство «Cambridge University Press» и ряд других известных образовательных заведений Великобритании. С целями программы «English Profile» совпадают и цели компании «Education First» (EF), являющейся мировым лидером международного образования, основанной еще в 1965 г. с целью уменьшения языковых, культурных и географических барьеров. Около 400 школ компании «EF», существующих на планете и насчитывающих более 15 миллионов студентов, специализируются в языковом образовании, обучении с присуждением научных степеней, учебе за границей и культурном обмене. Компания «EF» открыла подразделение в научно-исследовательском центре английского языка и прикладной лингвистики Кембриджского университета. Создав это научно-исследовательское подразделение, «EF» стала первой в мире образовательной компанией, начавшей сотрудничество с Кембриджским университетом с целью изучения факторов, способствующих более скорому и эффективному освоению английского языка студентами. Этот проект является частью осуществляемой «EF» многомиллионной программы инвестирования в научные исследования и разработки. Инновационные научные разработки направлены на индивидуализированное ускоренное обучение английскому языку. Передовая система обучения успешно осуществляется в международных школах «EF» (www.ef.com) и в онлайн школе «EF Englishtown» (www.englishtown.com), опыт которых по обучению английскому языку глубоко и всесторонне изучается.

Реалии современного мира — процессы интеграции и интернационализации разных сфер человеческой жизнедеятельности, отражающиеся во множественных профессиональных и личностных контактах представителей разных культур, а также социально-экономическая и политическая обстановка в нашей стране, обозначившая стремление России к дальнейшей интеграции в мировое сообщество, и в частности в европейское общеобразовательное пространство, — всё это обуславливает необходимость владения английским языком как общественно и лично значимым фактором, расширяющим возможности самореализации современного человека. Обучение английскому языку в вузе рассматривается как обязательный компонент профессиональной подготовки любого профиля, а владение иностранным языком (особенно английским как *'lingua franca'* XXI века) как фактор, повышающий степень востребованности специалиста на рынке труда и одновременно как один из показателей уровня образованности современного человека.

Курс английского языка для студентов российских вузов носит профессионально-ориентированный характер. Конечной целью обучения является подготовка будущих специалистов к иноязычной профессиональной коммуникации, предполагающая формирование у студентов коммуникативной компетенции, необходимой для межкультурного профессионального общения, а задачей изучения дисциплины является формирование практических навыков и умений во всех видах речевой деятельности на иностранном языке — говорении, аудировании, чтении и письме. Условия аудиторного (искусственного) билингвизма, при отсутствии соответствующего языкового «погружения», затрудняют усвоение навыков иностранного языка в русской аудитории. Поскольку целью проекта «English Profile» является исследование процесса обучения, преподавания и оценки знаний студентов для повышения эффективности изучения английского языка, анализ информации о степени владения английским языком студентами российских вузов на фоне известных международных стандартов представляет интерес для преподавателей иностранных языков. Использование положительного международного опыта по эффективному обучению иностранному языку принесет несомненную пользу при условии активного участия преподавателей из России, в том числе и преподавателей факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета, в программе международного проекта «English Profile».

Г. М. Вишневская
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии ИвГУ

Научно-методический семинар «ELT Professional Development»

В течение 12 лет продолжается совместная деятельность кафедры английской филологии с офисом английского языка Посольства США в Москве. В рамках этого сотрудничества проводится ежегодный научно-методический семинар «ELT Professional Development» и другие мероприятия для учителей школ г. Иванова и области и преподавателей вузов.

10 декабря 2010 г. состоялся XIV научно-методический семинар, в котором приняли участие более 130 учителей из Иванова, Вичуги, Южи, Приволжска, Тейкова, Фурманова и других городов и поселков Ивановской области. Перед участниками семинара выступила доктор Тони Халл, специалист в области методики преподавания иностранных языков. Она рассказала присутствующим об использовании некоторых вебсайтов, которые могут быть полезны при изучении американской истории, политической системы и культуры США. Живой интерес вызвал мастер-класс, посвященный использованию «ситуативных комедий», или ситкомов, в учебном процессе по английскому языку.

Презентации осуществлялись с привлечением интернет-ресурсов и мультимедийных технологий. Использование аутентичных материалов, интерактивных форм работы с аудиторией способствует совершенствованию профессионально значимых умений учителей. Совершенствуется их коммуникативная компетенция, так как происходит непосредственный контакт с носителем языка в ситуации погружения в естественную языковую среду.

Тони Халл прекрасно владеет техникой публичных выступлений, риторическими приемами и языком жестов. Она успешно активизировала аудиторию, вовлекая слушателей в живую дискуссию.

Подобные семинары, безусловно, положительно сказываются на повышении уровня владения иностранным языком как средством общения, так как языковые средства используются слушателями в различных контекстах спонтанно и на продуктивном уровне.

Большинство участников семинара являются членами Ивановской ассоциации преподавателей английского языка IVELTA (Ivanovo English Language Teachers' Association). Членство в Ассоциации позволяет учителям школ и преподавателям вузов не только принимать участие в работе научно-методического семинара, но и в различных совместных проектах, программах. Так, благодаря Ассоциации старший преподаватель кафедры английской филологии Е. Н. Пастухова приняла участие в программе международных визитов «International Visitor Leadership Program», финансируемой Госдепартаментом США и получила прекрасную возможность посетить США в январе-феврале 2010 г.

Научно-методический семинар является эффективным инструментом реализации краткосрочных и вполне конкретных задач повышения квалификации. Как свидетельство профессионального роста учителя получают *сертификат*.

По окончании семинара его участники получили интересные дидактические материалы, наглядные пособия, журнал по методике обучения иностранным языкам «Forum» и другие полезные материалы. Учителя выразили благодарность Тони Халл, офису английского языка Посольства США, в частности Елене Лубниной, а также президенту Ивановской ассоциации учителей английского языка IVELTA, проректору ИвГУ, заведующей кафедрой английской филологии доктору филологических наук, профессору Ольге Михайловне Карповой.

С. К. Бобринёва

доцент кафедры английской филологии